

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»



ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 3(101)*

Вологда ♦ 2019

Решением
Минобрнауки журнал
«Проблемы развития
территории» включен
в Перечень рецен-
зируемых научных
изданий, в которых
должны быть опу-
бликованы основные
научные результаты
диссертаций на соис-
кание ученой степени
кандидата наук, на
соискание ученой
степени доктора наук
по научным специ-
альностям: 08.00.00 –
экономические науки,
22.00.00 – социологи-
ческие науки

Журнал размещается
в следующих рефера-
тивных и полнотек-
стовых базах данных:
OCLC WorldCat, EBSCO,
ROAR, BASE, OpenAIRE,
RePEc, Ulrich's
Periodicals Directory,
ВИНИТИ РАН, Россий-
ский индекс научного
цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят
обязательное рецен-
зирование. Высказан-
ные в статьях мнения
и суждения могут
не совпадать с точкой
зрения редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикующим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., профессор (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., профессор (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., профессор (Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., профессор (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Мазилев Е.А., Кремин А.Е.

Формирование системы стратегического планирования
развития малого предпринимательства7

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: основные тенденции21

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Киселенко А.Н., Малащук П.А., Сундуков Е.Ю.

Оценка соответствия провозных и пропускных способностей
транспортных путей Европейского и Приуралья Севера России
потребностям Арктической транспортной системы33

Пыжева Ю.И., Зандер Е.В.

Социально-экономическое разнообразие моногородов
Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ49

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Попова Л.А.

Продолжительность жизни населения Республики Коми:
резервы продления позитивных тенденций62

Шматова Ю.Е.

Динамика статистических и социологических показателей
состояния психического здоровья населения России76

Будилов А.П.

Внутрироссийская миграция: дифференциация регионов и ее факторы97

Петровская Ю.А.

Образование как ценность молодежи в контексте
инновационного развития Российской Федерации 107

Логвинова А.В.

Административная система управления
региональным вузом и ее негативные следствия 123

Вяльшина А.А., Дакирова С.Т.

Факторы формирования образовательных ориентаций
выпускников сельских школ Саратовской области 134

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Рассохина И.И., Коткова Д.Н., Платонов А.В.

Анализ мировой публикационной активности
по направлению «биоэкономика» 152

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

Основные тенденции социального самочувствия населения
Вологодской области в апреле 2019 года..... 166

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

Итоги IV международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные
вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» 172

С заседаний ученого совета..... 173

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН 174

Правила для авторов 175

Информация о подписке..... 178

CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Mazilov E.A., Kremin A.E.

- Formation of the System Focused on Strategic
Planning of Small Business Development7

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

- Economic Monitoring: Key Trends.....21

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Kiselenko A.N., Malashchuk P.A., Sundukov E.Yu.

- Assessing Compliance of Carriage and Traffic Capacity of Transport Routes
of the European and Ural North of Russia with Needs of the Arctic Transport System33

Pyzheva Yu.I., Zander E.V.

- Socio-Economic Diversity of Single-Industry Towns
in Siberia and the Far East: Statistical Analysis.....49

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Popova L.A.

- Life Expectancy of Komi Republic Population: Reserves for Positive Trends Renewal62

Shmatova Yu.E.

- Dynamics of Statistical and Sociological Indicators
of Mental Health of the Russian Population76

Budilov A.P.

- Domestic Migration: Differentiation of Regions and Its Factors.....97

Petrovskaya Yu.A.

- Education as young people's value in the context
of innovative development of the Russian Federation 107

Logvinova A.V.

- Administrative System of Regional
University Management and its Negative Consequences 123

Vyalshina A.A., Dakirova S.T.

- Factors of Forming Educational Attitudes
of Rural School Leavers in the Saratov Oblast 134

SCIENTIFIC REVIEWS

Rassokhina I.I., Kotkova D.N., Platonov A.V.

Analyzing Global Publication Activity in the Field of “Bioeconomy” 152

CURRENT NEWS: FIGURES AND FACTS

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

Main trends in the social well-being of the Vologda Oblast population in April 2019 166

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

CONFERENCES, MEETINGS, SEMINARS

Results of the 4th International

Research-to-Practice Online Conference “Global Challenges
and Regional Development in the Mirror of Sociological Measurement” 172

From the Academic Council Sessions 173

NEW VOLRC RAS ISSUES 174

Guidelines for the authors 175

Subscription Information 178

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.1

УДК 334.012.64 | ББК 65.290.31

© Мазилев Е.А., Кремин А.Е.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА¹



МАЗИЛОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: eamazilov@mail.ru



КРЕМИН АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: akremin@inbox.ru

Одним из стратегических приоритетов развития экономики России является малое предпринимательство. Об этом свидетельствует факт разработки и реализации Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Данный документ регламентирует стратегические задачи и определяет конкретные результаты, которые необходимо достичь к 2024 году. В то же время в России на всех уровнях приняты и действуют различные стратегические документы, также регламентирующие направления и формы поддержки малого предпринимательства. Помимо этого данные законодательные акты в большинстве своем не учитывают различия в характере и уровне развития предпринимательской деятель-

Для цитирования Мазилев Е.А., Кремин А.Е. Формирование системы стратегического планирования развития малого предпринимательства // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.1

For citation: Mazilov E.A., Kremin A.E. Formation of the system focused on strategic planning of small business development. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.1

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0006 «Управление процессами структурной трансформации экономики регионов на основе развития малого и среднего предпринимательства».

ности в различных субъектах РФ, вызванные в первую очередь значительной дифференциацией в развитии регионов. В связи с этим актуальной как научной, так и практической задачей является разработка подхода к формированию системы стратегического планирования развития малого предпринимательства, что и предопределило цель исследования. В статье рассмотрены и систематизированы теоретические аспекты стратегического планирования развития малого предпринимательства, изучена и обобщена существующая нормативно-правовая база развития малого предпринимательства. Сделан вывод о наличии системных недостатков в нормативно-правовом регулировании функционирования субъектов малого предпринимательства и их поддержке. Доказано, что необходимы тщательная проработка законодательства, создание единых унифицированных актов в сфере регулирования предпринимательских отношений. Определены основные положения стратегии развития малого предпринимательства, которые должны быть в документе регионального уровня, дана и характеристика, разработаны стратегические направления для данного сектора экономики и представлен порядок их реализации. Практическая значимость работы связана с возможностью использования ее результатов федеральными и региональными органами власти и управления при разработке и корректировке стратегии и программ развития данного сектора экономики.

Малое предпринимательство, стратегия, регион, приоритеты, программно-целевой подход.

Введение

Одним из важнейших элементов государственного управления является процесс стратегического планирования. Его осуществление проводится на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Ввиду возросшей необходимости обеспечения контрольной деятельности реализации данного процесса в середине 2014 года Государственной Думой РФ был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ, который определил принципы и механизмы разработки перцептивных направлений и приоритетов развития элементов социально-экономической системы страны, что, в свою очередь, дало толчок к формированию комплексной системы государственного стратегического планирования на ее территории. В результате нормативной регламентации данного процесса его применение стало в большей степени способствовать обеспечению успешного развития экономики за счет повышения эффективности использования имеющихся ресурсов и потенциала конкретной территории.

Малое предпринимательство (МП, малый бизнес) является одним из эффективных механизмов реализации существующих ресурсов территорий. Управление его

развитием осуществляется через федеральные, региональные и муниципальные программы поддержки, в рамках которых и осуществляются мероприятия, направленные на стимулирование его деятельности. В то же время целеполагание программных документов чаще всего отражает лишь интересы региона, при этом эффект от реализации программ для предпринимательского сообщества не очевиден; заявленные индикаторы могут носить формальный характер, быть «оторванными от реальности» либо заведомо недостижимыми. При этом существующие особенности предпринимательской деятельности, а также уровень дифференциации в развитии МБ в принципе не учитываются. Все эти факты обуславливают актуальность проводимого исследования.

Актуальность предопределила цель статьи, которая заключается в разработке подхода к формированию системы стратегического планирования развития малого предпринимательства. Исходя из цели необходимо решить следующие задачи: исследовать теоретические аспекты стратегического планирования развития малого предпринимательства, изучить существующую нормативно-правовую базу развития в данном направлении, определить основные положения стратегии развития малого пред-

принимательства, разработать стратегические направления для данного сектора экономики и механизм их реализации.

Теоретические основы исследования

Проблемы стратегического планирования всесторонне исследовались на протяжении всего XX века и не теряют своей актуальности по сей день. Теоретико-методологические основы данной проблемы раскрыты в трудах отечественных и зарубежных ученых, среди которых Р. Стрикленд, И. Ансофф, Г.Б. Клейнер, М. Портер, Г. Минцберг, Т.А. Боженко, А.А. Андреева и др. [1–5].

Анализ источников, посвященных проблеме определения направлений формирования системы стратегического планирования развития малого предпринимательства в регионах, позволил выделить два подхода: авторы предлагают сфокусироваться либо на интересах региона (например [6]) либо на интересах самих предпринимателей [7].

С точки зрения других авторов [8], «стратегическое планирование – это современный способ адаптации малого бизнеса к изменяющейся рыночной среде», успешного функционирования, которого невозможно добиться без достижения консенсуса между всеми заинтересованными сторонами.

В последнее время региональные органы власти и управления активизировались в вопросах формирования стратегий развития. Анализ существующей нормативно-правовой базы свидетельствует о значительном разнообразии в применяемых подходах. При этом разработчики ориентируются в первую очередь на оценку эффекта для экономики региона либо отдельных сфер деятельности.

В то же время разработка региональной стратегии предпринимательства требует учета территориальных особенностей для наиболее полного понимания перспектив его развития [9]. В Российской Федерации в силу географической и экономической специфики каждый из регионов характеризуется своими особенностями, обуславливающими развитие предпринимательства на их территории. При разработке стратегий необходимо учитывать периферийность по-

ложения, природно-ресурсную ориентацию региональных хозяйственных комплексов, высокую долю коренных малочисленных народов и т. д. [10].

При этом, по мнению [11], актуальные проблемы развития предпринимательства могут быть решены только с опорой на собственные силы и ресурсы региона. Таким образом, стратегия должна являться результатом деятельности всех сторон, осуществляемой под действием различных факторов, однако с опорой на внутренние ресурсы региона.

Таким образом, анализ современных работ по проблеме исследования показал, что система стратегического планирования развития малого предпринимательства должна ориентироваться на интересы как региона, так и бизнес-сообщества, разрабатываться и реализовываться с опорой на внутренние ресурсы территорий с учетом их экономико-географических особенностей.

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование субъектов малого предпринимательства в регионе

Нестабильность социально-экономического развития последних лет не может не оказывать значительное воздействие на развитие малого предпринимательства и процессы управления им. Во многом проблемы управления связаны с определенной несогласованностью стратегий, государственных программ и прочих официальных документов и стратегий, порождающих низкую эффективность государственного управления и мер действующей поддержки [12; 13].

Юридически институт малого предпринимательства закреплен в ч. 1 ст. 34 Конституции РФ, где указано, что каждый гражданин вправе вести предпринимательскую деятельность. Понятие предпринимательской деятельности закреплено в Гражданском кодексе РФ, она определяется как «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования

имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Важным этапом в формировании нормативно-правовой базы регулирования малого бизнеса стал Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», в котором определяются основные цели и принципы государственной политики по развитию субъектов малого предпринимательства, особенности правового регулирования в данной сфере.

Существует множество подзаконных нормативных правовых актов федерального уровня: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные акты федеральных органов исполнительной власти. Также немаловажную роль играет нормативно-правовая база регионального и муниципального уровня, содержание которой дифференцировано в зависимости от субъекта федерации. В свою очередь, большим препятствием для развития сектора малого бизнеса является тот факт, что законодательные акты не являются актами прямого действия и часто бывают не связаны друг с другом, что приводит к дублированию различных обязанностей, а для их реализации органами исполнительной власти разрабатывается множество подзаконных актов, которые систематически изменяются, уточняются или дополняются [14; 15].

В связи с этим к главным задачам относятся построение, корректировка и увязка нормативной базы, регулирующей функционирование предпринимательства на федеральном и региональном уровне [16–18]. В настоящее время регулирование проводится по четырем направлениям:

1) развитие предпринимательского сектора (ФЗ 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей»; ФЗ от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии МСП»);

2) система стратегического планирования (№ 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ»; Распоряжение Правительства

РФ № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ»; Распоряжение Правительства РФ № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года»);

3) программно-целевое управление (Постановление Правительства РФ № 588 «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ РФ»; Приказ Минэкономразвития России от 20.11.2013 № 690 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ РФ»);

4) оценка регулирующего воздействия (ФЗ № 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти»; Приказ Минэкономразвития России от 26.03.2014 № 159 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации»).

Отдельно следует отметить утвержденный в 2019 году национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В основе структуры нацпроекта лежит подход, основанный на выделении необходимых мер поддержки бизнесу на каждом этапе реализации проекта: от идеи и стартапа до расширения бизнеса с последующим экспортом производимой продукции. На данный момент сложно оценить, насколько полно данный нацпроект учитывает все положения стратегических документов, разработанных ранее.

Проведенный анализ показал, что в настоящее время документы, определяющие взаимоотношения между органами власти и предпринимательским сообществом, по большому счету отсутствуют. Некоторые документы, представляющие нормативно-правовую базу, дублируют задачи и зачастую могут противоречить друг другу, что негативно

сказывается на синергетическом эффекте их реализации [19–21]. Вопросы согласованности задач и коллективной ответственности должны быть определены на региональном уровне и включены в стратегические документы. Это позволит четко распределить ответственность среди исполнителей и регламентировать функционирование участников организованного развития.

Систематизация нормативно-правовой базы в разрезе стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровне в РФ, проведенная авторами статьи, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время различные элементы стратегического планирования целесообразно представить в следующем виде (рис.).

Исходя из представленной схемы стоит констатировать тот факт, что далеко не все элементы системы планирования развития малого предпринимательства в России сформированы и работают, что приводит к невозможности разработки эффективного подхода к развитию МП. Обобщая вышесказанное, можно констатировать существование в России недостатков в нормативно-правовом регулировании функционирования субъектов малого предпринимательства и их поддержке. Также существует необходимость в разработке региональных стратегий развития

малого бизнеса, позволяющих согласовать основные направления государственной деятельности для достижения синергетического эффекта и обеспечить работу каждого участника данного развития в процессе стратегического планирования. Это позволит повысить эффективность государственного управления и направить усилия на решение реальных проблем, существующих в экономике территориальных образований.

Основные положения стратегии развития малого предпринимательства региона

Анализ существующей нормативной базы органов региональной власти субъектов РФ позволил выявить только пять отдельных стратегий, регламентирующих поддержку исследуемого сектора экономики (Алтайский край, республики Башкортостан, Саха и Чувашская, а также Ярославская область). В остальных регионах данный нормативный документ отсутствует или заменяется общей стратегией социально-экономического развития территории. Также стоит отметить, что принятые стратегии на региональном уровне различаются между собой по содержанию и направлениям развития данного сектора экономики. Поэтому выработка методических рекомендаций



Рис. Взаимосвязь нормативно-правовых документов, регламентирующих стратегическое планирование развития малого предпринимательства

Источник: составлено авторами.

по ее составлению для каждого отдельного субъекта федерации является актуальной научной проблемой, решение которой возможно осуществить за счет разработки основных положений и направлений развития малого бизнеса региона, рассмотрения теоретических аспектов разработки и формирования соответствующих направлений развития исследуемого сектора экономики. Для начала остановимся на первом этапе решения данной проблемы.

Стратегия развития малого предпринимательства отдельного региона представляет собой межотраслевой документ планирования в сфере развития малого предпринимательства в субъекте федерации и является основой для разработки и реализации государственных программ на региональном уровне, содержащих мероприятия, направленные на стимулирование деятельности данного сектора экономики. Согласно существующей практике составления стратегических документов, данный документ должен иметь обязательные разделы:

- паспорт стратегии развития малого предпринимательства;
- анализ внешней и внутренней среды функционирования малого предпринимательства;
- анализ эффективности государственного регулирования деятельности малого предпринимательства;
- стратегические цели и показатели поддержки малого предпринимательства в регионе;
- механизмы реализации стратегии;
- оценка рисков реализации стратегии;
- организация контроля за реализацией стратегии.

Первым разделом стратегии является ее паспорт. Главная его задача заключается в кратком описании содержания стратегического документа. Оно состоит из наименования, основания для разработки, цели, задач, сроков и этапов реализации, ожидаемых результатов реализации стратегии и системы организации контроля за исполнением.

Главным условием разработки стратегии является проведение анализа внутренней

и внешней среды региональной системы. В первом случае должны рассматриваться состояние и тенденции развития малого предпринимательства в регионе. Он должен включать в себя сопоставление существующей ситуации в регионе с общими тенденциями по России и с отдельными представителями ее субъектов. В качестве главных анализируемых показателей должны выступать количество субъектов малого бизнеса, численность его работников, оборот данного сектора экономики, а также инвестиции в основной капитал [22; 23]. Также рекомендуется осуществить исследование тенденций показателей кредитования субъектов МП, инновационной и экспортной деятельности. Представляется целесообразным отдельно рассмотреть изменения показателей активов, выручки и прибыли малых организаций с целью определения эффективности деятельности исследуемого сектора экономики.

Стоит отметить, что определение тенденций данных показателей должно быть осуществлено не только на уровне региона, но и на муниципальном уровне [24]. Для этого целесообразно использовать разработанную ранее методику оценки функционирования малого бизнеса региона на муниципальном уровне, которая позволит выделить специфику проблем исследуемого сектора экономики на локальной территории [25].

Также главной составляющей анализа является выявление особенностей осуществляемых видов деятельности на территории региона, что позволит сделать заключение о наличии потенциала развития приоритетных отраслей предпринимательской деятельности с целью достижения социально-экономических задач развития территории, таких как импортозамещение, обеспечение продовольственной безопасности и др.

В качестве результата проводимого анализа должен выступать перечень ключевых проблем функционирования малого бизнеса, раскрывающих возможность наличия трудностей в обеспечении трудовыми и финансовыми ресурсами, низкой эффективности инновационной деятельности данных организаций, низкого уровня развития ко-

операции между субъектами предпринимательского сектора, низкой инвестиционной привлекательности территории региона, высокой дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований и др. [26; 27]. Определение проблем, сдерживающих реализацию всего имеющегося потенциала развития МП исходя из существующих возможностей, позволит разработать обоснованные меры по их решению.

Следующий раздел стратегии должен включать рассмотрение эффективности существующей инфраструктуры и реализуемых программ поддержки малого предпринимательства на территории региона. Для этого также возможно использовать ранее разработанную методику оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в регионе [28]. Ее использование позволяет определить соотношение полученных результатов государственной поддержки малого бизнеса на территории региона из затрат государственных ресурсов, направленных на ее осуществление. В основе методики лежит формирование четырех интегральных групп показателей, позволяющих отразить объем государственной поддержки, социально-экономические результаты деятельности субъектов малого предпринимательства, их эффективность и вклад в социально-экономическое развитие исследуемой территории.

Для анализа внешней среды функционирования исследуемого сектора экономики необходимо рассмотреть тенденции развития малого бизнеса как в России, так и в зарубежных странах с целью выделения лучших мировых практик по его поддержке. Стоит учитывать, что универсального эффективного подхода к оказанию поддержки малому бизнесу не существует, разные страны формируют совокупность мер поддержки исходя из текущего уровня развития МП, степени благоприятности предпринимательской среды, изменений во внешних условиях среды, в рамках которой придется осуществлять предпринимательскую деятельность.

Результаты оценки внешних и внутренних условий функционирования малого бизнеса на территории региона должны быть объединены при помощи SWOT-анализа, который представляет из себя метод, разработанный с целью сведения воедино знаний о состоянии внутренней и внешней среды [29]. Это один из наиболее традиционных инструментов стратегического анализа, может применяться и вне рамок стратегического планирования. Его использование позволяет определить стратегические направления развития региона и разработать систему сбалансированных показателей и целевых значений их достижения как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе. Также на основе SWOT-анализа станет возможным определить основные цели и задачи разрабатываемой стратегии.

Цель стратегии развития малого предпринимательства должна включать в себя обеспечение опережающего развития исследуемого сектора экономики, стимулирующего увеличение его вклада в ВРП региона и повышение его конкурентоспособности на внешних рынках в первую очередь в приоритетных отраслях.

Приоритетными для развития направлениями деятельности МП могут являться промышленность, сельское хозяйство, туризм и транспорт и др. Все механизмы стратегии должны быть направлены главным образом на достижение ее цели. Она, в свою очередь, также может предполагать реализацию как экстенсивного, так и интенсивного пути развития малого бизнеса.

В соответствии с этим для анализа степени достижения цели стратегии в каждом отчетном году целесообразно использовать ряд индикаторов развития МП.

1. Группа ключевых индикаторов:

- производительность труда субъектов МП (выручка субъектов МП / среднесписочное число занятых на субъектах МП), млн руб.;

- прирост количества создаваемых на субъектах МП рабочих мест (разница между среднесписочным числом занятых в МП в текущем и в прошлом году), тыс. ед.;

– доля инновационных товаров в общем объеме отгруженной продукции МП (отношение стоимости новых или подвергавшихся в течение последних трех лет разной степени технологическим изменениям товаров МП к стоимости всех отгруженных товаров), %.

2. Группа дополнительных индикаторов:

– темп прироста количества субъектов МП (отношение количества субъектов МП в текущем году к числу субъектов МП в прошлом году – 1), %;

– темп прироста оборота продукции субъектов МП (отношение оборота продукции субъектов малого предпринимательства в текущем году к обороту продукции его субъектов в прошлом году – 1), %.

В целях реализации стратегических документов необходимо сформировать систему управления данным процессом. Она должна включать два ключевых функциональных блока:

– разработка и актуализация непосредственно стратегии и определение стратегических приоритетов развития МП региона через каждые 2,5 года;

– разработка, ежегодная актуализация и реализация мероприятий стратегии, обеспечивающих достижение ключевых показателей ее эффективности.

В качестве ключевого элемента контроля реализации стратегии обеспечивается публичность всех процессов по ее реализации. В открытом доступе в сети Интернет на информационных ресурсах органов исполнительной власти региона, участвующих в реализации стратегии, необходимо размещать:

– текст стратегии;

– информацию о планируемом и фактическом финансировании мероприятий стратегии;

– актуальные результаты мониторинга реализации стратегии и достижения целевых значений по ключевым показателям эффективности.

Непосредственными инструментами реализации стратегии являются разработанные мероприятия, для каждого из которых необходимо установление целевых показателей и ответственных за их достижение.

В свою очередь, реализация положений стратегического документа приведет к возникновению различных рисков, которые можно разделить на соответствующие группы: институционально-правовые, организационные, финансовые, непредвиденные и др.

С целью их снижения необходимо проводить образовательные мероприятия по обучению лучшим отечественным и зарубежным практикам для представителей органов исполнительной власти. Также необходимо сконцентрироваться на обеспечении сбалансированного распределения финансовых средств на мероприятия, проводимые в рамках стратегии, и осуществлять ежегодный анализ их эффективности.

Разработка стратегических направлений развития малого предпринимательства и механизма их реализации

В рамках исследования методических подходов к определению стратегических направлений развития и поддержки малого предпринимательства был проведен анализ литературных источников [30–37], посвященных проблеме, который показал, что все авторы в данном вопросе придерживаются различных подходов. Однако ни один из них не использует дифференцированный подход, учитывающий состояние исследуемого сектора экономики в каждом конкретном субъекте РФ.

Для решения данной проблемы была разработана соответствующая система стратегических направлений развития малого бизнеса на территории региона, включающая в себя реализацию различных направлений и мероприятий по управлению и стимулированию исследуемого сектора экономики.

Она должна состоять из двух блоков. Первый подразумевает реализацию принципиально важных направлений развития и поддержки МП. На основе анализа Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года было предложено пять приоритетных направлений развития малого бизнеса, которые позво-

лят решить следующие задачи социально-экономического развития региона: формирование инновационной экономики, трудоустройство населения, развитие внешнеэкономической деятельности, развитие институтов исполнительной власти и управления, а также развитие локальных территорий (табл.).

Таблица. Система стратегических направлений развития и поддержки малого предпринимательства и механизмов их реализации на территории региона

№ п/п	Стратегические направления развития малого предпринимательства	Направления реализации	Мероприятия
1	Стимулирование научно-технологического развития и инноваций в секторе МП Цель: формирование инновационной экономики в регионе	1.1. Оказание содействия МП в разработке и коммерциализации инновационных технологий	Создание центров молодежного инновационного творчества; создание центра прототипирования; создание и развитие промышленных парков; разработка и реализация механизмов привлечения инновационных проектов; создание фонда ресурсной поддержки; предоставление субсидий для возмещения доли затрат по кредитным и лизинговым платежам
		1.2. Стимулирование выпуска инновационной продукции	
		1.3. Стимулирование модернизации производства	
		1.4. Развитие кооперации между субъектами предпринимательства, НИИ и вузами	
2	Привлечение трудовых ресурсов в сектор МП, реализация предпринимательского потенциала Цель: трудоустройство населения региона	2.1. Повышение квалификации сотрудников субъектов МП	Организация технологических стажировок на ведущих предприятиях; проведение тренингов и мастер-классов; предоставление финансовых ресурсов для найма молодых специалистов; публикация статей и трансляций передач об успешных практиках бизнеса
		2.2. Повышение квалификации руководителей субъектов МП	
		2.3. Целевая подготовка в вузах специалистов, востребованных в секторе МП	
		2.4. Создание благоприятных условий труда для высококвалифицированных специалистов	
		2.5. Повышение общественной заинтересованности к предпринимательству	
		2.6. Повышение предпринимательской активности	
3	Выведение продукции МП на новые региональные и международные рынки Цель: развитие внешнеэкономической деятельности региона	3.1. Развитие экспорта, создание региональных брендов	Субсидии на возмещение затрат, связанных с издержками по осуществлению экспортной деятельности; создание центра координации поддержки экспортно ориентированных субъектов МП; создание территориального бренда приоритетной отрасли
		3.2. Развитие импортозамещения	
		3.3. Расширение участия субъектов МП в госзаказах	
		3.4. Развитие МП в стратегических отраслях	
4	Совершенствование взаимодействия бизнеса и власти Цель: развитие и повышение эффективности институтов исполнительной власти и управления региона	4.1. Повышение качества оказания услуг органов исполнительной власти	Проведение ежегодного мониторинга деятельности МП, а также эффективности реализуемых мер поддержки и развития; публикация результатов мониторинга на информационных порталах; обучение работников организаций, образующих инфраструктуру поддержки МП
		4.2. Стимулирование деятельности общественных организаций	
		4.3. Повышение квалификации сотрудников органов исполнительной власти	
		4.4. Повышение масштабов реализации оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия	
5	Сокращение разрыва в уровне развития субъектов МП Цель: социально-экономическое развитие локальных территорий региона	5.1. Организация системы поддержки и развития малого бизнеса на муниципальном уровне	Реализация мероприятий, направленных на формирование благоприятной среды для функционирования МП
Источник: составлено авторами.			

Второй блок является вариативным и должен зависеть от текущего состояния развития малого бизнеса и его роли в экономике региона. Для этого предлагается использовать разработанную ранее типологизацию субъектов малого предпринимательства по степени его влияния на различные составляющие социально-экономического развития регионов, согласно предлагаемой системе критериев субъекты РФ можно условно разделить на 8 групп. Так, в первую группу включаются субъекты с высокой степенью влияния малого предпринимательства на все основные выделенные составляющие, в восьмую, наоборот, с низкой степенью влияния [25].

В соответствии с представленными типами субъектов РФ целесообразно разрабатывать рекомендации по выбору и использованию направлений, а также соответствующих механизмов поддержки малого бизнеса согласно сложившейся в регионе экономической ситуации. Стоит отметить, что развитие институтов исполнительной власти и управления, а также формирование благоприятной среды для функционирования субъектов малого предпринимательства ввиду универсальности целесообразно реализовать на территории каждого субъекта федерации.

Использование данной системы позволит обеспечить обоснованность выбора стратегических направлений развития малого бизнеса на территории отдельного субъекта РФ с учетом его вклада в экономику. Предлагаемый подход является оригинальным, а отличается данное исследование от существующих тем, что в рамках его использования учитываются интересы государственных органов и представителей предпринимательского сектора. Кроме того, такой подход позволяет при наличии мер по решению базовых проблем предпринимательства определять стратегические приоритеты субъектов регионов в соответствии с текущими потребностями и, как следствие, сделать реализацию стратегических документов максимально эффективной.

Результаты и выводы

Подводя итог, стоит еще раз отметить, что в настоящий момент отсутствует единый методический подход к определению стратегических направлений развития и поддержки малого предпринимательства в регионе, который включал бы в себя дифференцированный подход к их определению, учитывающий состояние МБ в исследуемом субъекте РФ, а также целесообразность их реализации. Кроме того, авторы предлагают систему стратегических направлений развития малого бизнеса на локальной территории, которую целесообразно реализовать во всех регионах России. Она включает в себя различные инструменты управления, а ее использование позволит обеспечить обоснованность выбора стратегических направлений развития малого бизнеса на территории отдельного субъекта РФ с учетом его вклада в экономику.

Значимость полученных результатов для развития практической науки заключается в формировании оригинального подхода, который отличает данное исследование от существующих, в рамках его использования учитываются интересы государственных органов и представителей предпринимательского сектора. Данный учет осуществляется при помощи реализации мероприятий, стимулирующих отдельные аспекты функционирования исследуемого сектора экономики с целью решения существующих проблем социально-экономического развития территории.

Полученные результаты могут быть использованы федеральными и региональными органами власти и управления при разработке и корректировке стратегии и программ развития данного сектора экономики. Дальнейшие этапы исследования будут посвящены изучению нормативно-правовой базы, регулирующей сферу малого бизнеса в регионе, с целью разработки рекомендаций по совершенствованию и формированию соответствующих мероприятий, направленных на улучшение инвестиционного климата в регионе для активизации предпринимательской деятельности на его территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А.А. Виды и элементы стратегии развития предприятия // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2010. № 20. С. 1–7.
2. Боженко Т.А. Стратегия и цель развития предпринимательской деятельности предприятия // Сибир. торг.-экон. журн. 2010. № 11. С. 1–4.
3. Клейнер Г.Б. Стратегическое планирование и управление. URL: http://kleiner.ru/arpab/sovros_2011.html
4. Константинов Г.Н. Стратегический менеджмент. М.: Бизнес Элайнмент, 2009. 239 с.
5. Стрикленд А.Дж. Бизнес-стратегии ведущих компаний мира. URL: http://www.iteam.ru/publications/strategy/section_15/article_3103
6. Кошелева Т.Н. Сущность и значение малого предпринимательства // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2009. № 3. С. 18–25.
7. Пиньковецкая Ю.С. Концепция стратегии развития малого предпринимательства в регионах Российской Федерации // Экономические исследования. 2012. № 3. С. 119–204.
8. Кацук О.А., Передков А.В. Формирование инструментария стратегического планирования, адекватного потребностям и возможностям малого бизнеса // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10. С. 92–97.
9. Дорошенко С.В. Концепция стратегии социально-экономического развития субрегионального образования // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. 2014. № 2. С. 64–79.
10. Перспективы занятости в малом предпринимательстве северных регионов России / О.А. Козлова [и др.] // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестн. Науч.-исслед. центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкар. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 21–31.
11. Шишкин Д.Г. Развитие малого предпринимательства в промышленно-развитом регионе в условиях экономического кризиса (на примере Пермского края) // Управление экономическими системами. 2014. № 11 (71). С. 1–14. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/3184-2014-11-27-06-46-37>
12. Бойко А.А. Особенности разработки стратегии развития предприятий малого бизнеса // Вестн. Сибир. гос. аэрокосм. ун-та им. акад. М.Ф. Решетнева. 2012. Вып. 3. С. 142–146.
13. Глазьев С.Ю. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1 (25). С. 23–35.
14. Чернов С.С. Проблемы экономики и управления предприятиями, отраслями, комплексами: монография. Новосибирск, 2015. 177 с.
15. Шишкин Д.Г. Развитие малого предпринимательства в промышленно-развитом регионе в условиях экономического кризиса (на примере Пермского края) // Управление экономическими системами. 2014. № 11 (71). С. 1–14. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/3184-2014-11-27-06-46-37>
16. Алексеев А.В. Государственные программы как инструмент регионального развития // Регион: экономика и социология. 2014. № 4 (84). С. 73–81.
17. Виленский А.В. Оптимизация финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства в пространственной экономике Японии // Экон. журн. 2015. № 3 (39). С. 37–42.
18. Головина А.С. Стратегическое управление деловой активностью субъектов малого и среднего предпринимательства // Российское предпринимательство. 2013. № 18 (240). С. 20–33.

19. Бойко Т.С. Иностранный капитал как фактор развития экономики региона // Изв. Иркут. гос. экон. акад. (Байкал. гос. ун-т экономики и права). 2014. № 6. С. 1–7.
20. Дорошенко С.В. Концепция стратегии социально-экономического развития субрегионального образования // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. 2014. № 2. С. 64–79.
21. Макарова В.И., Елисеева И.В. Стратегическое планирование как форма реализации стратегии экономического развития и безопасности предприятия // Вестн. ВУиТ. 2016. № 1. С. 1–7.
22. Клевцова М.Г., Кононов А.А. Динамика развития малого и среднего предпринимательства в России на основе показателей концентрации рынков // Изв. ТулГУ. Экон. и юрид. науки. 2017. № 1 (1). С. 242–250.
23. Любушин Н.П., Ионова Е.С. Анализ развития малого бизнеса в современных условиях // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 32 (335). С. 2–13.
24. Кремин А.Е., Гулин К.А. Управление функционированием малого бизнеса на муниципальном уровне как инструмент развития экономики региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 94–110.
25. Кремин А.Е. Методика оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3. С. 231–247.
26. Бокарева Е.В., Силаева А.А., Дуборкина И.А. Развитие малого бизнеса в России: проблемы и пути решения // Сервис в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 174–185.
27. Волкова И.А., Попова А.Ю. Современные проблемы малого и среднего бизнеса в России // Концепт. 2016. № 4. С. 6–10.
28. Кремин А.Е. Методика оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в регионе // Проблемы развития территории. 2017. № 3. С. 46–61.
29. Цулая И.Н. SWOT-анализ в системе стратегического управления: особенности применения и пути адаптации к объектам мезоуровня // Вестн. ВолГУ. Сер. 3 «Экономика. Экология». 2010. № 2. С. 34–38.
30. Мезенцева Е.С. Стратегическое управление как фактор развития малого производственного бизнеса // Экономика региона. 2008. № 1. С. 206–211.
31. Дмитриева Е.О. Модели развития малого предпринимательства в моногородах Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 2. С. 195–216.
32. Филимонова Н.М. Определение перспективных направлений развития малого предпринимательства в регионах России // Экономика региона. 2008. № 1. С. 212–217.
33. Архангельский В.Н. Инновационные решения в развитии малого и среднего предпринимательства // Инновационные приоритеты промышленного развития. 2010. № 3. С. 192–196.
34. Иванов Г.Г., Орлов С.Л., Баженов Ю.К. Молодежное предпринимательство: современные реалии и взгляд в будущее // Вестн. экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 54–58.
35. Меркулов П.А. Молодежное предпринимательство как фактор устойчивого социально-экономического роста // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2017. № 3. С. 42–52.
36. Похвощев В.А., Колесникова О.А. Развитие женского предпринимательства как фактор обеспечения эффективной занятости // Модернизация. Инновации. Развитие. 2015. № 1 (21). С. 103–107.

37. Семенова Ю.А. Некоторые аспекты постфеодалного мышления и женское предпринимательство в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». 2015. № 2. С. 42–44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мазиллов Евгений Александрович – кандидат экономических наук, заведующий отделом проблем научно-технологического развития и экономики знаний. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: eamazilov@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Кремин Александр Евгеньевич – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: akremin@inbox.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Mazilov E.A., Kremin A.E.

FORMATION OF THE SYSTEM FOCUSED ON STRATEGIC PLANNING OF SMALL BUSINESS DEVELOPMENT

Small business is one of the strategic priorities of Russian economy development. This is evidenced by the fact of the elaboration and implementation of the National project “Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative”. This document regulates strategic objectives and defines specific results to be achieved by 2024. At the same time, various strategic documents have been adopted and are in force in Russia at all levels, as well as regulating areas and forms of support for small business. In addition, these legislative acts mostly do not take into account differences in the nature and level of entrepreneurial activity development in various subjects of the Russian Federation primarily due to significant differentiation in the development of regions. In this regard, the urgent scientific and practical task is to develop an approach to formation of a system of strategic planning of small business development, which has predetermined the aim of the study. The article considers and systematizes theoretical aspects of strategic planning of small business development, studies and summarizes the existing legal framework for the small business development. It concludes that there are systemic shortcomings in legal regulation of the functioning of small businesses and their support. It proves the necessity of careful elaboration of legislation, creation of unified acts in the field of business relations regulation. The authors determine key provisions of the strategy for small business development, which should included in the document of the regional level, characterize them, develop strategic directions for this economic sector and propose an order of their implementation. Practical significance of the work is associated with the possibility of using its results by federal and regional authorities, when working out and adjusting strategies and programs for this economic sector development.

Small business, strategy, region, priorities, program-target approach.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mazilov Evgenii Aleksandrovich – Ph.D. in Economics, Head of the Department for Issues of Scientific and Technological Development and Knowledge Economy. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: eamazilov@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Kremin Aleksandr Evgen'evich – Ph.D. in Economics, Head of the Laboratory, Research Associate of the Department for Issues of Scientific and Technological Development and Knowledge Economy. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: akremin@inbox.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области

С юбилейного 100-го выпуска журнала «Проблемы развития территории» мониторинг тенденций в экономике проводится в новом формате¹. В нем подведены итоги 2018 года, проиллюстрирована динамика изменения ключевых экономических показателей в 2008–2018 гг. С текущего выпуска (вплоть до выпуска с итогами 2019 года) анализируются оперативные данные. Для наглядности приводятся графики их изменения за последние 2 года, дается прогноз на предстоящие 12 месяцев. При этом значения показателей пересчитываются к среднемесячному уровню 2008 года и сопоставимы с годовыми данными из предыдущего выпуска. В каждом из промежуточных выпусков более подробно будет рассмотрен один из структурных элементов экономики. В текущем выпуске это производство товаров и услуг. В дальнейшем сюжетами станут конечное потребление, валовое накопление, бюджет и внешняя торговля.

По итогам I квартала 2019 года российская экономика выросла лишь на 0,5% в годовом выражении после роста на 2,7% в четвертом квартале 2018 года. В условиях ухудшившейся внешней конъюнктуры сложившаяся экономическая модель плохо справляется с задачей обеспечения интенсивного роста. Вместе с тем на фоне общей стагнации в Вологодской области наблюдается рост основных экономических показателей.

1. Производство товаров и услуг

Определяющую роль в производстве валового продукта в российской экономике играет промышленность.

↻ В I квартале 2019 года объем промпроизводства в стране увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2018 года на 2,1%, в Вологодской области – на 3%². Только в марте 2019 года в стране было открыто 37 производственных объектов, в том числе в Вологодской области на базе ООО «Харовсклеспром» запущена линия по производству топливных древесных гранул³.

Однако с начала 2009 года до конца I квартала 2019 года физический объем отгрузки промышленной продукции увеличился лишь на 11,3%. Объем промпроизводства в Вологодской области вырос на 27,5%.

Основой промышленности выступают обрабатывающие производства⁴.

↻ В I квартале 2019 года объем производства в обрабатывающей промышленности России увеличился относительно I квартала 2018 года на 1,3%, Вологодской области – на 2,9%.

¹ Структура мониторинга базируется на теории национального счетоводства и содержит анализ экономики на ключевых стадиях экономического процесса – производство, образование доходов и их использование.

² Промышленность в России производит почти 30% валовой добавленной стоимости, в Вологодской области – более 42%.

³ Экономика России в марте и первом квартале 2019 года. Итоги. URL: новости-россии.ru-an.info/новости/экономика-россии-в-марте-и-первом-квартале-2019-года-итоги

⁴ На обрабатывающие производства в России приходится почти 64% отгрузки промышленной продукции, в Вологодской области – более 93%.

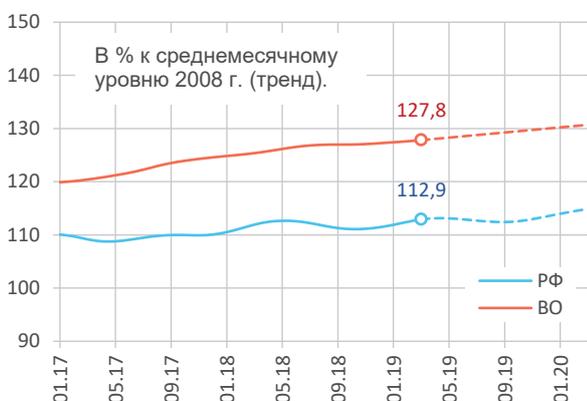
Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	102,8	103	103	102,9	102,1
ВО	105,6	106	104,9	104,2	103,0



Промышленное производство

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	103,7	104	103,3	102,6	101,3
ВО	106,6	106,6	105,3	104,3	102,9



Обрабатывающие производства

Одним из наиболее динамично развивающихся секторов обрабатывающей промышленности в начале 2019 года стал сектор конечного спроса.

⬆️ Пищевое производство в целом по России увеличилось в I квартале на 4,4%, в Вологодской области – на 11,5%. Высоких показателей по стране удалось достичь благодаря приросту объемов производства мясных полуфабрикатов (+11,8%), мяса крупного

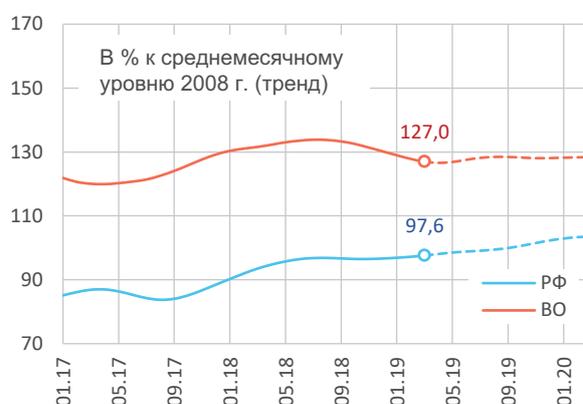
Динамика пищевого производства % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	102,3	103,5	104,4	104,9	104,4
ВО	94,5	107,8	108,3	104,6	111,5



Динамика целлюлозно-бумажного и полиграфического производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	109,2	109,7	112,9	112,6	107,5
ВО	105,6	103,5	104,1	103,8	98,8

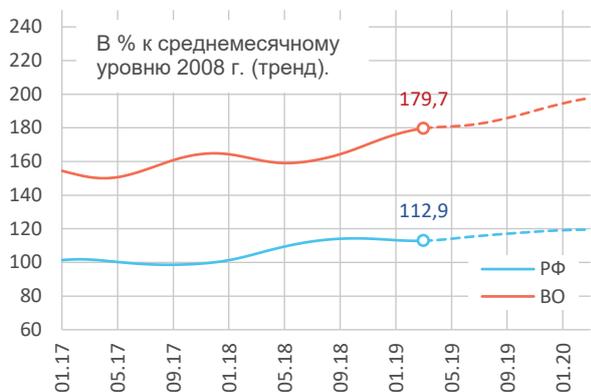


рогатого скота (+10,8%), масла растительного (+7,9%). В Вологодской области в I квартале 2019 года локомотивами роста выступили переработчики мяса крупного рогатого скота (+44,4%), производители напитков (+18,5%), рыбы копченой (+14,2%).

⬇️ Вместе с тем объем переработанного в Вологодской области мяса и мясной пищевой продукции в I квартале 2019 года снизился на 12,9% по отношению к I кварталу 2018 года.

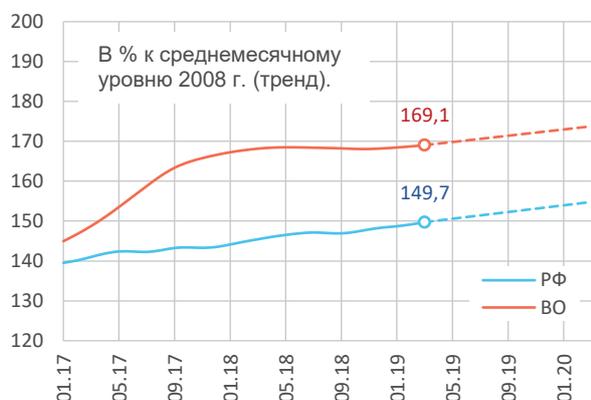
Динамика деревообработки, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	100,8	106,4	108,6	110,6	109,0
ВО	110,1	107,1	105,8	104,7	121,2



Динамика химического и нефтехимического производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	102,2	102,8	102,7	102,7	103,1
ВО	126,2	119,3	113	108,7	98,6



⊕ Производство целлюлозно-бумажной и полиграфической продукции в России увеличилось на 7,5%.

⊖ В Вологодской области целлюлозно-бумажное и полиграфическое производство в I квартале 2019 года снизилось на 1,2% по отношению к I кварталу 2018 года (в том числе полиграфическое производство на 44,5%).

В секторе промежуточного спроса, который в значительной степени ориентирован на экспорт, в I квартале 2019 года также на-

Динамика металлургического производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	105,5	102,3	100,6	101,7	102,8
ВО	99,8	110,1	105,7	105,3	103,0



Динамика машиностроения, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	103,7	106,2	105,5	102,6	97,8
ВО	121,5	117,1	105,8	102,3	117,8



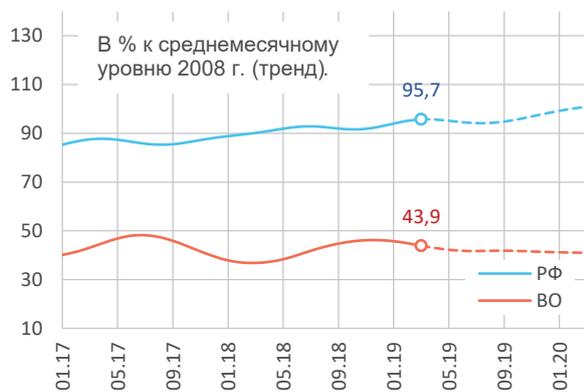
блюдался рост производства по сравнению с аналогичным периодом 2018 года.

⊕ Деревообработка в целом по России выросла на 9%, в области – на 21,2%. Наибольший прирост зафиксирован в производстве древесностружечных плит: по стране – на 18,2%, по области – на 59,1%.

⊕ Индекс физического объема в химическом и нефтехимическом производстве в стране составил 103,1% (в производстве лекарственных средств – 113,1%).

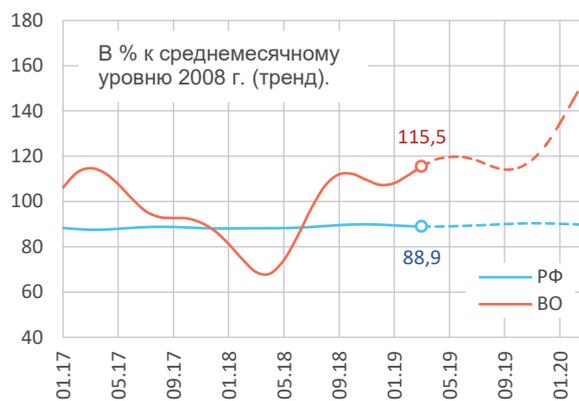
**Динамика производства
стройматериалов, % к соответствующему
периоду предыдущего года**

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	99,2	102,3	105,9	104,4	107,6
ВО	88	77,4	86,3	94,4	115,2



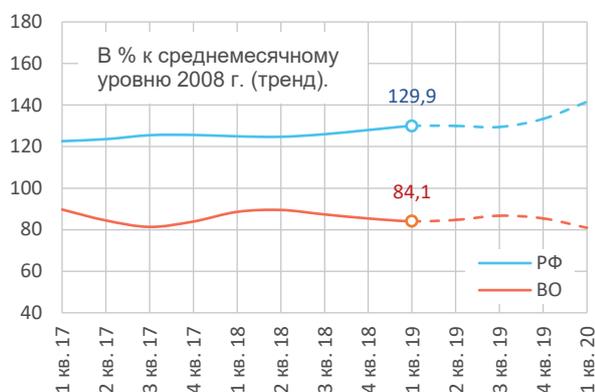
**Объем работ, выполненных по виду
деятельности «Строительство», % к соответ-
ствующему периоду предыдущего года**

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	105,2	106,2	105,9	105,3	100,2
ВО	61,4	82,6	101,5	103,6	111,5



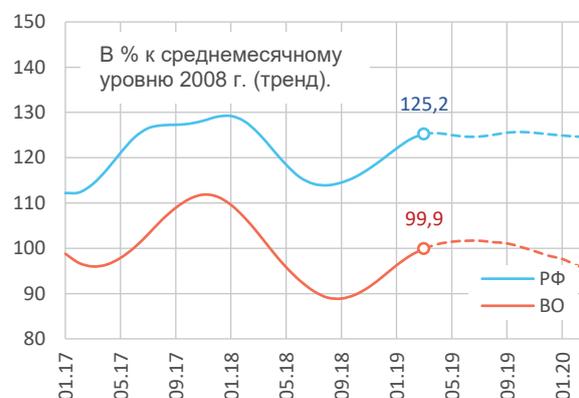
**Динамика сельскохозяйственного
производства, % к соответствующему
периоду предыдущего года**

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	102,4	102	97,7	99,4	101,1
ВО	103	103,4	106,7	105,7	100,7



**Строительство жилых домов,
% к соответствующему периоду
предыдущего года**

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	119,6	103,8	98,1	95,1	94,2
ВО	142,1	116,7	99,1	98	88,6



❌ В Вологодской области выпуск химической продукции снизился на 1,4%. Наибольшее снижение (на 18,4%) зафиксировано в производстве калийных минеральных и химических удобрений.

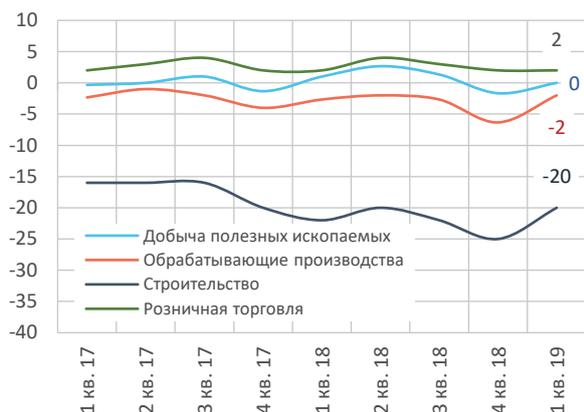
✅ Производство металлопродукции в стране выросло на 2,8%, в области – на 3%.

❌ Однако в Вологодской области снизилось производство готового проката на 1,6%, а труб, пустотелых бесшовных профилей, фитингов из стали – на 6,4%.

Сложной остается ситуация в секторе промышленности инвестиционного спроса

❌ Производство машиностроительной продукции в России в I квартале 2019 года снизилось на 2,2% относительно I квартала 2018 года. Отрицательная динамика во многом обусловлена спадом активности в сфере станкостроения и транспортного машиностроения. Так, выпуск металлорежущих станков сократился на 12,4%, электродвигателей мощностью не более 37,5 Вт – на 23,2%,

Индекс предпринимательской уверенности в РФ, %



Уровень безработицы, % к численности рабочей силы

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	5,1	4,8	4,6	4,8	4,8
ВО	6,1	5	4	5,1	6,1



Потребность работодателей в работниках, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	109,1	110,6	109,1	109,1	104,7
ВО	99,2	102	108,1	105	109,4



мотоциклов – на 30%, насосов центробежной подачи жидкостей – на 32,9%.

В Вологодской области машиностроение, напротив, показало прирост на уровне 17,8%, что стало следствием увеличения в 2,5 раза производства автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов.

Однако объем производства шариковых и роликовых подшипников в I квартале 2019 года по сравнению с I кварталом 2018 года сократился на 16,6%.

В настоящее время объем производства продукции машиностроения в России ниже уровня 2008 года на 0,8%. В Вологодской области отставание больше – 8,2%.

В сфере производства стройматериалов в I квартале 2019 года по отношению к I кварталу 2018 года зафиксирован рост на 7,6%, в Вологодской области – на 15,2%.

Тем не менее за последние 10 лет в России производство стройматериалов сократилось на 4,3%, в Вологодской области – более чем в 2 раза (до 43,9% от среднемесячного уровня 2008 года).

Производство сельскохозяйственной продукции в России в I квартале 2019 года по сравнению с аналогичным периодом 2018 года увеличилось на 1,1%. В Вологодской области рост составил 100,7%.

С начала 2009 года до конца I квартала 2019 года производство сельскохозяйственной продукции в стране выросло на 29,9%.

За тот же период в Вологодской области производство снизилось на 15,9%.

Объем строительных работ в I квартале 2019 года относительно аналогичного периода 2018 года в целом по России вырос на 0,2%, по Вологодской области – на 11,5%.

С начала 2009 года до конца I квартала 2019 года объем строительных работ в Вологодской области вырос на 15,5%.

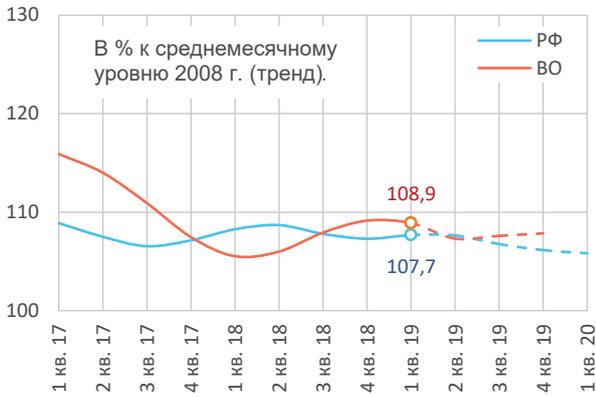
За аналогичный период в России данный показатель сократился на 11,1%.

В I квартале 2019 года объем строительства жилых домов в стране снизился на 5,8%, в Вологодской области за тот же период введено на 11,4% меньше жилых площадей.

Одним из показателей, позволяющих судить о состоянии делового климата и о харак-

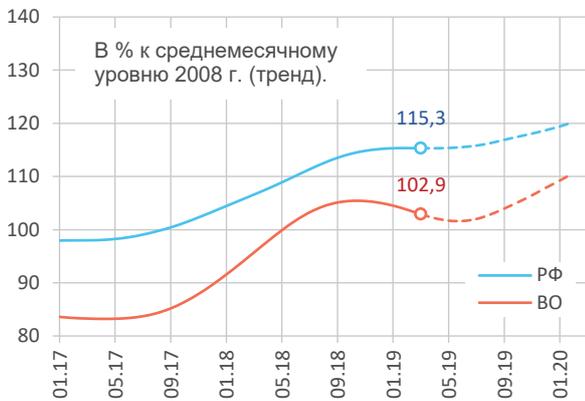
Динамика реальных доходов населения, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	102,7	102,4	101,4	101,3	98,0
ВО	94,2	94,5	95,3	97,7	н/д



Динамика доходов консолидированного бюджета (с учетом внебюджетных фондов), % к численности рабочей силы

	2 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	2 мес. 2019 г.
РФ	102,2	108,8	110,3	112,6	105,3
ВО	102,2	114	116,6	120	104,8

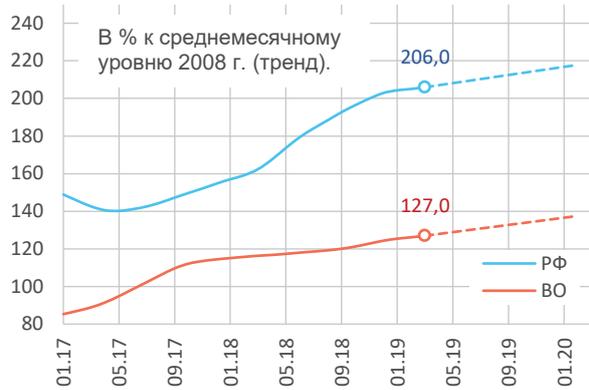


тере предстоящих изменений в экономике страны в краткосрочной перспективе, является индекс предпринимательской уверенности (ИПУ). Его результаты основываются на балансах оценок фактически сложившихся уровней спроса, запасов готовой продукции, а также ожидаемого выпуска продукции.

❗ В I квартале 2019 года ИПУ в добывающей промышленности снизился на 1% относительно I квартала 2018 года. Наименьшая

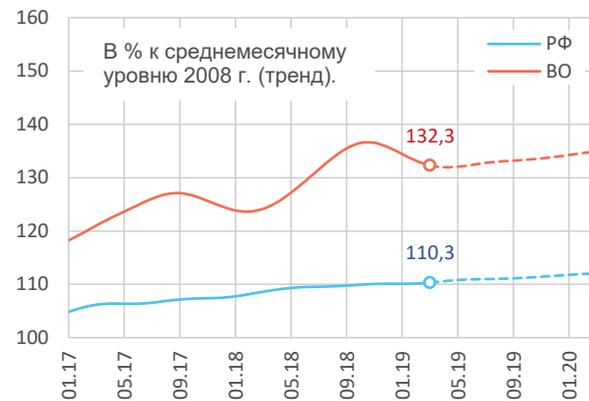
Динамика сальдированного финансового результата деятельности организаций, % к соответствующему периоду предыдущего года

	2 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	2 мес. 2019 г.
РФ	103,2	148,6	133,7	129,7	135,0
ВО	103,1	221,3	128,0	101,0	148,7



Динамика оборота розничной торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	102,4	102,9	102,8	102,8	101,8
ВО	108,3	105,8	104,9	105,8	105,1



уверенность на протяжении нескольких лет наблюдается в строительном сегменте.

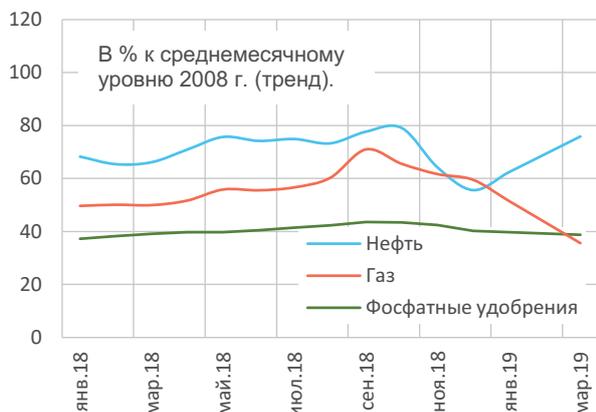
⬆ Предпринимательская уверенность в обрабатывающей промышленности увеличилась за рассматриваемый период на 0,7%.

Относительная стабилизация наблюдается на рынке труда.

⬆ Безработица в стране в I квартале 2019 года осталась на уровне исторического минимума в 4,8% (в 2018 году – 5,1%).

Динамика цен на мировых рынках, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
Нефть	122	144,5	145,5	129,4	114,7
Газ	116,8	146,2	153,3	134,4	71,3
ФУ	115,5	124,5	128,2	121,8	99,3



Однако в Вологодской области значение данного показателя, наоборот, выросло до уровня I квартала 2018 года – 6,1%.

Растет потребность работодателей в работниках. По стране она увеличилась на 4,7%, в Вологодской области – на 9,4%. Спрос на новых сотрудников значительно превышает уровень 2008 года.

2. Образование доходов

Реальные денежные доходы россиян в I квартале 2019 года снизились на 2%⁵.

Имеет место замедление роста реальных зарплат в стране: за первый квартал 2019 года они выросли на 0,4%. При этом годом ранее прирост достиг 10,2%. Во многом такое положение в российской экономике обусловило ускорение инфляции. В среднем доход на душу населения составил 29920 руб.

Положительные тенденции наблюдаются в сфере образования доходов государства и бизнеса.

Реальные доходы консолидированного бюджета (с учетом внебюджетных фондов)

страны за первые два месяца 2019 года выросли на 5,3%, в Вологодской области – на 4,8%.

Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности российских организаций в январе – феврале 2019 года с учетом инфляции вырос на 35%, вологодских – на 48,7%.

3. Конечное использование

Оборот розничной торговли в России за I квартал 2019 года относительно I квартала 2018 года вырос на 1,8%, в Вологодской области – на 5,1% (в том числе торговли пищевыми продуктами – на 3,5%, непродовольственными товарами – на 7%).

Потребительская инфляция в России в I квартале ускорилась с 100,8% в 2018 году до 101,7% в 2019 году. В регионе также отмечается увеличение – с 100,8 до 101,5%. Ключевым фактором роста инфляции выступает ЖКХ. За первый квартал 2019 года жилищно-коммунальные услуги подорожали в области на 3,2%. По этому показателю регион занимает 15 место в стране.

Ситуация на глобальных рынках в течение 2018 года развивалась неравномерно. Начавшаяся в IV квартале 2018 года на мировых финансовых рынках масштабная коррекция (затронувшая и товарные рынки), была спровоцирована ужесточением денежно-кредитной политики ФРС США, усилением торговых противоречий между крупнейшими мировыми экономиками, а также ухудшением ожиданий участников рынка относительно перспектив роста мировой экономики.

По итогам I квартала 2019 года средние цены на нефть выросли на 114,7% по сравнению с I кварталом 2018 года.

На природный газ цены снизились на 28,7%, на фосфатные удобрения – на 0,7%.

На мировом рынке металлопродукции в начале мая 2019 года зафиксировано снижение цен в долларовом выражении на «плоский» прокат на 12–20% в сравнении

⁵ По Вологодской области актуальные данные о реальных денежных доходах населения в настоящее время не опубликованы.

с тем же периодом 2018 года. «Длинный» прокат, за исключением подорожавшей на 1% арматурной стали, подешевел на 4–7%. На российском рынке цены на «плоский» прокат выросли на 1–2%, кроме подешевев-

шего на 1% горячекатаного листа. Цены на «длинный» прокат менялись разнонаправленно: на арматуру и круг выросли на 5 и 3% соответственно, на уголок, балку и швеллер снизились на 5–12%.

**Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну
(на начало мая соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Ед. измерения	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2019 г., %	
					к 2018 г.	к 2017 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	620	745	655	83,2	94,7
Лист оцинкованный	Долл. США	690	783	723	88,1	95,4
Лист горячекатаный	Долл. США	523	653	558	80,1	93,7
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	553	598	470	92,5	117,7
Конструкционные профили	Долл. США	773	764	618	101,2	125,1
Сортовой прокат	Долл. США	655	685	530	95,6	123,6

**Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало мая соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Ед. измерения	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2019 г., %	
					к 2018 г.	к 2017 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	51209	50199	43518	102,0	117,7
Лист оцинкованный	Руб.	61554	60712	51164	101,4	120,3
Лист горячекатаный	Руб.	45419	45938	40470	98,9	112,2
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	42223	40223	29413	105,0	143,6
Балка и швеллер	Руб.	47149	53489	50565	88,1	93,2
Круг	Руб.	40324	39010	36287	103,4	111,1
Уголок	Руб.	40786	43086	37996	94,7	107,3

В целом итоги развития экономики России и Вологодской области в I квартале 2019 года можно назвать умеренно позитивными. Наблюдаемые результаты производственной деятельности свидетельствуют об отсутствии предпосылок к дальнейшему ухудшению ситуации. Несмотря на замедление темпов роста ВВП, обусловленное слабостью внутреннего спроса и повышением налоговой нагрузки, растут доходы организаций и консолидированного бюджета, ускоряются темпы строительства, отмечен рост объема выпуска в обрабатывающей промышленности.

*Материал подготовили
А.Е. Мельников, младший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН
М.А. Сидоров, младший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН*

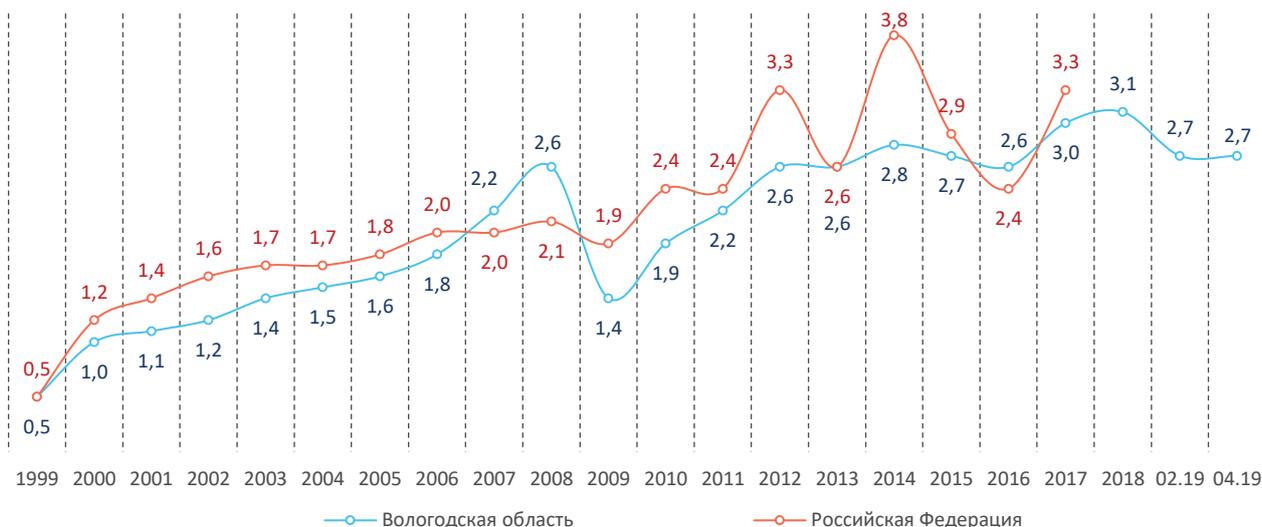


Рис. 1. Социальное настроение¹ (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю напряжение, раздражение» и «испытываю страх, тоску»), раз

С февраля по апрель 2019 года не произошло изменений в оценке жителями Вологодской области своего социального настроения: доля позитивных суждений почти в 2,7 раза превышает долю негативных характеристик.

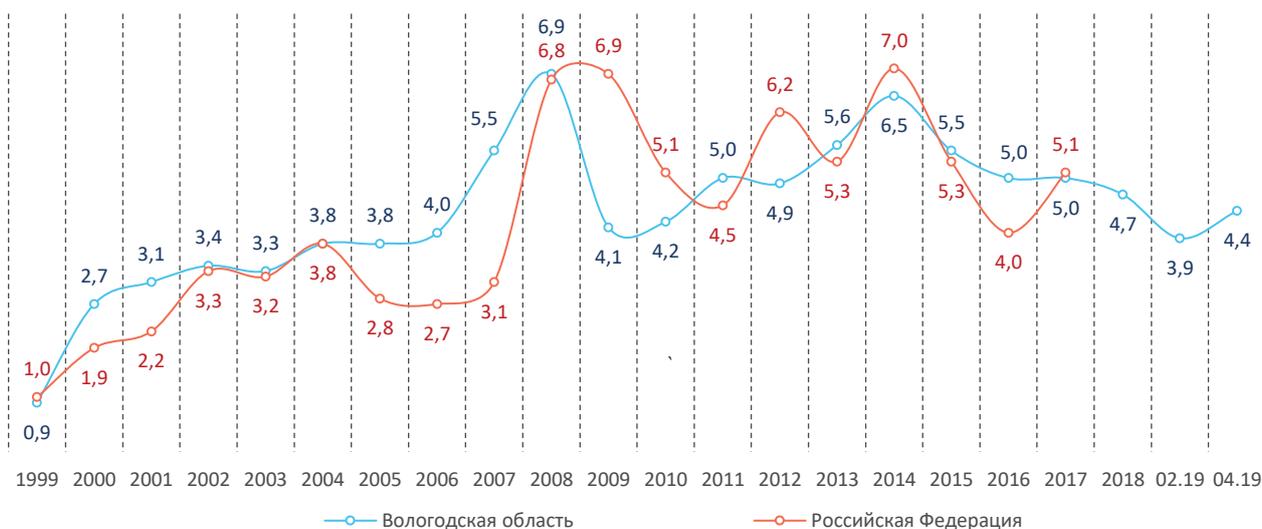


Рис. 2. Запас терпения населения (отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть нельзя»), раз

В апреле 2019 года показатель запаса терпения жителей Вологодской области незначительно улучшился. Доля жителей области, считающих, что «жить можно» и «можно терпеть», увеличилась по сравнению с долей тех, кто придерживается противоположной точки зрения, с 3,9 до 4,4 раза.

¹ Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра.

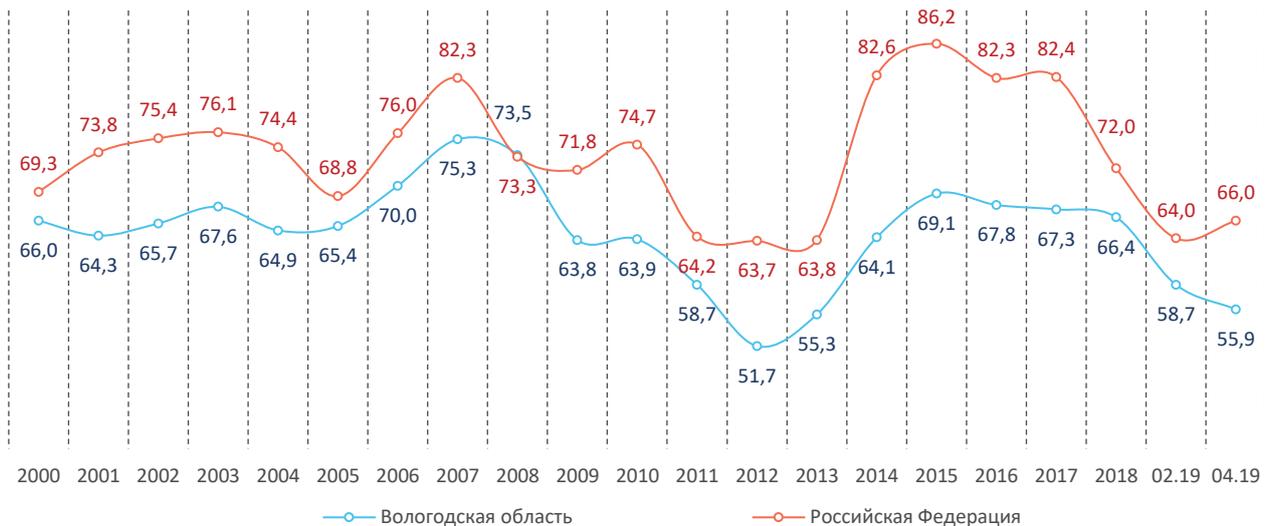


Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В апреле 2019 года по сравнению с февралем уровень одобрения деятельности Президента РФ среди жителей Вологодской области существенно не изменился (56–59%). В целом по России доля жителей, положительно оценивающих работу главы государства, за последние два месяца составила 64–66%.

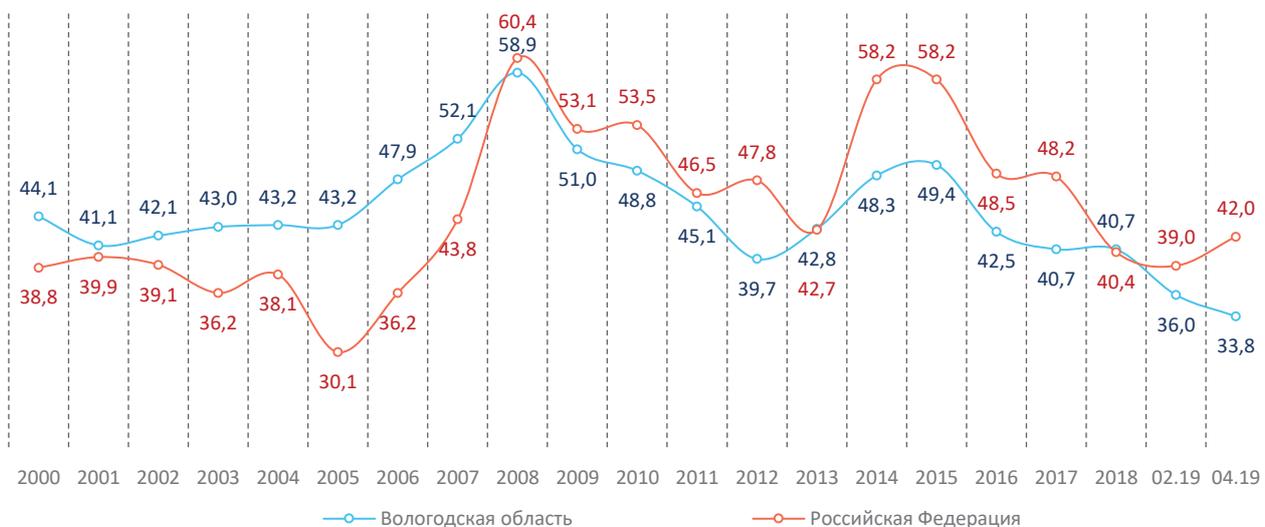


Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

Остается стабильной доля жителей Вологодской области, положительно оценивающих деятельность Правительства РФ (34–36%). В целом по России данный показатель составляет 39–42%.

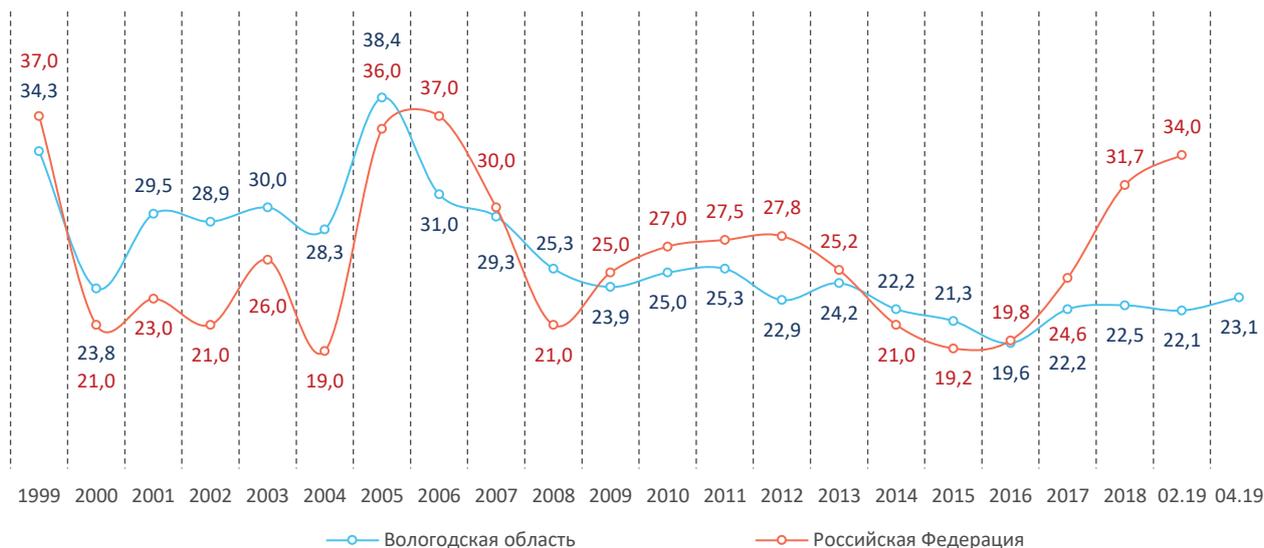


Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

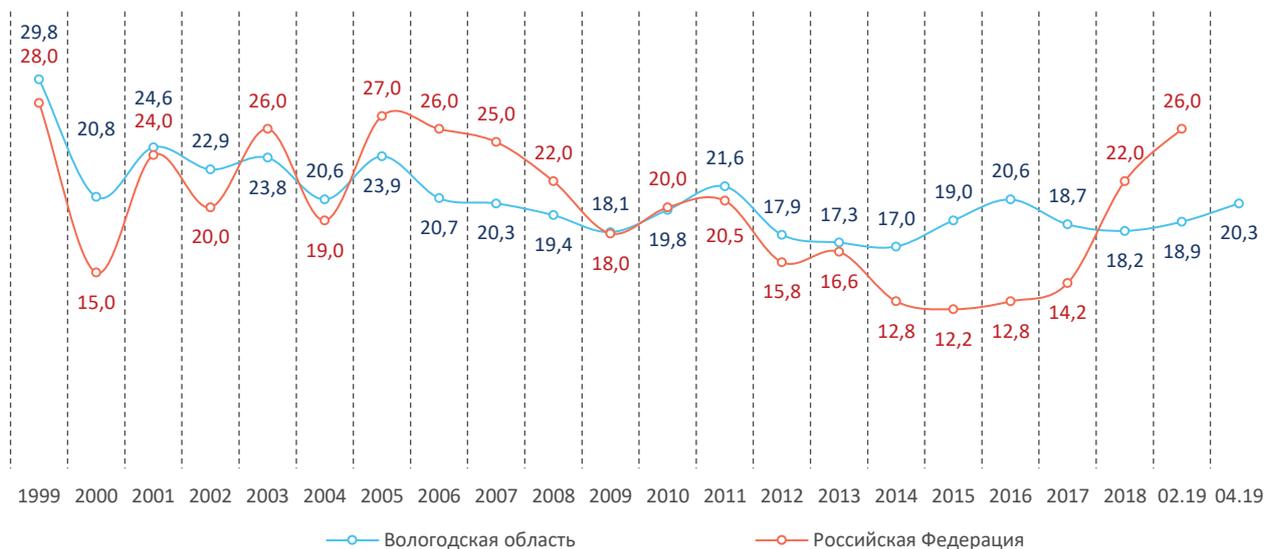


Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В апреле 2019 года не произошло значительных изменений в динамике протестных настроений жителей Вологодской области. Доля тех, кто указывает на вероятность протестных выступлений, составляет 22–23%; тех, кто готов принять в них участие, – 19–20%.



Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В апреле 2019 года существенных изменений в отношении жителей Вологодской области к экономическому положению региона не произошло. Доля положительных характеристик составила 11%, нейтральных – 42%, отрицательных – 37%.

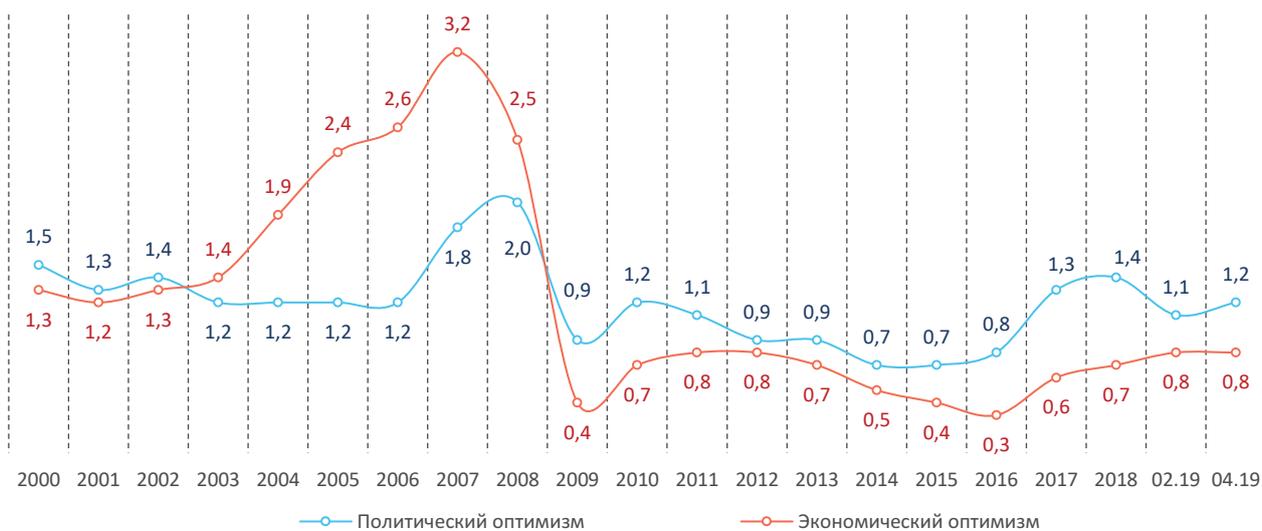


Рис. 8. Индексы политического и экономического оптимизма² (соотношение позитивных и негативных ожиданий), раз

В феврале – апреле 2019 года индексы политического и экономического оптимизма не изменились. Соотношение позитивных и негативных ожиданий составило 1,1–1,2 и 0,8 раза соответственно).

Материал подготовила Е.Э. Леонидова
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

² Индекс политического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс экономического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.2

УДК 338.47:656.615.073(470.1/.2+571.121) | ББК 65.37:39.413:39.48(231+251)

© Киселенко А.Н., Малащук П.А., Сундуков Е.Ю.

ОЦЕНКА СООТВЕТСТВИЯ ПРОВОЗНЫХ И ПРОПУСКНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ ПУТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО И ПРИУРАЛЬСКОГО СЕВЕРА РОССИИ ПОТРЕБНОСТЯМ АРКТИЧЕСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ¹



КИСЕЛЕНКО АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: kiselenko@iespn.komisc.ru



МАЛАЩУК ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: translab@iespn.komisc.ru



СУНДУКОВ ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: translab@iespn.komisc.ru

Для цитирования Киселенко А.Н., Малащук П.А., Сундуков Е.Ю. Оценка соответствия провозных и пропускных способностей транспортных путей Европейского и Приуральского Севера России потребностям Арктической транспортной системы // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 33–48. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.2

For citation: Kiselenko A.N., Malashchuk P.A., Sundukov E.Yu. Assessing compliance of carriage and traffic capacity of transport routes of the European and Ural North of Russia with needs of the arctic transport system. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 33–48. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.2

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 18-9-7-15 «Анализ и прогноз обеспечения Арктической транспортной системы транспортными подходами на Европейском и Приуральском Севере России» Комплексной программы УрО РАН 2018–2020 гг.

По мере возрастания экономической активности в Арктике увеличиваются грузооборот арктических морских портов и объемы перевозок по Северному морскому пути. Целью работы является исследование провозных и пропускных способностей подходов Арктической транспортной системы на Европейском и Приуральском Севере России. При этом элементами Арктической транспортной системы являются Северный морской путь, сухопутные, воздушные и речные пути к арктическим морским портам, а также береговая инфраструктура, обеспечивающая их функционирование. Основной грузооборот на Европейском и Приуральском Севере России обеспечивают морские порты Мурманск, Кандалакша, Архангельск, Нарьян-Мар, Варандей, Сабетта. Проведен анализ грузооборота основных портов Европейского и Приуральского Севера России и объемов перевозок по Северному морскому пути в сравнении с суммарным грузооборотом морских портов России. Составлена схема транспортных подходов к основным портам с разбивкой по видам транспорта. Сделана оценка соответствия провозных и пропускных способностей транспортных путей Европейского и Приуральского Севера России потребностям Арктической транспортной системы. Дана характеристика основных морских портов Европейского и Приуральского Севера России, их мощностей и возможностей по увеличению объемов грузооборота. Определены перспективы увеличения грузопотоков Арктической транспортной системы. Чтобы выйти на целевые показатели объемов перевозок по Северному морскому пути, изложенные в документах стратегического планирования, необходимо привлекать новые грузопотоки, в т. ч. выводить в Арктику промышленные грузы с Урала и других регионов. Это потребует дополнительных исследований и инвестиций в развитие транспортных путей Европейского и Приуральского Севера.

Провозные способности, пропускные способности, грузооборот порта, транспортные пути, Европейский и Приуральский Север, Арктическая транспортная система, Северный морской путь.

Введение

Согласно показателям работы морских портов России за первое полугодие 2018 года² наибольший объем перевозки грузов в порты для отправления морем обеспечивает железнодорожный транспорт – 49,1%, также существенны объемы перекачки трубопроводным транспортом – 36,0%, автомобильным – 9,9%, объемы перевозки водным транспортом незначительны: внутренним водным – 1,2%, морским – 3,8%. Несколько иная ситуация с отправлением грузов, прибывших морем, из морских портов России: автомобильным – 47,5%, морским – 29,7%, железнодорожным – 19,6%, трубопроводным – 3,1%,

внутренним водным – 0,1%. Операторы морских терминалов Арктического бассейна перегрузили за 1 полугодие 2018 года 38,3 млн т грузов³, что составляет 9,7% от грузооборота морских портов России за январь – июнь 2018 года. При этом грузооборот портов Арктического бассейна увеличился на 7,2% по отношению к аналогичному периоду 2017 года. Для выявления возможностей дальнейшего роста грузооборота арктических портов Европейского и Приуральского Севера (ЕиПС) России необходимо оценить пропускные и провозные способности подходящих к ним путей сообщения, соответствие их потребностям Арктической транспортной системы⁴.

² Показатели работы морских портов России за 1 полугодие 2018 года / Информационный портал «Ассоциация морских торговых портов». URL: <http://www.morport.com/rus/content/statistika> (дата обращения 25.07.2018).

³ Грузооборот морских портов России за 6 месяцев 2018 года вырос на 2,8% – до 394,8 млн тонн / ИАА «Порт-Ньюс». URL: <http://portnews.ru/news/261506/> (дата обращения 25.07.2018).

⁴ Половинкин В.Н., Фомичев А.Б. Перспективные направления и проблемы развития Арктической транспортной системы Российской Федерации в XXI веке // Арктика: экология и экономика. 2012. № 3 (7). С. 74–83.

Анализ грузооборота основных морских портов Европейского и Приуральского Севера России, определение провозных и пропускных способностей применительно к различным транспортным объектам

По мере возрастания экономической активности в Арктике растут грузооборот арктических портов Европейского и Приуральского Севера России и объемы перевозок по Северному морскому пути (СМП), что показано в табл. 1. Основной грузооборот ЕиПС обеспечивают порты Мурманск, Кандалакша, Архангельск, Нарьян-Мар, Варандей, Сабетта.

«Узким местом» Арктической транспортной системы, сдерживающим ее развитие, являются подходы к ней [1]. Наличие транспортных подходов к основным портам ЕиПС по видам транспорта показано на рис. 1.

Внутренние водные пути ЕиПС подходят к морским портам Архангельск и Нарьян-Мар, порт Сабетта связан водным сообщением с речным портом Салехард. Для перевозки грузов и оборудования в арктические порты также используется водный путь Беломорско-Балтийского канала [2].

К Архангельскому морскому порту подходит водный путь по р. Северная Двина. Компания «Архангельский речной порт» яв-

ляется одним из стивидоров Архангельского транспортного узла. Например, в 2015 году его грузооборот составил 2,34 млн т, в арктический бассейн был отправлен один млн т грузов, в том числе на Сабетту – 210 тыс. т. Компания владеет флотом судов «река-море», занимается добычей нерудных строительных материалов. В том же 2015 году ею было добыто 850 тыс. т песка, из них 130 тыс. т использовано для возведения резервуаров сжиженного природного газа на Ямале. Имеющаяся разветвленная сеть внутренних водных путей Северо-Двинского бассейна в настоящее время недоиспользуется.

Путь по р. Печоре является основным водным путем Печорского бассейна. В транспортном узле г. Печоры может осуществляться перевалка грузов с железной дороги на речной транспорт до порта Нарьян-Мар. Нарьян-Марский морской торговый порт имеет большое значение в осуществлении северного завоза грузов в районы Крайнего Севера, навигация в порту длится почти пять месяцев в году с середины июля по ноябрь. За это время порт обеспечивает основными видами материалов и оборудования строительные и нефтяные компании, которые работают в Ненецком автономном округе. В конце навигации требуется ледокольное

Таблица 1. Грузооборот основных морских портов Европейского и Приуральского Севера и объемы перевозок по СМП на фоне общего грузооборота портов Арктического бассейна и России

Морской транспортный узел	Грузооборот, тыс. т						
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Мурманск	25664,3	23669,1	28557,6	21900,0	22045,0	33450,0	51670,0
Кандалакша	916,7	726,6	569,0	858,4	830,0	801,5	1625,0
Архангельск	4264,3	5154,0	4426,8	4175,3	3758,6	2600,0	2400,0
Нарьян-Мар	103,8	118,4	135,4	50,0	134,0	99,4	123,5
Варандей	4010,6	3147,9	5357,2	5900,0	6580,0	8000,0	8280,0
Сабетта	0,0	0,0	0,0	323,0	538,0	2845,0	7987,0
Всего по основным портам ЕиПС	34959,7	32816,0	39046,0	33206,7	33885,6	47795,9	72085,5
Всего по Арктическому бассейну	41000,0	38700,0	46200,0	35000,0	35400,0	49800,0	74200,0
Объемы перевозок по СМП	3111,0	3896,0	3930,0	3982,0	5392,0	7265,0	10700,0
в т. ч. транзит	820,8	1261,5	1355,9	274,3	39,6	240,0	194,4
Грузооборот морских портов России	535400,0	565500,0	589000,0	623400,0	676700,0	721900,0	786970,0

Составлено по: Грузооборот морских портов России за 2011–2017 гг. / Сайт Ассоциации морских торговых портов.
 URL: <http://www.morport.com/rus/news>
 * С учетом рейдовой перевалки нефти через танкер-накопитель.

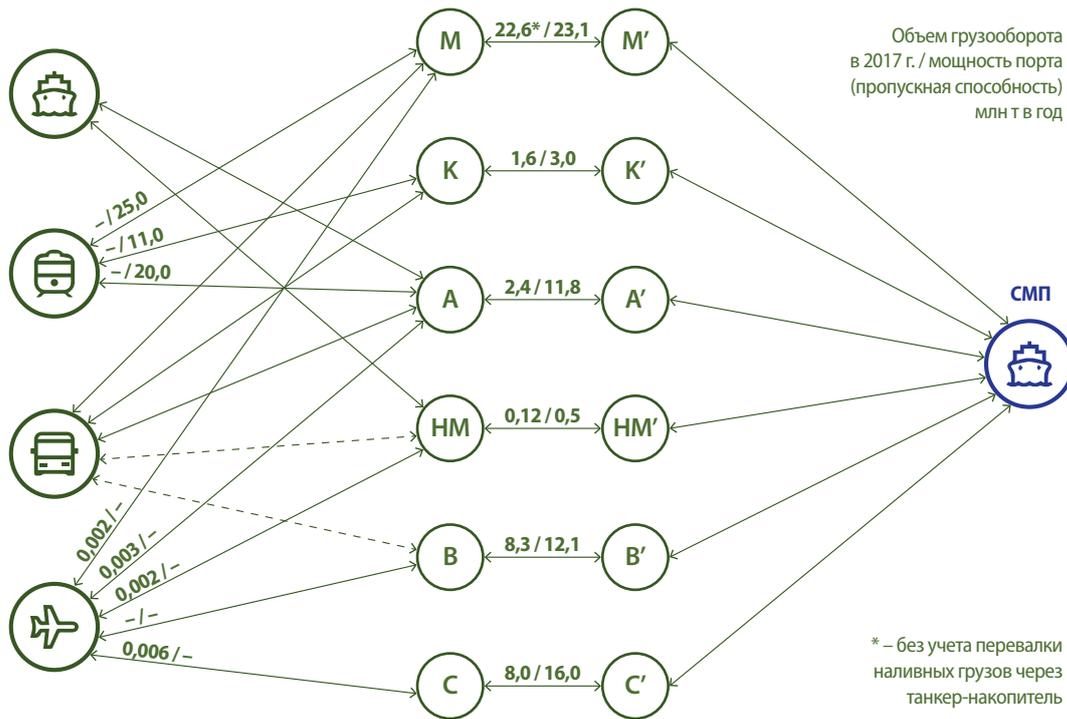


Рис. 1. Наличие транспортных подходов к основным портам Европейского и Приуральского Севера России, где: М – Мурманск, К – Кандалакша, А – Архангельск, НМ – Нарьян-Мар, В – Варандей, С – Сабетта

сопровождение. Между населенными пунктами, расположенными вдоль р. Печоры, отсутствует транзитное автомобильное сообщение, поэтому важные для районов навалочные грузы перевозятся в периоды весеннего и осеннего паводков, поскольку судоходство по р. Печоре в период низких межених уровней затруднительно для судов с осадкой более 50 см.

Широкому использованию рек для транспортных и пассажирских перевозок ЕиПС препятствует обмеление рек из-за наносов, а также нерегулярное проведение работ по дноуглублению из-за недостаточного финансирования из федерального бюджета [3]. На большей протяженности р. Северной Двины обеспечивается гарантированный габарит глубина – 150 см, р. Вычегды – 110 см, р. Печоры – 120 см, на участке р. Оби, относящемся к Приуральскому Северу, – 300 см [2].

Пропускная способность водных путей сообщения определяется количеством судов,

прошедших по реке или каналу за определенный интервал времени (год, месяц, день и т. д.). Так, для Беломорско-Балтийского канала, общая длина которого составляет 227 км, из них 37 км – искусственные пути, транспортный поток составляет не более 10–40 судов в день. На протяжении водного пути по каналу поддерживаются гарантированные глубины 380–400 см.

В условиях Севера на водные пути накладывается ограничение, заключающееся в том, что большую часть года они находятся подо льдом. Для Беломорско-Балтийского канала такой период составляет до семи месяцев в году.

Железнодорожные подходы имеются к основным портам ЕиПС: Мурманску, Кандалакше, Архангельску.

Провозная способность железнодорожных подходов к Мурманскому транспортному узлу (МТУ) составляет порядка 20–25 млн т в год. Лимитирующим фактором является ст. Кола. Провозная способность направле-

ния Волховстрой – Беломорск – Мурманск на участке Петрозаводск – Мурманск практически исчерпана⁵. Проект «Комплексное развитие МТУ» предполагает, что весь участок от ст. Волховстрой до ст. Мурманск должен был стать двухпутным⁶.

Железнодорожная станция «Кандалакша» Мурманского региона Октябрьской железной дороги ОАО «РЖД» с провозной способностью около 11 млн т в год обслуживает Кандалакшский морской торговый порт.

Архангельский транспортный узел обслуживается железнодорожными станциями Архангельск-Город, Исакогорка, Бакарица, примыкающими к магистрали Коноша – Архангельск Архангельского региона Северной железной дороги ОАО «РЖД». Провозная способность подходов к Архангельску оценивается в 18–20 млн т в год. Для повышения пропускной способности участка Архангельск – Обозерская требуется строительство второго пути⁷. Крупным инфраструктурным проектом является проект строительства железнодорожной магистрали «Белкомур», который связан со строительством глубоководного морского порта в Архангельском транспортном узле.

Железнодорожная магистраль Коноша – Воркута (Чум) – Лабитнанги позволяет использовать речной порт Лабитнанги, относящийся к порту Салехард, для перевалки грузов с железной дороги, отправки их до порта Сабетта и в обратном направлении. К ветке Чум – Лабитнанги на ст. Обская примыкают железнодорожные пути ПАО «Газпром», доходящие до ст. Бованенково и соединяющие нефтегазовые месторождения п-ова Ямал с магистральной железнодорожной сетью.

Для определения пропускных и провозных способностей на железнодорожном транспорте применен расчетный метод. Так, пропус-

кная способность перегона N (количество пар поездов или поездов в сутки) определяется по формуле:

$$N = \frac{1440K}{T_{пер}}$$

где:

K – число пар поездов или поездов в расчетном периоде;

$T_{пер}$ – период графика, т. е. время занятия перегона характерной группой поездов, мин.

Провозная способность железнодорожной линии Γ (количество груза в т за определенный период времени) определяется следующим образом:

$$\Gamma = \frac{365NQ\varphi_n}{K_n 10^6}$$

где:

N – пропускная способность линии, поездов или пар поездов в сутки;

Q – вес брутто грузового поезда, т;

φ_n – отношение веса нетто к весу брутто грузового поезда;

K_n – коэффициент неравномерности (сезонности) перевозок.

Мощности железнодорожной сети ЕиПС следующие. Пропускная способность однопутных неэлектрифицированных участков (например, Сыня – Усинск, Микунь – Сыктывкар) колеблется от 8–12 пар поездов в сутки (провозная способность 4–5 млн т в год) до 25–28 пар поездов в сутки (провозная способность 18–20 млн т в год) (Обозерская – Архангельск). Электрифицированные однопутные участки (Апатиты – Оленегорск – Мурманск) имеют пропускную способность 25–30 пар поездов в сутки (провозная способность 20–25 млн т в год) [1].

⁵ Информация о перспективном развитии портов Мурманск и Витино / Информационный портал «Судебные и нормативные акты РФ». URL: http://sudact.ru/law/strategiia-razvitiia-morskoi-portovoi-infrastruktury-rossii-do/viii/prilozhenie-5/prognoz-vvoda-portovykh-moshchnostei-v-arkticheskii-bassein/port-vitino/informatsiia-o-perspektivnom-razviti-portov_1 (дата обращения 31.07.2018).

⁶ Железнодорожные подходы к Мурманску будут расширены / Информационный портал «Морские вести России». URL: http://www.morvesti.ru/detail.php?ID=71079&sphrase_id=699188 (дата обращения 07.05.2018).

⁷ Информация о перспективном развитии портов Архангельск и Варандей / Информационный портал «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/law/strategiia-razvitiia-morskoi-portovoi-infrastruktury-rossii-do/viii/prilozhenie-5/prognoz-vvoda-portovykh-moshchnostei-v-arkticheskii-bassein/port-varandei/informatsiia-o-perspektivnom-razviti-portov> (дата обращения 31.07.2018).

Двухпутная неэлектрифицированная железная дорога Котлас – Воркута имеет текущую загрузку 25 пар поездов в сутки, обеспечивая перевозку 20–25 млн т в год, а дорога Котлас – Коноша – 40 пар поездов в сутки (провозная способность 35–40 млн т в год). Двухпутная электрифицированная дорога Коноша – Обозерская имеет текущую пропускную способность 51 пара поездов в сутки (провозная способность 45–50 млн т в год), а на участке Беломорск – Кандалакша – Апатиты пропускная способность составляет 30–40 пар поездов в сутки (провозная способность 40–45 млн т в год).

Автомобильные подходы. Характерной особенностью автодорожной сети ЕиПС является наличие магистральных автомобильных дорог, проходящих в меридианном направлении. К ним относятся автомобильные дороги федерального значения М-8 «Холмогоры» (Москва – Ярославль – Вологда – Архангельск), которая подходит к морскому порту Архангельск, и Р-21 «Кола» (Санкт-Петербург – Петрозаводск – Мурманск – граница с Норвегией), подходящая к морскому порту Мурманск.

Между собой магистрали связаны региональными дорогами, в некоторых случаях не имеющими асфальтобетонного покрытия. Значительная часть дорог относится⁸ ко II категории (пропускной способностью 3000–6000 автомобилей в сутки) и III категории (пропускной способностью 2000–6000 автомобилей в сутки). Дороги, обеспечивающие внутрирайонные связи, в большинстве имеют IV категорию с пропускной способностью 400–2000 автомобилей в сутки. Указанные значения пропускных способностей приведены для легковых автомобилей, а для остальных типов автотранспортных средств применяются коэффициенты приведения. Для определения годовой пропускной способности значения суточной пропускной способности умножаем на количество дней в году.

⁸ Федеральный закон от 8 ноября 2007 года № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации» / Федеральное дорожное агентство Министерства транспорта Российской Федерации. URL: <http://rosavtodor.ru/activity/public-services/egrاد/14221.html>

В холодное время года транспортную связь со столицей Ненецкого автономного округа обеспечивает автодорога Усинск – Нарьян-Мар. Расстояние Усинск – Нарьян-Мар по трассе составляет 416 км, из них 86 км – зимник, соединяющий автомобильную дорогу от пос. Харьягинский с Лаявожской дорогой с четырьмя ледовыми переправами через реки Шапкина, Лаявож, Лая и Харьяха. В летнее время зимник закрывается и Ненецкий автономный округ остается без связи с сетью автомобильных дорог страны.

От г. Нарьян-Мара до вахтового пос. Варадей намораживается ведомственный зимник протяженностью примерно 370 км.

Самым востребованным на Приуральском Севере является зимник Лабитнанги – Бованенково⁹. Несмотря на то что функционирует железнодорожная ветка ст. Обская – ст. Бованенково (Бованенковское месторождение), большое количество грузов перевозится автомобильным транспортом. Это обусловлено высокой стоимостью железнодорожной перевозки грузов и оживленным передвижением автомобильной техники по данному маршруту, связанным с накоплением техники в пос. Бованенково. Протяженность зимника Лабитнанги – Бованенково примерно 650 км.

Зимник Лабитнанги – Паюта востребован тем, что в районе железнодорожной станции Паюта, ведомственной железнодорожной ветки Газпромтранс, находится развилка к зимнику Лабитнанги – Новый Порт. Расстояние от г. Лабитнанги до станции Паюта составляет 190 км.

Протяженность маршрута от г. Лабитнанги до пос. Новый Порт составляет примерно 400 км. Перевозка грузов в Новый Порт осуществляется всю зиму автомобильным транспортом. От пос. Новый Порт зимник идет до пос. Мыс Каменный. Строительство и эксплуатация нефтеналивного терминала «Ворота Арктики» к северу от Мыса Каменного сделали перевозку грузов в пос. Мыс

⁹ Маршруты зимников / Информационный портал «Грузоведь». URL: <http://novyiy-urengoy.gruzoved.com/blog/post/marshruty-zimnikov/> (дата обращения 25.04.2018).

Каменный востребованной. Из-за сложных подходов к берегу у пос. Мыс Каменный со стороны Обской губы грузовые перевозки осуществляют преимущественно зимой автомобильным транспортом.

Перспективным маршрутом на Приуральском Севере может стать зимник Лабитнанги – порт Сабетта. Его правильнее назвать зимником Бованенково – Сабетта, по причине того что трассу прокладывают от пос. Бованенково. Расстояние от г. Лабитнанги до порта Сабетта составляет примерно 1200 км. Кроме того, ежегодно прокладывается зимник Бованенково – Харасавэйское месторождение.

Грузовые перевозки по зимникам затрудняются качеством дорог. Скорость движения транспорта по зимнику редко превышает 40 км в час, а на некоторых участках транспорт может двигаться со скоростью пять км в час или находиться на одном месте несколько дней из-за переветов дорог.

Все расстояния по длине зимников являются приблизительными, так как каждый год зимники прокладываются по различным маршрутам и их протяженность может отличаться от тех, которые были в прошлые годы.

Авиационное сообщение осуществляется со всеми основными портами ЕиПС, за исключением порта Кандалакша. В табл. 2 приведены данные об объемах обслуживания пассажиров и грузовой клиентуры в аэропортах, тяготеющих к основным морским портам ЕиПС России, в 2017 году.

Морское сообщение. Все порты Арктического бассейна (кроме незамерзающего Мурманска)

продолжительное время работают в условиях низких температур и покрытой льдом акватории [4], поэтому судам требуется ледокольная проводка. В акватории Арктического бассейна действует десять ледоколов, из них четыре – атомные («50 лет Победы», «Ямал», «Таймыр», «Вайгач»).

Во исполнение приказа Министерства транспорта РФ от 27.06.2014 № 170 «О реорганизации Федерального государственного учреждения «Администрация морского порта Мурманск» в форме присоединения к нему Федерального государственного учреждения «Администрация морского порта Архангельск» создано ФГБУ «Администрация морских портов Западной Арктики» (АМП). Зона ответственности АМП Западной Арктики включала в себя 12 морских портов: Архангельск, Варандей, Витино (функционирование порта в настоящее время прекращено, мощности переведены в порт Усть-Луга), Диксон, Дудинка, Кандалакша, Мезень, Мурманск, Нарьян-Мар, Онега, Сабетта и Хатанга¹⁰. Все порты, в отношении которых АМП осуществляет организационное, материально-техническое и финансовое обеспечение, расположены в Арктической зоне России.

Характеристика основных морских портов Европейского и Приуральского Севера России

Мурманский морской порт расположен на восточном берегу Кольского залива Баренцева моря, занимает четвертое место в России по объему перерабатываемых грузов и второе

Таблица 2. Обслуживание пассажиров и грузовой клиентуры в некоторых аэропортах Европейского и Приуральского Севера России в 2017 году

№ п/п	Аэропорт	Пассажиров, всего, чел.	Груз, всего, т	Почта, всего, т
1	Мурманск	845928	1827,7	537,6
2	Архангельск (Талаги)	891867	2508,1	782,2
3	Нарьян-Мар	183127	1258,5	366,9
4	Варандей	15569	-	-
5	Сабетта	369819	5778,9	-

Составлено по: Объемы перевозок через аэропорты России / Официальный Интернет-ресурс Федерального агентства воздушного транспорта. URL: <http://www.favt.ru/deyatelnost-vozdushnye-perevozki-perevozki-passazhirov>

¹⁰ Зона ответственности АМП Западной Арктики / Информационный портал «Морские вести России». URL: http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=68736&sphrase_id=437045 (дата обращения 05.03.2018).

по величине на Северо-Западе (после порта в Санкт-Петербурге) [5]. Порт Мурманск состоит из трех частей: Рыбный порт, Торговый порт и Пассажирский. Основным из них является Торговый порт, через который осуществляется экспорт каменного угля и ряда других минеральных ресурсов. Производственные мощности ПАО «Мурманский морской торговый порт» следующие¹¹. В акватории порта имеется 13 причалов; максимальная рабочая глубина у причалов 14,7 м; глубины на рейде до 60 м. Обработка вагонов: максимальная суточная выгрузка – 734 вагона. Обработка судов: количество судозаходов в год около 350; максимальная длина судна до 300 м.

Порт работает на пределе своей пропускной способности. Согласно приложению к распоряжению Росморречфлота¹² от 12.05.2015 № АД-150-р, пропускная способность грузовых терминалов морского порта Мурманск составляет 23052,2 тыс. т в год.

По итогам 2017 года грузооборот порта в 2017 году достиг 22,6 млн т без наливных грузов. Общий объем перевалки – 51,7 млн т, что на 54,5% больше, чем в 2016 году, и является максимальным значением за все время функционирования порта. Положительной динамики удалось достичь за счет роста объема перевалки наливных грузов более чем в 2,5 раза через танкер-накопитель «Умба» (до 29,1 млн т), и впервые он превысил объем перерабатываемых сухогрузов. Ожидается, что к 2020 году грузооборот в порту Мурманск¹³ увеличится до 71 млн т.

Для обеспечения обработки перспективных объемов грузов МТУ был разработан проект «Комплексное развитие Мурманского транспортного узла»¹⁴. В результате реализа-

ции данного проекта будет создан круглогодичный глубоководный морской хаб – центр по переработке контейнерных, нефтеналивных грузов, перевалке угля и минеральных удобрений, интегрированный в международный транспортный коридор «Север-Юг». Проектом предусматривается обустройство акватории Кольского залива, развитие инфраструктуры морского, железнодорожного и автомобильного транспорта, а также логистической и складской инфраструктуры. Проект осуществляется на основе государственно-частного партнерства.

В настоящее время основная работа по проекту Мурманского порта – строительство новых морских терминалов и подходов к ним: по перевалке угля, с общим грузооборотом до 20 млн т в год, на западном берегу Кольского залива в районе р. Лавна; по перевалке наливных грузов с общим грузооборотом до 35 млн т в год; на восточном берегу Кольского залива – строительство контейнерного терминала мощностью один млн контейнеров в двадцатифутовом эквиваленте (TEU). Таким образом, предполагаемое увеличение мощностей порта Мурманск превысит 55 млн т в год.

Порт Кандалакша – крупный порт России на Белом море, расположенный в северо-западной его части в Кандалакшском заливе¹⁵. Имеет пять универсальных причалов с общей протяженностью причальной линии 580 м. Причалы оснащены железнодорожными и автомобильными подъездными путями. Основной груз Кандалакшского морского торгового порта – каменный уголь энергетических марок. Порт замерзающий, однако с помощью ледоколов навигация

¹¹ ПАО «Мурманский морской торговый порт» / Информационный портал DocPlayer.ru. URL: <https://docplayer.ru/68905126-Пао-murmanskiy-morskoy-torgovyy-port.html> (дата обращения 30.07.2018).

¹² Реестр морских портов Российской Федерации / Сайт Федерального агентства морского и речного транспорта. Министерство транспорта Российской Федерации. URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/reestr_mp/porty_za_radnoy_arktiki.html (дата обращения 16.05.2018).

¹³ Симонова Т. Обзор грузооборота морских портов России. Итоги 2017 года / Информационное агентство «РЖД-Партнер». URL: <http://www.rzd-partner.ru/wate-transport/reviews/obzor-gruzooborota-morskikh-portov-rossii-itogi-2017-goda> (дата обращения 26.01.2018).

¹⁴ Планы развития Мурманского транспортного узла / Информационный портал «Издательский дом «Гелион». URL: <https://helion-ltd.ru/planu-razvitiya-murmanskogo-transportnogo-uzla> (дата обращения 13.03.2018).

¹⁵ Порт Кандалакша. Описание / Информационный портал «Единая система информации об обстановке в Мировом океане». URL: http://esimo.oceanography.ru/esp1/index.php?sea_code=12§ion=12&menu_code=4593 (дата обращения 14.03.2018).

длится круглый год. Для проводки судов они используются с середины декабря до середины мая. Глубины на подходных фарватерах протяженностью до восьми миль позволяют входить в акваторию порта судам с осадкой до 9,3 м.

Действующие мощности порта позволяют перерабатывать до трех млн т грузов в год (апатитовый концентрат, уголь, глинозем, металлолом и др.). Разработана концепция развития порта, которая позволит со временем нарастить грузооборот до 11 млн т в год. Именно такова сегодня пропускная способность железнодорожной станции Кандалакша, от которой порт пока значительно отстает¹⁶.

Архангельский морской торговый порт (АМТП) выполняет функции оператора крупнейшего морского терминала¹⁷. В состав АМТП входят погрузочно-разгрузочные районы «Экономия» и «Бакарица», а также контейнерный терминал производительностью 75 тыс. TEU в год. Порт Архангельск может принимать суда длиной до 190 м и максимальной осадкой 9,2 м.

Согласно приложению к распоряжению Росморречфлота¹⁸ от 22.02.2018 № НЖ-45-р, пропускная способность грузовых терминалов морского порта Архангельск составляет 11772,9 тыс. т.

Основные проблемные аспекты, сдерживающие потенциал развития ОАО «АМТП»:

- высокий уровень государственных портовых сборов, что создает неравные конкурентные условия по отношению к другим портам;
- наличие ограничений эксплуатационных характеристик железнодорожного моста создает проблемы регулярному судоходству (подъем разводного пролета моста ограничен температурным режимом до минус 21°C);

- проблемы пропуска судов в зимний период, связанные с ожиданием прохождения пассажирских ледовых переправ по главному судовому ходу.

Почти 40% объема перевозок через Архангельск формируют каботажные перевозки в арктическом бассейне. Через Архангельский транспортный узел идет завоз грузов в населенные пункты арктического побережья, на объекты Министерства обороны, на полярные станции, в национальные парки, а также доставка материалов для строительства и обслуживания объектов нефтегазодобычи.

Проект строительства Глубоководного района морского порта Архангельск взаимосвязан с реализацией проекта строительства железнодорожной магистрали «Белкомур». По проекту предполагается создание шести морских терминалов: нефтепродуктов и газового конденсата, генеральных грузов, навалочных грузов, минеральных удобрений, лесных грузов, металлогрузов. При подходах со стороны новой линии «Белкомур» от ст. Карпогоры примыкание новой линии возможно к ст. Жаровиха или станции Архангельск-город (расстояние между станциями около шести км, разницы в тарифном расстоянии нет).

Проектная мощность Глубоководного района морского порта Архангельск¹⁹ к 2035 году должна составить 37,9 млн т, что существенно увеличит пропускную способность всего Архангельского транспортного узла.

Порт Нарьян-Мар – морской порт г. Нарьян-Мара, расположенный в 90 км от устья р. Печоры, впадающей в Печорскую губу Баренцева моря. Навигация в порту длится от четырех до пяти месяцев с середины июня по октябрь, а до середины ноября возможна ледокольная проводка. Входные подходы

¹⁶ Кандалакшский порт: от стабилизации к масштабным проектам / Информационный портал «Мурманский вестник». URL: <http://www.mvestnik.ru/economy/pid2008091919411> (дата обращения 31.07.2018).

¹⁷ Реестр морских портов Российской Федерации / Сайт Федерального агентства морского и речного транспорта. Министерство транспорта Российской Федерации. URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/reestr_mp/portyi_zaradnoy_arktiki.html (дата обращения 16.05.2018).

¹⁸ Порт Архангельск / Информационный портал «Архангельский транспортный узел». URL: <http://atpu.ru/port-arkhangelsk> (дата обращения 30.07.2018).

¹⁹ Глубоководный район морского порта Архангельск / Сайт ОАО МК «Белкомур». URL: <http://www.belkomur.com/архпорт> (дата обращения: 30.07.2018).

к порту имеют протяженность 125,7 км и состоят из естественного фарватера и искусственных каналов с глубинами от 4,7 до 5,2 м. Глубина в местах рейдовой обработки от 7 до 10 м. Перевалкой грузов в порту Нарьян-Мар занимаются ОАО «Нарьян-Марский морской торговый порт» и ООО «НАО АрктикПорт» (оператор морского терминала Амдерма). Удаленный морской терминал в Амдерме обеспечивает около 5% общего грузооборота Нарьян-Марского морского порта и может использоваться как вспомогательный порт для обеспечения функционирования СМП²⁰. В 2012 году создано Федеральное казенное предприятие «Аэропорт Амдерма». Аэропорт Амдерма имеет аэродром класса «В», в 2017 году обслужил 1,5 тыс. пассажиров. Основное направление авиаперевозок: Амдерма – Нарьян-Мар. Придание статуса казенного предприятия позволило избежать ликвидации и осуществить реконструкцию аэропорта.

Мощность (пропускная способность) Нарьян-Марского порта²¹ составляет 500 тыс. т в год. Увеличение мощности порта в ближайшей перспективе не планируется. ОАО «Ненецкая нефтяная компания», единственным учредителем которой является Ненецкий автономный округ, планирует осуществлять реконструкцию двух причалов порта в целях увеличения грузооборота на 350 тыс. т к 2020 году²².

Порт Варандей представляет собой стационарный морской ледостойкий отгрузочный причал, предназначенный для экс-

порта морским путем нефти, добываемой нефтяной компанией «Лукойл» и другими нефтяными компаниями в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции²³. Введен в эксплуатацию в июне 2008 года. Терминал установлен в Баренцевом море на удалении 22 км от берега в районе п. Варандей. Глубина в месте установки составляет 17 м. Терминал функционирует круглогодично, для работы в зимний период привлекаются ледокольные суда. Отгрузочный причал соединен с берегом двумя нитками подводного трубопровода.

Пропускная способность терминала составляет 12 млн т наливных грузов в год (240 тыс. баррелей нефти в сутки), сухих грузов – 80 тыс. т в год²⁴.

Перспективы увеличения грузооборота морских портов Западной части Арктики

Морской порт Сабетта – перспективный арктический порт в районе пос. Сабетта на западном берегу Обской губы Карского моря²⁵. Предназначен для обеспечения перевалки углеводородного сырья Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения с Ямала в страны Западной Европы, Северной и Южной Америки и страны Азиатско-Тихоокеанского региона под грузы АО «Ямал СПГ», которое строит завод по сжижению газа мощностью 16,5 млн т в год и газового конденсата одного млн т в год²⁶. Первые грузовые суда пришвартовались к причалу порта Сабетта в октябре 2013 года.

²⁰ Грузооборот Нарьян-Марского МТП в навигацию – 2017 снизился на 30% / Сайт информационно-аналитического агентства «ПортНьюс». URL: <http://portnews.ru/news/249289/> (дата обращения 22.11.2017).

²¹ Реестр морских портов Российской Федерации / Сайт Федерального агентства морского и речного транспорта. Министерство транспорта Российской Федерации. URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/reestr_mp/portyi_zapadnoy_arktiki.html (дата обращения 16.05.2018).

²² Российская Арктика в 2016 году. Развитие портов Северного морского пути / Редкие земли (Rare Earth). URL: <http://rareearth.ru/ru/pub/20170109/02824.html> (дата обращения 09.01.2017).

²³ Доставка грузов в Варандей. Грузоперевозки в морской порт Варандей / Сайт АО «Беломортранс». URL: <http://belomortrans.ru/ru/area-delivery/szfo/nao/varandey> (дата обращения 16.03.2018).

²⁴ Реестр морских портов Российской Федерации / Сайт Федерального агентства морского и речного транспорта. Министерство транспорта Российской Федерации. URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/reestr_mp/portyi_zapadnoy_arktiki.html (дата обращения 16.05.2018).

²⁵ В порту Сабетта завершены дноуглубительные работы / Информационный портал «Морские вести России». URL: <http://www.morvesti.ru/detail.php?ID=58996> (дата обращения 19.10.2016).

²⁶ Проект Ямал СПГ в Сабетте / Информационный портал «Сделано у нас». URL: <https://sdelanounas.ru> (дата обращения 30.07.2018).

На первоначальном этапе (2012–2018 гг.) порт Сабетта²⁷ должен обеспечивать вывоз до 16 млн т сжиженного природного газа (СПГ). Предусмотрена возможность наращивания грузооборота до 30 млн т, включая СПГ – 25 млн т в год; газовый конденсат – до 1,35 млн т в год; нефть – 3,5 млн т в год.

В первом полугодии 2018 года три партии СПГ ямальского происхождения были отправлены в США²⁸. Между тем говорить о том, что тенденция массовых закупок СПГ российско-американского региона будет увеличиваться преждевременно, это скорее разовые случаи. Эксперты отмечают, что США выгодно закупать сейчас более дешевый газ, чтобы экспортировать собственный СПГ на растущие рынки азиатско-тихоокеанского региона.

На западном побережье Обской губы, северо-западнее пос. Новый Порт, напротив с. Мыс Каменный построен арктический нефтеналивной терминал «Ворота Арктики» для круглогодичной отгрузки нефти с Новопортовского месторождения²⁹. По нефтепроводу протяженностью более 100 км нефть с Новопортовского месторождения поступает на побережье Обской губы. Глубина судоходного фарватера в данном районе составляет 11 м, в связи с чем нефтеналивной терминал размещен на удалении 3,5 км от берега.

Мощность терминала по перевалке нефти составляет до 8,5 млн т в год. Он позволяет круглогодично отгружать нефть, добываемую на Ямале, на танкеры для дальнейшей перевозки по Северному морскому пути.

В период летней навигации пос. Новый порт обеспечивается теплоходным сообщением со столицей Ямало-Ненецкого автономного округа г. Салехардом по маршруту «Салехард – Новый порт – Антипаюта – Тазовский» (Обь-Иртышское речное пароходство).

Аэропорт «Мыс Каменный» находится четыре км южнее с. Мыс Каменный, в 2017 году обслужил 11,1 тыс. пассажиров.

Перспективный морской порт Индига. Проект по созданию нового многопрофильного морского порта в бухте Индига в сочетании со строительством линии Сосногорск – Индига как части железнодорожной магистрали Баренцкомур сможет внести существенный вклад в формирование опорной транспортной сети Европейского Северо-Востока [6]. Создание этого транспортного узла превращает сотни месторождений полезных ископаемых в рентабельные и экономически более привлекательные для инвесторов – как отечественных, так и иностранных. Строительство железной дороги Сосногорск – Индига протяженностью 612 км включено в Транспортную стратегию Российской Федерации на период до 2030 года, однако в государственную программу Российской Федерации «Развитие транспортной системы» оно не вошло, поэтому его финансирование в обозримом периоде не предполагается. Тем не менее строительство этой железной дороги в комплексе с созданием нового морского порта в бухте Индига повышает потенциальную грузообразующую базу района его тяготения до 120 млн т к 2030 году. Неподалеку от пос. Индига на материковой части НАО располагаются Кумжинское и Коровинское газоконденсатные месторождения с запасами газа более 160 млрд м³.

Ожидается, что в Индиге будут построены терминалы по отгрузке СПГ на крупнотоннажные танкеры, нефтеналивные терминалы (запасы нефти на материковой части НАО превышают один млрд т), создана база для шельфового флота и аварийно-спасательный центр³⁰. Предполагаемый объем перевалки порта составит ежегодно

²⁷ Строительство объектов морского порта Сабетта / Сайт Федерального агентства морского и речного транспорта. URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/portyi_rf/infrastructure/proekty_v_sfere_morskogo_transporta/stroitelstvo_obyektov_morskogo_porta_sabetta.html (дата обращения 29.11.2018).

²⁸ Боков О. Почему третий танкер с российским СПГ идет к берегам США / Интернет-журнал «PolitNews». URL: <https://politnews.net/90658> (дата обращения 25.07.2018).

²⁹ Началась отгрузка ямальской нефти через морской терминал «Ворота Арктики» / Управление информации ПАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2016/may/article274905> (дата обращения 16.03.2018).

³⁰ Пономарев В. Дорога на Нарьян-Мар // Русский репортер. 2014. № 36. URL: <http://expert.ru/russian-reporter/2014/36/doroga-na-naryan-mar> (дата обращения 16.03.2018).

около 30 млн т углеводородов, СПГ и генеральных грузов³¹.

Аэропорт «Инди́га» имеет аэродром класса «Е», в 2017 году обслужил 2,7 тыс. пассажиров. Основное направление авиаперевозок: Инди́га – Нарьян-Ма́р.

Портопункт Харасавей расположен в устье одноименной реки на западном берегу полуострова Ямал. Строительство портопункта Харасавэй началось в 2007 году. Береговое расположение портопункта подразумевает строительство подходного канала протяженностью около 4,5 км для подхода танкерного флота с осадкой около 11,5 м. Ширина канала около 250 м. Внутренняя акватория порта расширяется до 1,5 км в диаметре. В порту предполагается соорудить 10 причалов, в том числе четыре для отгрузки сжиженных углеводородов и два для нефтепродуктов, остальные для приема строительных материалов и хозяйственных грузов и отстоя портофлота и земснарядов. В июне 2018 года на совещании Правления ПАО «Газпром»³² было принято решение о начале в 2019 году полномасштабного освоения Харасавейского месторождения с проектным уровнем добычи 32 млрд м³ в год. В период строительства предполагается завезти более 1,5 млн т оборудования и материалов. В зимний период для этого предполагается использовать железную дорогу Обская – Бованенково и зимник от станции Карская до месторождения. В летний период морской транспорт обеспечит перевозку грузов до портопункта Харасавей. Ввод в эксплуатацию Харасавейского месторождения планируется на 2023 год.

«Отставание развития железнодорожной инфраструктуры от портовой – одна из главных проблем транспортной отрасли РФ», – отметил Президент В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию³³ в марте 2018 года. Также в послании было уделено внимание непосредственно перевозкам по Северному

морскому пути, которые должны возрасти до 80 млн т в год к 2025 году.

За 2017 год объем перевозок по СМП составил почти 10,7 млн т (см. табл. 1). Основной прирост получен за счет отгрузки нефти с Новопортовского месторождения в объеме шести млн т.

Планируется запуск четвертой очереди проекта Ямал-СПГ, в результате чего будет производиться и перевозиться 17,5 млн т сжиженного газа в год.

На *рис. 2* показано желаемое (планируемое) увеличение мощностей основных портов ЕиПС России с включением в схему перспективного морского порта Инди́га.

Чтобы выйти на целевой показатель в 80 млн т в год, придется привлекать новые грузопотоки, в т. ч. выводить в Арктику промышленные грузы с Урала и других регионов. Это потребует дополнительных исследований и инвестиций в развитие транспортных подходов к морским портам Европейского и Приуралья Севера России.

Помимо привлечения финансовых ресурсов существенное значение имеет научное обеспечение развития транспортных подходов к Арктике. Основные проблемы, определяющие современное состояние и перспективы развития грузовых перевозок по Северному морскому пути, обозначены в трудах А.Г. Гранберга, В.И. Пересыпкина, В.С. Селина и др. [7; 8]. В первую очередь к ним относятся отсутствие законодательной базы для освоения Арктики и комплексного плана развития СМП, неразвитость портовой инфраструктуры, высокий уровень экологических рисков.

Транзитный потенциал СМП по перемещению грузов из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу в ближайшей перспективе реализован не будет [9]. Перспективы увеличения грузопотока по СМП в основном связаны с увеличением объемов добычи углеводородов и перевозкой их на экспорт [10–14].

³¹ Новый порт и железную дорогу в Инди́ге оценили в 260 млрд // Региональный портал НАО «Инфо83». URL: <https://www.info83.ru/news/economy/46424-indiga-port> (дата обращения 25.05.2016).

³² Принято решение о начале в 2019 году полномасштабного освоения Харасавейского месторождения на Ямале / ПАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2018/july/article442584> (дата обращения 26.11.2018).

³³ Строго по курсу / Сайт информационно-аналитического агентства «ПортНьюс». URL: <http://portnews.ru/comments/2466> (дата обращения 05.03.2018).

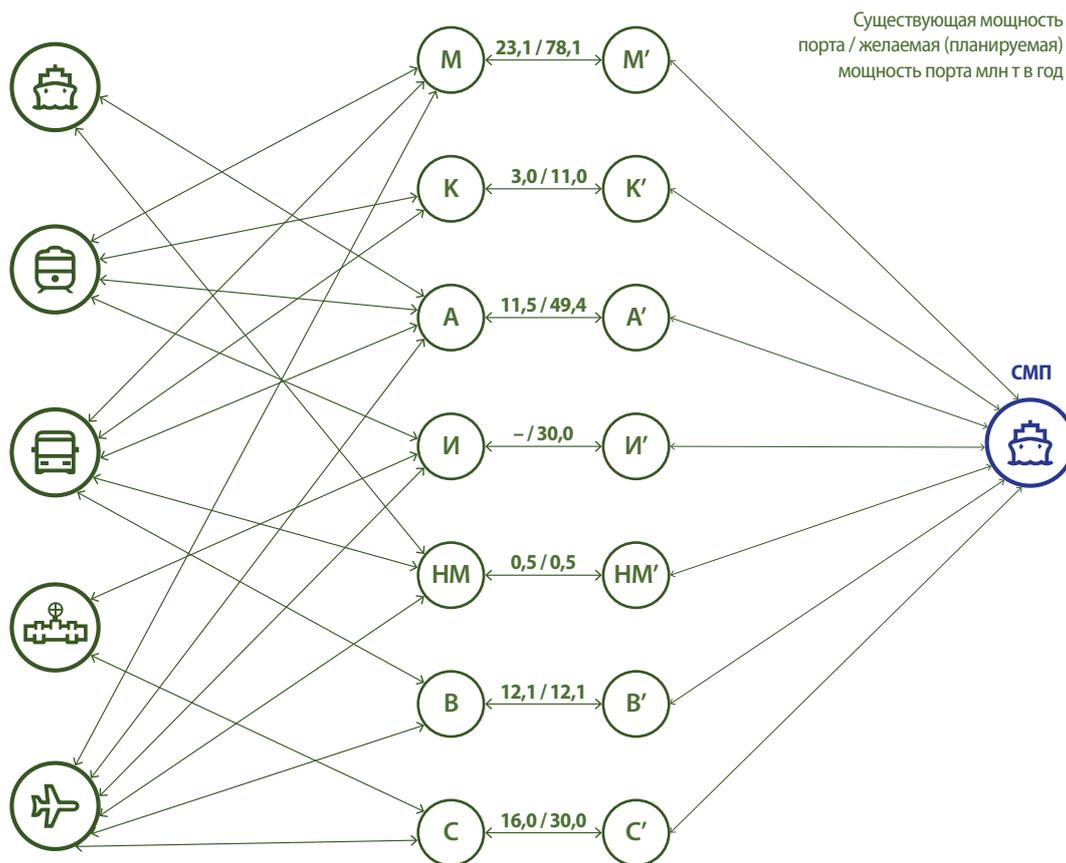


Рис. 2. Желаемое увеличение мощностей портов Европейского и Приуралья Севера России, где: М – Мурманск, К – Кандалакша, А – Архангельск, И – Инди́га, НМ – Нарья́н-Ма́р, В – Варандей, С – Сабетта

При развитии транспортных подходов к морским портам ЕиПС России необходимо учитывать опыт совершенствования портовой инфраструктуры развитых стран, применения современных логистических технологий, это автоматизация и оптимизация погрузочно-разгрузочных работ, обеспечение сохранности грузов, взаимодействие различных видов транспорта в портах, развитие контейнерных терминалов и увеличение объемов контейнерных перевозок, надежность системы поставок и др. [15–21].

Заключение

В результате проведенного исследования проанализированы грузооборот основных портов ЕиПС и объемы перевозок по СМП в сравнении с суммарным грузооборотом мор-

ских портов России; составлена схема транспортных подходов к основным портам ЕиПС с разбивкой по видам транспорта; сделана оценка соответствия провозных и пропускных способностей транспортных путей ЕиПС потребностям Арктической транспортной системы; дана характеристика основных морских портов ЕиПС, их мощностей и возможностей по увеличению объемов грузооборота; определены перспективы увеличения грузопотоков Арктической транспортной системы.

Чтобы выйти на целевые показатели объемов перевозок по СМП, изложенные в документах стратегического планирования, необходимо привлекать новые грузопотоки. Это потребует дополнительных исследований и инвестиций в развитие транспортных путей Европейского и Приуралья Севера России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Транспортные подходы к портам Европейской и Приуральской Арктики / А.Н. Киселенко [и др.] // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 3 (59). С. 12–22.
2. Сундуков Е.Ю., Тарабукина Н.А. Анализ состояния и перспективы развития водных путей сообщения Европейской и Приуральской Арктики // Европейская зона российской Арктики: сценарии развития: мат-лы Всерос. науч. конф. (с международ. участием), 18–19 октября 2017 г.: в 2 ч. Ч.1. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. С. 152–157.
3. Водный транспорт и энергетика Севера Европейской части России (обзор) / Н.Н. Филатов [и др.] // Арктика: экология и экономика. 2017. № 1 (25). С. 75–85.
4. Зерщикова Н.И. Модернизация морских портов в развитии арктических коммуникаций // Северный морской путь: развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015»: мат-лы VI Всерос. морской науч.-практ. конф. Мурманск: МГТУ, 2015. С. 36–38.
5. Большаков Я.А., Фридкин В.Н. Возможности и перспективы Мурманской области в развитии транспорта Арктического региона // Вестн. МГТУ. 2016. Т. 19. № 2. С. 363–371.
6. Киселенко А.Н. Значение транспортной системы Республики Коми и Ненецкого автономного округа в возрождении Северного морского пути. Проблемы Северного морского пути // Стратегия развития северных регионов России. Архангельск: АНЦ УрО РАН, НСРР при Президиуме РАН, 2003. С. 67–68.
7. Селин В.С. Проблемы развития Северного морского пути // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 87–100.
8. Факторный анализ и прогноз грузопотоков Северного морского пути / науч. ред. Селин В.С., Козьменко С.Ю. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 335 с.
9. Николаева А.Б. Перспективы развития Северного морского транспортного коридора // Арктика и Север. 2017. № 4 (55). С. 106–113.
10. Фадеев А.М. Инфраструктурные и транспортно-логистические вызовы в освоении морских углеводородных месторождений Арктики // Национальные интересы России и экономика морских коммуникаций в Арктике: мат-лы V Всерос. морской науч.-практ. конф. Мурманск: МГТУ, 2014. С. 184–187.
11. Шпак А.В. Транспортная инфраструктура российской Арктики // Национальные интересы России и экономика морских коммуникаций в Арктике: мат-лы V Всерос. морской науч.-практ. конф. Мурманск: МГТУ, 2014. С. 143–145.
12. Лукин Ю.Ф. Северный морской путь в условиях геополитической и экономической нестабильности: история и современность // Северный морской путь: развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015»: мат-лы VI Всерос. морской науч.-практ. конф. Мурманск: МГТУ, 2015. С. 44–47.
13. Цукерман В.А. Взаимодействие арктических морских и речных коммуникаций // Северный морской путь: развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015»: мат-лы VI Всерос. морской науч.-практ. конф. Мурманск: МГТУ, 2015. С. 62–64.
14. Андреева Е.Н. Арктическое побережье как стратегический геоэкономический резерв социально-экономического развития России // Северный морской путь: развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015»: мат-лы VI Всерос. морской науч.-практ. конф. Мурманск: МГТУ, 2015. С. 99–102.
15. Container terminal extension; Bremen ports geared for future. *Ports and Harbors*, 1990, vol. 7 (35), pp. 38–39.

16. Bukold S. Hafenmatropolen im westeuropäischen Vergleich. *Hansa*, 1989, vol. 23/24 (126), pp. 1607–1609.
17. North American ports. *Fairplay Int. Shipp. Weekly*, 1985, vol. 295 (5332), pp. 12–24.
18. Matthews Stephen J. Tacoma clears path for new terminals. *Contain. Int.*, 1990, vol. 3 (24), pp. 60–63.
19. Sur fond de stagnation des trafics inflation de projets portnaires dans l'Europe du Nord. *Rev. nawig portes et ind*, 1987, vol. 16 (59), pp. 492–493.
20. Schelzel M., Schonknecht R. The future development Ro-Ro Traffic – aspects and problems. *Ro-Ro 83 Proc. 6 th Int. Conf. Mar. Transp. «Roll-on/Roll-off Myth. Gothenburg, 17–19 May, 1983»*. Rickmansworth, 1983, pp. 111–114.
21. Bichou K. *Port operations, planning and logistics*. New York, Informa Law from Routledge Publ., 2013, 383 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселенко Анатолий Николаевич – доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор, руководитель лаборатории проблем транспорта. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. E-mail: kiselenko@iespn.komisc.ru. Тел.: +7(8212) 24-25-93.

Малащук Петр Александрович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник лаборатории проблем транспорта. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. E-mail: translab@iespn.komisc.ru. Тел.: +7(8212) 24-25-93.

Сундуков Евгений Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории проблем транспорта. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. E-mail: translab@iespn.komisc.ru. Тел.: +7(8212) 24-25-93.

Kiselenko A.N., Malashchuk P.A., Sundukov E.Yu.

ASSESSING COMPLIANCE OF CARRIAGE AND TRAFFIC CAPACITY OF TRANSPORT ROUTES OF THE EUROPEAN AND URAL NORTH OF RUSSIA WITH NEEDS OF THE ARCTIC TRANSPORT SYSTEM

The greater economic activity in the Arctic, the greater Arctic sea ports turnover and carriage volume along the Northern Sea Route. The aim of the work is to study carriage and traffic capacity of transport routes of the European and Ural North of Russia. At the same time, the Arctic transport system includes the Northern Sea Route, land, air and river routes to the Arctic sea ports, as well as coastal infrastructure, ensuring their functioning. The main cargo turnover in the European and Ural North of Russia is provided by sea ports of Murmansk, Kandalaksha, Arkhangelsk, Naryan-Mar, Varandey, and Sabetta. The authors analyze cargo turnover of key

ports in the European and Ural North of Russia and traffic volume on the Northern Sea Route in comparison with total turnover of Russian sea ports. They draw up a scheme of transport approaches to the main ports according to transport modes. The article assesses compliance of carriage and traffic capacity of transport routes of the European and Ural North of Russia with needs of the Arctic transport system. It gives characteristics of key sea ports of the European and Ural North of Russia, their capacities and capabilities to increase cargo turnover volume. The work determines prospects to boost cargo flows of the Arctic transport system. In order to reach targets for traffic volume on the Northern Sea Route, as set out in the strategic planning documents, it is necessary to attract new cargo flows, including: bring industrial goods to the Arctic from the Urals and other regions. This will require additional research and investment in the development of transport routes of the European and Ural North.

Carriage capacity, traffic capacity, cargo turnover of a port, transport routes, European and Ural North, Arctic transport system, Northern Sea Route.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kiselenko Anatolii Nikolaevich – Doctor of Economics, Doctor of Engineering, Professor, Head of the Laboratory for Transport Issues. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. E-mail: kiselenko@iespn.komisc.ru. Phone: +7(8212) 24-25-93.

Malashchuk Petr Aleksandrovich – Ph.D. in Engineering, Chief Research Associate of the Laboratory for Transport Issues. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. E-mail: translab@iespn.komisc.ru. Phone: +7(8212) 24-25-93.

Sundukov Evgenii Yur'evich – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Chief Research Associate of the Laboratory for Transport Issues. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. E-mail: translab@iespn.komisc.ru. Phone: +7(8212) 24-25-93.

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3

УДК 332.1 | ББК 65.28

© Пыжева Ю.И., Зандер Е.В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ МОНОГОРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹



ПЫЖЕВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА

Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79
E-mail: ystartseva@sfu-kras.ru



ЗАНДЕР ЕВГЕНИЯ ВИКТОРОВНА

Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79
E-mail: ezander@sfu-kras.ru

Несмотря на существование множества определений понятия «устойчивое развитие», принципиальных разногласий в его трактовке нет: развитие может быть устойчивым только в том случае, когда экономический рост не сопровождается усилением проблем в социальной сфере и деградацией окружающей среды. В России насчитывается более 300 поселений, которые признаются моногородами по признаку зависимости их социально-экономического развития от деятельности одного крупного предприятия. Проблемы устойчивого развития российских моногородов имеют особое значение для территорий, расположенных за Уралом, в силу высокой концентрации поселений, обслуживающих крупные промышленные предприятия, и их стратегического значения для реализации целей пространственного развития страны. В статье проведен общий анализ текущего социально-экономического положения моногородов Сибири и Дальнего Востока, проанализированы

Для цитирования Пыжева Ю.И., Зандер Е.В. Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 49–61. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3

For citation: Pyzheva Yu.I., Zander E.V. Socio-economic diversity of single-industry towns in Siberia and the Far East: statistical analysis. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101). pp. 49–61. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00841.

основные показатели их развития, которые определены Распоряжением Правительства № 170-р от 2 февраля 2017 года. Выполнен статистический анализ данных показателей, который продемонстрировал невозможность качественного анализа моногородов по выделенным на законодательном уровне трем категориям в зависимости от рисков ухудшения социально-экономического положения. Показано, что официально утвержденная типизация российских моногородов не описывает все многообразие их социально-экономического положения, поэтому для комплексного анализа устойчивости развития данных поселений требуется создание и обоснование классификации, которая бы учитывала существенные различия в масштабе городов, их отраслевой специализации, инфраструктурной обеспеченности и других особенностях развития экономики, экологии и социальной сферы. Подчеркивается, что такой анализ критически важен для формирования адекватной региональной и муниципальной политики и выбора корректной траектории развития для каждого моногорода.

Моногород, Сибирь, Дальний Восток, устойчивое развитие, социально-экономическое разнообразие, статистический анализ, региональная и муниципальная политика.

Введение

В настоящее время проблемы устойчивости развития территорий продолжают набирать актуальность, поскольку становится очевидным, что бесконтрольный экономический рост, не учитывающий экологические и социальные аспекты, является опасным как для отдельных территориальных образований, так и для человечества в целом.

С точки зрения современной экономической науки, устойчивое развитие определяется как неумещающиеся во времени полезность, благосостояние или потребление на душу населения [1]. За три десятилетия активного развития исследовательской тематики, связанной с устойчивым развитием, предложен целый ряд способов его количественного измерения: система индикаторов устойчивого развития (КУР ООН), Мировые индикаторы развития Всемирного банка, Индекс человеческого развития, Индекс живой планеты и Экологический след Всемирного фонда дикой природы [2]², Индикатор истинного прогресса [3], Истинные сбережения [4] и др.

Несмотря на то что в отечественной литературе накоплено немало исследований устойчивости развития эколого-экономических систем, в них сравнительно редко рас-

сматриваются вопросы развития социальной сферы – одной из трех равноправных составляющих известной триады экологической экономики [5; 6]. Как правило, все подобные исследования обобщены на макроуровне (национальном и региональном), но практически не затрагивают локальных проблем развития небольших территориальных образований [7–13]. Прежде всего, это связано с отсутствием фактической статистики для расчета тех или иных мер устойчивости. Тем не менее анализ на макроуровне всегда дает представление только об общих тенденциях, зачастую не позволяя изучать конкретные насущные социально-экономические проблемы населения территории, которые, как правило, имеют свой специфический генезис и не могут быть решены с помощью универсальных подходов.

Важным исключением в этом смысле является работа С.Н. Бобылева и Б.Н. Порфирьева, в которой сформулирована доктрина устойчивого развития крупных городов и предложен подход к оценке устойчивости на основе концепции экосистемных услуг [14; 15].

Проблемы развития российских городов обсуждаются в цикле работ Е.А. Коломак [16–18]. В частности, с помощью эконометрических моделей показано, что рыночные механизмы развития работали в пользу крупных городов и агломераций, которые нашли конкурентоспособную модель развития, в то время как промышленные города с узкой спе-

² Подробный анализ данных индикаторов содержится, например, в работе: Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели расчета / С. Н. Бобылев [и др.]. М.: Всемирный фонд дикой природы, 2012. 150 с.

циализацией на рынках с сокращающимся спросом теряли население. Обзор исследований по выявлению факторов, определяющих устойчивость городов и их рост, показал, что они имеют технологическую и институциональную природу [17].

Также существует ряд исследований, посвященных анализу различных аспектов развития отдельно взятых российских моногородов [19–31]. Данные работы предоставляют ценный эмпирический материал по данной тематике, но, как правило, не анализируют тенденции и факторы, определяющие развитие самой системы российских моногородов.

Зарубежный опыт исследования проблем моногородов сравнительно невелик. За последние десять лет в ведущих мировых научных базах публикаций накоплены считанные десятки работ по данной тематике, прежде всего дающие описание социально-экономической ситуации в некоторых типичных моногородах Китая [32], Канады [33], Испании [34]. Крайне мало теоретических исследований, которые бы ставили целью выделение общих закономерностей развития моногородов и формирования политики их устойчивого развития [35; 36].

Итак, на сегодняшний день наблюдается определенный недостаток исследований положения моногородов в целом и сгруппированных по географическому признаку в частности. Между тем проблемы устойчивого развития моногородов имеют особое значение именно для территорий, расположенных за Уралом, в силу высокой концентрации поселений, обслуживавших крупные промышленные предприятия в советский период, и их стратегического значения для реализации целей пространственного развития страны. Целью данной статьи является проведение анализа основных социально-экономических показателей моногородов Сибири и Дальнего Востока, а также выявление наиболее острых проблем, возникающих при ана-

лизе моногородов, и способов их преодоления. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на примере моногородов Сибири и Дальнего Востока с помощью статистического анализа показано, что официально утвержденная типизация российских моногородов не описывает все многообразие их социально-экономического положения. Выявлено, что для комплексного анализа устойчивости развития данных поселений требуется создание и обоснование классификации, базирующейся на углубленном изучении отраслевой специализации городов, учитывающей существенные различия в масштабе городов, их инфраструктурной обеспеченности и других особенностях развития экономики, экологии и социальной сферы.

Типизация российских моногородов

В официально утвержденном перечне моногородов их количество составляет 319³. В данном исследовании будут проанализированы только 89 моногородов из указанного перечня, которые находятся на территории регионов Сибири и Дальнего Востока. Выбор именно этих регионов для рассмотрения обусловлен особой значимостью градообразующих предприятий, расположенных за Уралом, в силу их специализации на добыче стратегически важных полезных ископаемых и связанных с ними обрабатывающих производств. Под моногородом понимается территориальное социально-экономическое образование, существенная часть населения которого работает на одном градообразующем предприятии. В соответствии с действующими в Российской Федерации критериями к таким типам муниципальных образований относятся поселения с численностью населения более 3 тыс. человек, в которых не менее 20% трудоспособного населения в течение последних пяти лет осуществляло трудовую деятельность на градообразующем промышленном предприятии⁴. Некоторые моногоро-

³ Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 1398-р «Об утверждении перечня моногородов» (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 18 марта 2019 года № 453-р).

⁴ Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения».

да были включены в указанный перечень до принятия этих критериев, численность их населения составляет менее 3 тыс. человек (в некоторых – даже менее 1 тыс. человек). Кроме того, характерно снижение численности населения в таких городах в результате оттока населения из них (города с минимальной численностью населения преимущественно относятся к 1 категории).

Все моногорода условно разделены на три категории:

- моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением (категория 1);
- моногорода, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения (категория 2);
- моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией (категория 3).

Моногорода 1-й категории представлены муниципальными образованиями, градообразующие предприятия которых перестали вести деятельность, что привело к массовой безработице и эмиграции трудоспособного населения. К моногородам 2-й категории относят поселения, в которых градообразующие предприятия существенно снизили объемы производства или находятся на этапе банкротства или реструктуризации производства. В таком случае текущее социально-экономическое положение населения может быть достаточно устойчивым, но наблюдаются объективные риски перехода города в 1-ю категорию. Моногорода 3-й категории представлены муниципальными образованиями со стабильным социально-экономическим положением населения и устойчивыми перспективами функционирования градообразующего предприятия.

Моногорода Сибири и Дальнего Востока: проблема классификации

Распределение городов Сибири и Дальнего Востока по регионам представлено в *табл. 1*. Также по таблице можно увидеть распределение моногородов по категориям, в зависимости от их социально-экономического положения. Так, наибольшее количество моногородов Сибири и Дальнего Востока

находится в Кемеровской области, что связано с большим количеством угледобывающих шахт и наличием практически около каждой из них отдельного городского поселения или города. Наибольшее количество кемеровских моногородов (11) относится ко второй категории, для которой характерны риски ухудшения ситуации на градообразующем предприятии, и чуть меньше (9) – к первой категории со сложным социально-экономическим положением. Подобная ситуация вызвана массовым закрытием шахт и переходом на технологию открытой добычи угля, которая является более безопасной. Почти одинаковое количество моногородов 1-й и 2-й категории расположено в Иркутской области, Забайкальском и Приморском краях. Но если для моногородов Забайкальского края сложное положение вызвано истощением месторождений редких металлов, то для моногородов Иркутской области – проблемами в совершенно разных отраслях – лесозаготовительной, машиностроительной, угледобывающей, что сразу же указывает на то, что любой сравнительный анализ моногородов, даже находящихся в одной категории по социально-экономическому положению, весьма затруднителен. В Приморском крае моногорода со сложным социально-экономическим положением имеют сходную специализацию (г. Дальнегорск, с. Светлогорье, пос. Ярославский испытывают сложности, связанные с истощением эксплуатируемых месторождений борной, вольфрамовой и флюоритовой руд), а для городов 2-й категории характерна разная специализация практически каждого моногорода (угледобыча, электроэнергетика, промышленные строительные материалы, машиностроение, добыча вольфрамовой руды). В Алтайском крае, республиках Бурятии и Хакасии, Амурской области и Хабаровском крае наблюдаются равномерные количество и структура распределения моногородов по категориям, но высокое многообразие отраслей специализации – машиностроение, химическая, угледобывающая промышленность, транспорт, строительство. Самое большое количество моногородов Сибири и Дальнего Востока 3-й

Таблица 1. Распределение численности моногородов Сибири и Дальнего Востока по субъектам федерации и категориям социально-экономического положения

Субъект РФ	Количество моногородов категории 1	Количество моногородов категории 2	Количество моногородов категории 3	Общее количество моногородов в регионе
Сибирь				
Алтайский край	-	5	-	5
Забайкальский край	5	3	-	8
Иркутская область	3	4	1	8
Кемеровская область	9	11	4	24
Красноярский край	-	2	3	5
Новосибирская область	-	1	1	2
Омская область	-	1	-	1
Республика Бурятия	1	4	1	6
Республика Хакасия	3	3	-	6
Томская область	-	-	1	1
Дальний Восток				
Амурская область	2	2	-	4
Приморский край	3	6	-	9
Республика Саха (Якутия)	-	3	3	6
Хабаровский край	1	1	-	2
Чукотский автономный округ	-	2	-	2
Всего	27	48	14	89
Составлено по: Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 1398-р (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 18 марта 2019 года № 453-р).				

категории со стабильным социально-экономическим положением расположено в трех регионах – Кемеровской области, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия). Относятся ли все стабильные предприятия к какой-то одной успешно функционирующей отрасли? Нет, каждый город имеет свою специализацию. Для Кемеровской области это добыча железной руды, добыча угля, черная и цветная металлургия, для Красноярского края – цветная металлургия, атомная промышленность, лесозаготовительная промышленность, а для Якутии – добыча золота, алмазов и промышленность строительных материалов.

Более подробный анализ проблем функционирования каждой из перечисленных отраслей является темой для отдельного исследования, в рамках же данной статьи попытаемся проанализировать моногорода Сибири и Дальнего Востока в разрезе неко-

торых из 15 показателей, которые включены в официальный мониторинг социально-экономического положения моногородов (далее – мониторинг)⁵. Анализ по обобщенным показателям позволит сделать вывод, возможно ли рассмотрение моногородов по выделенным укрупненным категориям или же необходима более мелкая кластеризация по результатам статистических расчетов. В указанный перечень включены показатели, характеризующие численность постоянного и трудоспособного населения; численность безработных и уровень безработицы, численность работников, предлагаемых к увольнению; среднесписочную численность работников всех организаций города с выделением численности работников градообразующей организации, объем и прирост средств федерального бюджета, направленных на поддержку градообразующей организации, оценку населением

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2017 года № 170-р.

социально-экономического положения муниципального образования, оценку устойчивости градообразующей организации, создание рабочих мест, не связанных с градообразующей организацией, и их прирост в сравнении с предыдущим периодом, а также привлечение инвестиций в основной капитал, в том числе за счет внебюджетных средств, и их прирост в сравнении с предыдущим периодом. Из перечисленных 15 показателей в действительности наблюдаются в разрезе всех моногородов только 5. По некоторым показателям в процессе анализа данных были выявлены очевидные статистические ошибки, допущенные составителями баз данных, а по некоторым (например, «Оценка населением социально-экономического положения муниципального образования») – отсутствует описание методики их расчета, что не позволяет ориентироваться на них при принятии решений. Так, например, в данных по показателю

«Среднесписочная численность работников градообразующих организаций» по многим городам были выявлены несопоставимые значения численности работников в некоторые месяцы, которые сопоставимы с численностью постоянного населения города: в г. Абаза численность работников Абазинского рудника составляла около 620 человек, потом в декабре 2017 года встречается значение 13147 человек, потом снова 620 человек и в марте 2018 снова 13119 человек. При этом численность постоянного населения города на 1 января 2018 года составляла 15335 человек. Из моногородов Сибири и Дальнего Востока федеральная поддержка была оказана только ЗАО «Алейскзернопродукт» им. С.Н. Старовойтова (г. Алейск, Алтайский край) в 2015 и 2016 годах и составила 22,5 млн руб. и 7,3 млн руб. соответственно. По остальным заявленным показателям данные не представлены в открытых источниках информации.

Таблица 2. Базовые описательные статистики основных показателей мониторинга социально-экономического положения моногородов Сибири и Дальнего Востока

Показатель		Категория 1	Категория 2	Категория 3
Численность населения, чел.	среднее	29176,7	32001,3	45781,1
	медиана	15335	24336	14282
	максимум	95160	99025	180239
	минимум	2848	759	2664
Уровень безработицы, %	среднее	1,7	2,0	1,5
	медиана	2	1	1
	максимум	4	8	4
	минимум	1	0	1
Численность работников, предполагаемых к увольнению, чел.	среднее	117,7	43,3	148,4
	медиана	7	13	12
	максимум	1353	733	1302
	минимум	0	0	0
Численность работников градообразующей организации, чел.	среднее	1419,5	2559,1	4712,7
	медиана	1182	1770	2138
	максимум	5406	13795	19485
	минимум	0	0	305
Численность работников всех организаций, чел.	среднее	7862,1	9861,4	17454,77
	медиана	4518	7356	5018
	максимум	41413	38887	89726
	минимум	311	750	956
Рассчитано по: данные Росстата.				

Первый показатель из мониторинга, который может дать общее представление о масштабах рассматриваемых городов, – численность населения (табл. 2). Распределение населения моногородов Сибири и Дальнего Востока по категориям в зависимости от социально-экономической ситуации в них представлено на рис. 1.

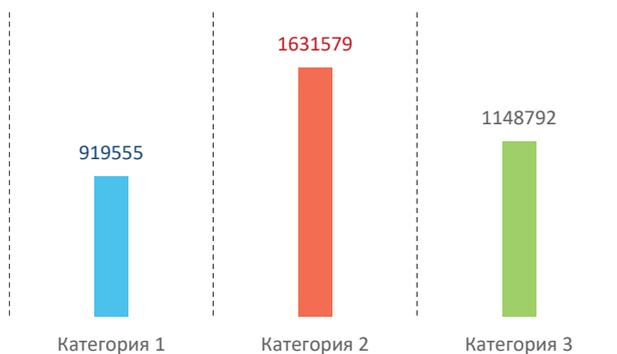


Рис. 1. Распределение численности населения моногородов Сибири и Дальнего Востока по категориям социально-экономического развития, чел.

Составлено по: данные Росстата.

Наибольшее количество человек проживает в моногородах, имеющих риски ухудшения социально-экономической ситуации (категория 2). Это обусловлено, во-первых, количеством городов, отнесенных к этой группе (48), а во-вторых, относительно большим размером каждого города. В среднем в городе 2-й категории проживает 32001,3 чел. (см. табл. 2). Примерно половина населения моногородов 3-й категории (553 тыс. чел.) проживает в г. Новокузнецке (Кемеровская область) – самом крупном моногороде Сибири и Дальнего Востока. Поэтому при расчете средней численности населения города 3-й категории мы исключили его из расчетов, и в этом случае она составила 45781,1 чел.

На рис. 2 показано распределение численности населения моногородов в разрезе регионов и отмечен удельный вес населения моногородов в общей численности населения региона. Очевиден огромный отрыв Кемеровской области от остальных: в моногородах проживает около 1,7 млн человек, что составляет 63,6% всего постоян-

ного населения региона. Далее можно выделить Иркутскую область и Красноярский край: численность населения моногородов в каждом из регионов составляет около 400 тыс. человек, или 15% населения регионов. Моногорода, расположенные в других регионах Сибири и Дальнего Востока, имеют совокупную численность не более 100 тыс. человек в каждом из регионов, но при этом очень разный удельный вес по отношению к общей численности населения регионов – от 0,3% в Омской области до 31,9% в Республике Хакасии (см. рис. 1).

Второй основной показатель, входящий в мониторинг и характеризующий социально-экономическую ситуацию в моногородах, – уровень безработицы. Интересно отметить, что при среднероссийском уровне безработицы 5% уровень безработицы в моногородах в среднем не превышает 2%. Тем не менее присутствуют значения, выходящие за пределы среднего: г. Саянск (Иркутская обл.) – 8,4%, г. Ленинск-Кузнецкий – 7,9% (Кемеровская обл.), пгт Беринговский (Чукотский АО) – 6%, пгт Березовский (Кемеровская область) – 4,7%, г. Железнодорожск-Илимский (Иркутская обл.) – 4,3%. В г. Новокузнецке уровень безработицы составляет 3,5%, что тоже ниже среднероссийского уровня. Поскольку уровень безработицы не имеет выраженной вариации в зависимости от региона, но может быть довольно изменчив в зависимости от периода рассмотрения, ориентироваться на него при принятии решения о выделении более мелких групп городов, по всей видимости, нецелесообразно.

Показатели численности работников всех организаций региона, работников градообразующей организации и работников, предполагаемых к увольнению, более информативно будет рассматривать в сравнении друг с другом. Показатель «Численность работников, предполагаемых к увольнению», очевидно, очень сильно связан с общей численностью работников. Более детальный анализ по городам показывает, что в моногородах 1-й категории все увольнения, которые показаны на рис. 3 как «выбро-

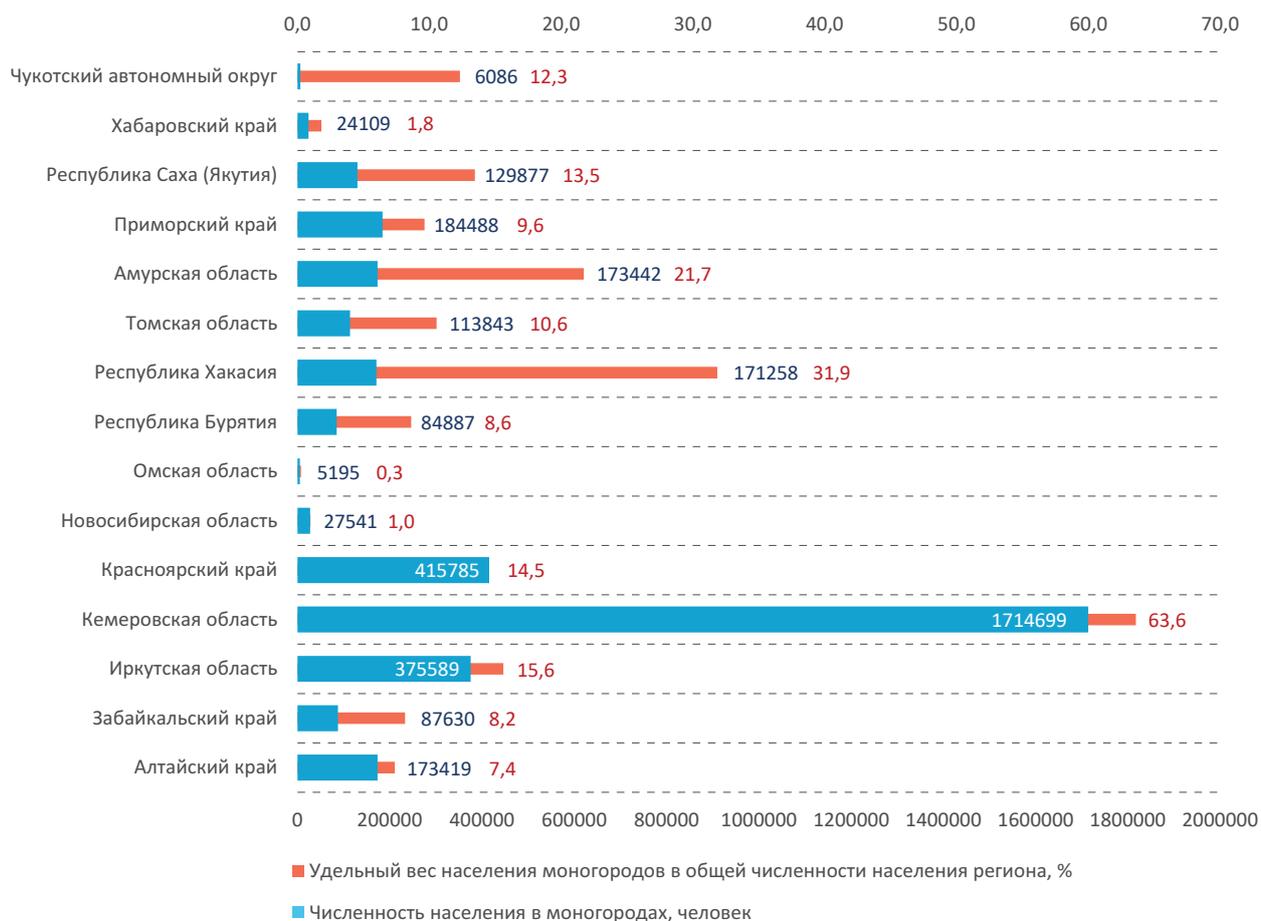


Рис. 2. Распределение численности населения моногородов по регионам Сибири и Дальнего Востока
 Рассчитано по: данные Росстата.

сы», были произведены в городах Гурьевске и Прокопьевске Кемеровской области и в г. Абаза Республики Хакасии. Интересно отметить, что, например, для г. Прокопьевска численность работников градообразующей организации составляет всего лишь 3% от численности работников всех организаций. Поэтому невозможно точно сказать, что указанные сокращения были проведены именно на градообразующем предприятии, вполне возможно, что небольшие сокращения на нескольких предприятиях города в итоге дали такой эффект. В целом было выявлено, что в среднем по каждой категории удельный вес численности работников градообразующей организации в общей численности работников всех организаций города составляет 28–33%. При этом в каждой категории присутствуют города, для которых указанный удельный вес составляет всего лишь 3–4%, как, например, в г. Новопаплов-

ске (Забайкальский край) и в г. Прокопьевске (Кемеровская область), относящихся к 1-й категории. В группе моногородов 2-й категории 14 городов (например, пгт Липовцы (Приморский край), г. Кокуй (Забайкальский край), г. Мариинск (Кемеровская область) и др.) имеют удельный вес градообразующего предприятия в численности работников всех организаций города менее 15%, хотя, безусловно, присутствуют и города, в которых данный показатель составляет 50–70% (например, пгт Степное Озеро (Алтайский край), пгт Красный Яр (Омская область), п. Саган-Нур (Республика Бурятия) и др.). В 3-й категории моногородов тоже присутствуют города с очень невысокой долей работников градообразующих предприятий. К ним относятся г. Закаменск (Республика Бурятия) – 9,5%, г. Новокузнецк (Кемеровская область) – 10%, г. Северск (Томская область) – 12%, г. Шелехов (Иркутская область) – 14%.

В г. Норильске, г. Лесосибирске (Красноярский край) и пгт Шерегеш (Кемеровская область) указанный показатель составляет 20–25%, в остальных городах, входящих в 3-ю категорию, – 40–60%.

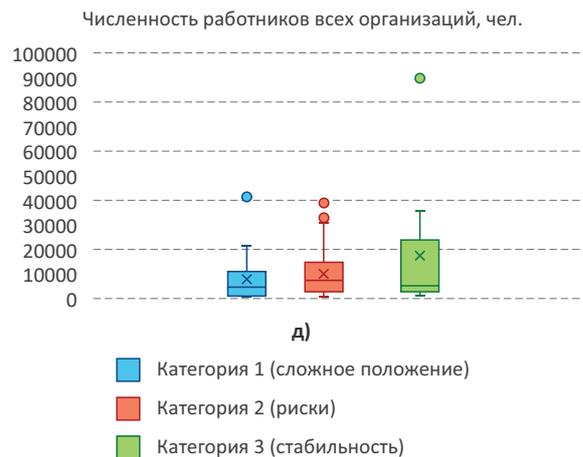
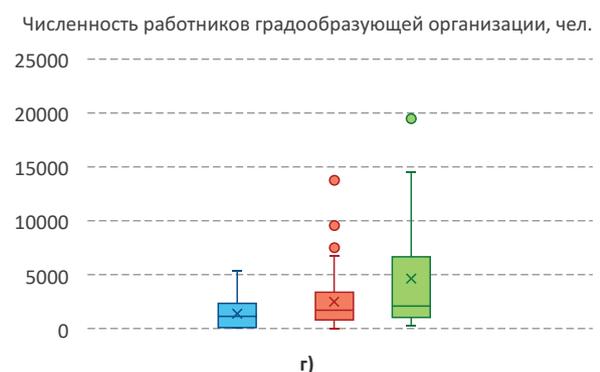
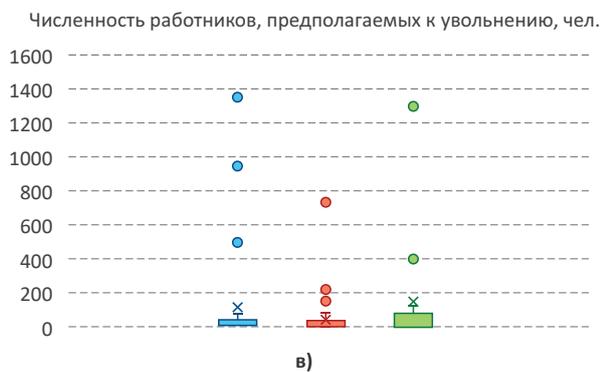
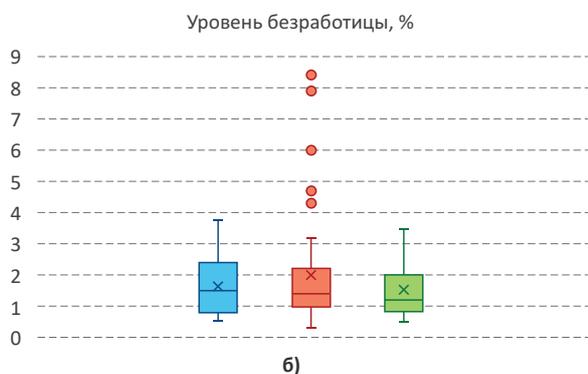
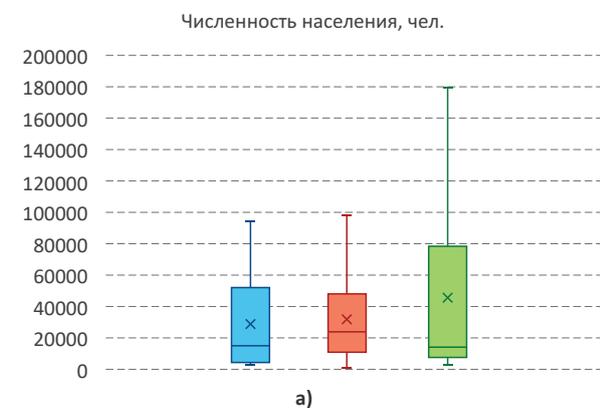


Рис. 3. Диаграммы размаха некоторых социально-экономических показателей моногородов Сибири и Дальнего Востока
Рассчитано по: данные Росстата.

Из проведенного статистического анализа выделенных пяти показателей мониторинга следует вывод о том, что в одну категорию по социально-экономическому развитию объединяются города, которые существенно отличаются и по масштабам, и по отраслевой принадлежности, имеют абсолютно разные тенденции и перспективы развития, и их невозможно анализировать, не выделяя более мелких групп. На основании значений статистических характеристик, представленных в табл. 2, был сделан вывод о том, что абсолютные показатели, вошедшие в мониторинг, не приемлемы для исследования, это подчеркивает необходимость введения относительных показателей, которые будут нивелировать масштабы городов. Полученные авторами результаты и выводы могут быть использованы представителями органов власти субъектов федерации для дополнения действующей системы мониторинга социально-экономического положения моногородов.

Заключение

Из результатов проведенного исследования видно, что для формирования адекватной региональной и муниципальной политики для моногорода недостаточно учитывать только риски ухудшения социально-экономического положения поселений, не-

обходимо хотя бы принимать во внимание масштаб этих поселений. Кроме того, среди моногородов Сибири и Дальнего Востока есть города, которые расположены на крупных железнодорожных или автомобильных транспортных магистралях, а есть очень отдаленные небольшие поселки, труднодоступность которых является барьером для расширения сфер деятельности в них. На наш взгляд, ключевым фактором, на который необходимо опираться при выделении групп городов для исследования или формирования предложений по улучшению ситуации в них, является отраслевая специфика городов. Даже если города приблизительно похожи по численности населения и обеспеченности транспортной инфраструктурой, но базовой отраслью в одном из них является добывающая промышленность, а в другом,

например, машиностроение или химическое производство, как можно предлагать для них одинаковые меры по преодолению сложной экономической ситуации? Таким образом, данная статья открывает цикл работ авторов, которые будут посвящены количественной оценке устойчивости развития моногородов Сибири и Дальнего Востока. Для комплексного анализа устойчивости развития данных поселений требуется создание и обоснование классификации, которая бы учитывала существенные различия в масштабе городов, их отраслевой специализации, инфраструктурной обеспеченности и других особенностях развития экономики, экологии и социальной сферы. Такой анализ критически важен для выбора корректной траектории развития для каждого моногорода и повышения качества жизни населения в моногородах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arrow K.J., Dasgupta P., Goulder L.H., Mumford K.J., Oleson K. Sustainability and the measurement of wealth. *Environment and Development Economics*, 2002, no. 17 (03), pp. 317–353.
2. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели расчета / С. Н. Бобылев [и др.]. М.: Всемирный фонд дикой природы, 2012. 150 с.
3. Cobb C., Halstead T., Rowe J. *If the GDP is up, why is America down?* *The Atlantic Online*, 1995. Available at: <https://www.theatlantic.com/past/docs/politics/ecbig/gdp.htm>
4. Pearce D.W., Atkinson G.D. Capital theory and the measurement of sustainable development: An indicator of «weak» sustainability. *Ecological Economics*, 1993, no. 8, pp. 103–108.
5. Hecht A.D. The Triad of Sustainable Development: Promoting Sustainable Development in Developing Countries. *Journal of Environment & Development*, 1999, vol. 8, no. 2, pp. 111–132.
6. Бобылев С.Н., Тикуннов В.С., Черешня О.Ю. Оценки социального развития регионов Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5 «География». 2017. № 1. С. 3–12.
7. Пыжев А.И., Пыжева Ю.И. Оценка регионального социо-эколого-экономического благополучия Красноярского края: новый подход // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 34 (409). С. 30–40.
8. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Экономическое развитие и негативное воздействие на окружающую среду в регионах трансграничного взаимодействия // ЭКО. 2016. № 8 (506). С. 67–82.
9. Сырцова Е.А., Пыжев А.И., Зандер Е.В. Истинные сбережения регионов Сибири: новые оценки, старые проблемы // ЭКО. 2016. № 6 (504). С. 109–129.
10. Потравный И.М., Генгут И.Б., Новоселов А.Л. Формализация общей модели зеленой экономики на региональном уровне // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 2. С. 438–450. DOI: 10.17059/2016-2-10
11. Локосов В.В. Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 32–42.

12. Рюмина Е.В. Экологически скорректированный ВВП: сферы использования и проблемы оценки // Экономика региона. 2013. № 4 (36). С. 107–115.
13. Glazyrina I.P., Zabelina I.A. Spatial heterogeneity of Russia in the light of the concept of a green economy: the social context. *Geography and Natural Resources*, 2018, vol. 39, no. 2, pp. 103–110. DOI: 10.1134/S1875372818020026
14. Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьева С.В. Индикаторы устойчивого развития для городов // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 101–110.
15. Бобылев С.Н., Порфирьев Б.Н. Устойчивое развитие крупнейших городов и мегаполисов: фактор экосистемных услуг // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6 «Экономика». 2016. № 6. С. 3–21.
16. Коломак Е.А. Развитие городской системы Сибири в постсоветский период: прогнозы и реальность // ЭКО. 2018. № 7 (529). С. 57–66.
17. Коломак Е.А. Городская система современной России. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. 144 с.
18. Коломак Е.А. Почему возникают и растут города? Объяснения теоретических и эмпирических исследований // Пространственная экономика. 2018. № 2. С. 134–153. DOI: 10.14530/se.2018.2.134-153
19. Гончаров А.Ю. Модернизация экономической системы моногорода // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 16. С. 58–60.
20. Желнина Е.В. Ресурсы предприятий в решении социокультурных и экономических проблем моногорода // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер. «Социально-экономические науки». 2011. Т. 11. № 1. С. 125–128.
21. Пыжев А.И., Сырцова Е.А., Гордеев Р.В. Устойчивость развития моногородов: новое измерение // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Сер. «Политические, социологические и экономические науки». 2018. № 3. С. 157–161. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-157-161
22. Пыткин А.Н., Загоруйко И.Ю. Как сделать устойчивыми моногорода? Постановка проблемы моногородов: поиск решений научным сообществом // Российское предпринимательство. 2010. № 4-2. С. 132–137.
23. Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1
24. Моногород: управление развитием / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 220 с.
25. Antonov E.V. Demographic and economic asymmetry of urban development in the Urals, Siberia, and the Far East in 1991–2014. *Regional Research of Russia*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 16–33.
26. Kovalevskiy E.V., Schonfeld S.J., Feletto E., Moissonnier M., Kashanskiy S.V., Bukhtiyarov I.V., Schüz J. Comparison of mortality in Asbest city and the Sverdlovsk region in the Russian Federation: 1997–2010. *Environmental Health*, 2016, March 1. DOI: 10.1186/s12940-016-0125-0
27. Zamyatina N., Pilyasov A. Single-industry towns of Russia: lock-in and drivers of innovative search. *Foresight and STI Governance*, 2016, vol. 10, no 3, pp. 53–64. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.53.64
28. Zemlyanskii D.Yu. Single-Industry Towns in Russia. *Regional Research of Russia*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 99–102. DOI: 10.1134/S2079970511010035
29. Zhikharevich B.S., Rusetskaya O.V. Fluctuations in the socioeconomic development of Russian cities: Methodology and results of calculating the rank vector of dynamics. *Regional Research of Russia*, 2015, vol. 5, no. 1, pp. 37–44.
30. Oborin M. S., Ivanova S. A., Vigushina Y. P. The study of standard of living in small towns of the Russian Federation // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2017. № 6 (74). С. 31–49.

31. Lazhentsev V.N. The Russian North: Economic and Geographic Aspects of Development. *Studies on Russian Economic Development*, 2018, vol. 29, no. 5, pp. 481–489. DOI: 10.1134/S107570071805009X
32. Hu X., Hassink R. New perspectives on restructuring of old industrial areas in China: A critical review and research agenda. *Chinese Geographical Science*, 2017, vol. 27, iss. 1, pp. 110–122. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11769-015-0784-8>. DOI: 10.1007/s11769-015-0784-8
33. Jackson T., Illsley B. Tumbler Ridge, British Columbia: the mining town that refused to die. *Journal of Transatlantic Studies*, 2006, no. 4 (2), pp. 163–186.
34. Alañon-Pardo A., Walsh P.J., Myro R. Do neighboring municipalities matter in industrial location decisions? Empirical evidence from Spain. *Empirical Economics*, 2018, vol. 55, iss. 3, pp. 1145–1179. Available at: https://www.researchgate.net/publication/318460123_Do_neighboring_municipalities_matter_in_industrial_location_decisions_Empirical_evidence_from_Spain. DOI: 10.1007/s00181-017-1307-5
35. Brulhart M., Sbergami F. Agglomeration and growth: cross-country evidence. *Journal of Urban Economics*, 2009, vol. 65, pp. 48–53.
36. Mingaleva Z., Sheresheva M., Oborin M., Gvarliani T. Networking of small cities to gain sustainability. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 140–156. DOI: 10.9770/jesi.2017.5.1(12)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пыжжева Юлия Ивановна – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории экономики природных ресурсов и окружающей среды. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет». Россия, 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79. E-mail: ystartseva@sfu-kras.ru. Тел.: +7(391) 206-20-85.

Зандер Евгения Викторовна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономического планирования. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет». Россия, 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79. E-mail: ezander@sfu-kras.ru. Тел.: +7(391) 206-20-85.

Pyzheva Yu.I., Zander E.V.

SOCIO-ECONOMIC DIVERSITY OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN SIBERIA AND THE FAR EAST: STATISTICAL ANALYSIS

Despite the existence of many definitions of the concept “sustainable development”, there is no fundamental disagreement in its interpretation: development can be sustainable only when economic growth is not accompanied by increased social problems and environmental degradation. In Russia there are more than 300 settlements, which are recognized as single-industry towns on the basis of their dependence on socio-economic development of one large enterprise. The problems of sustainable development of Russian single-industry towns are of particular significance for the territories located beyond the Urals, due to high concentration of settlements serving large industrial enterprises, and their strategic importance for implementation of the country’s spatial

development goals. The article provides a general analysis of the current socio-economic situation of single-industry towns in Siberia and the Far East, analyzes key indicators of their development, which are defined by the Government Decree No. 170-p as of February 2, 2017. The conducted statistical analysis of these indicators demonstrates the impossibility of qualitative analysis of single-industry towns by 3 categories identified at the legislative level, depending on risks of socio-economic situation deterioration. The paper shows that the officially approved typification of Russian single-industry towns does not describe the diversity of their socio-economic situation; so, a comprehensive analysis of settlement sustainability requires creation and justification of the classification that takes into account significant differences in the scale of cities, their sectoral specialization, infrastructure security and other features of the economic, ecological and social spheres. It emphasizes that such an analysis is critical for formation of an adequate regional and municipal policy and choice of the correct development trajectory for each single-industry town.

Single-industry town, Siberia, Far East, sustainable development, socio-economic diversity, statistical analysis, regional and municipal policy.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pyzheva Yuliya Ivanovna – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Research Associate of the Laboratory for Economics of Natural Resources and Environment. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Siberian Federal University”. 79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. E-mail: ystartseva@sfu-kras.ru. Phone: +7(391) 206-20-85.

Zander Evgeniya Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department for Social and Economic Planning Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Siberian Federal University”. 79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. E-mail: ezander@sfu-kras.ru. Phone: +7(391) 206-20-85.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.4

УДК 314.4(470-17+571-17) | ББК 60.7:63.59(2Рос+2Рос.Ком)

© Попова Л.А.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ: РЕЗЕРВЫ ПРОДЛЕНИЯ ПОЗИТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ¹



ПОПОВА ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: popova@iespn.komisc.ru

Масштабность поставленной цели по достижению продолжительности жизни российского населения 80+, значительное отставание России от уровня развитых стран и существенная региональная дифференциация определяют актуальность темы. Объектом исследования является Республика Коми, целью – выявление особенностей уровня и факторов ожидаемой продолжительности жизни населения региона, обоснование резервов и механизмов ее дальнейшего роста. Рассмотрена динамика продолжительности жизни населения Республики Коми, ее гендерных и межпоселенческих различий, структуры смертности по причинам. Тенденции продолжительности жизни в республике повторяют общероссийские. Показатель традиционно ниже среднего по стране, но в периоды его роста различия сокращаются, в неблагоприятные периоды – нарастают. Большая гибкость динамики во многом определяется структурой смертности по причинам, которая отличается повышенной долей внешних причин и экзогенных заболеваний, характерной для преждевременной и предотвратимой смертности. Внешние причины опустились в Коми на третье место лишь в 2011 году и по-прежнему являются заметным резервом повышения продолжительности жизни. Параллельно с ростом произошло сокращение разницы между женским и мужским показателями, однако она остается заметно более высокой, чем по

Для цитирования Попова Л.А. Продолжительность жизни населения Республики Коми: резервы продления позитивных тенденций // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 62–75. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.4

For citation: Popova L.A. Life expectancy of Komi Republic population: reserves for positive trends renewal. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 62–75. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.4

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80 плюс».

России. Уменьшение гендерной дифференциации до приемлемого для развитых стран уровня, в основе которого лежат благоприятный образ жизни и жизнесохранительное поведение, – еще один резерв дальнейшего увеличения продолжительности жизни. Значительным резервом является снижение различий в уровне городского и сельского показателей. Рост продолжительности жизни в Коми произошел исключительно за счет городского населения. В основе преодоления отставания сельского показателя лежат повышение уровня и качества жизни сельского населения и, прежде всего, обеспечение права сельских жителей на труд, приносящий достойный доход. В условиях ускорения старения населения возможности дальнейшего увеличения продолжительности жизни все сильнее определяются состоянием здоровья населения старших возрастов и активным долголетием, которым будут способствовать развитие специализированной медицины и устранение возрастной дискриминации на рынке труда. Раскрыты основные положения региональной стратегии развития здравоохранения. Обоснованы механизмы продления позитивных тенденций продолжительности жизни.

Продолжительность жизни населения, гендерная разница, межпоселенческие различия, причины смерти, социально-демографическая политика, Республика Коми.

Ожидаемая продолжительность жизни – важная характеристика не только развития населения, но и прогресса общества в целом. Ее уровень является объективным признаком социально-экономического и культурного благополучия страны. В 2007 году в Концепции демографической политики Российской Федерации была поставлена цель достичь к 2015 году продолжительности жизни российского населения 70 лет, к 2025 году – 75 лет². Уровень в 70 лет до этого в России уже наблюдался, т. е. это была вполне реальная задача, достигнутая досрочно в 2012 году. Целевой показатель в 75 лет исследователями расценивался как весьма смелый, амбициозный, требующий значительных усилий государства, общества, системы здравоохранения и самого населения. В федеральном президентском послании 2018 года прозвучала еще более серьезная задача войти к концу 2020-х годов в клуб стран «80 плюс»³. 7 мая 2018 года Президент России подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Рос-

сийской Федерации на период до 2024 года», в котором в качестве одной из первоочередных национальных целей развития страны намечено достижение к 2024 году ожидаемой продолжительности жизни населения 78 лет, к 2030 году – 80 лет⁴.

В 2000-е годы в России достигнуты очень значительные успехи в снижении смертности и росте ожидаемой продолжительности жизни населения. В 2017 году уровень продолжительности жизни достиг 72,7 лет. У мужчин показатель составил 67,5, у женщин 77,6 лет⁵. Это максимальные значения за всю историю страны. По сравнению с 2003 годом показатель для всего населения увеличился на 7,9 года, мужской показатель – на 9,0 лет, женский – на 5,8 года. Предыдущие рекорды, ранее наблюдавшиеся в РСФСР в 1986–1987 гг., составляли 70,1 лет для обоих полов, 64,9 для мужчин и 74,6 лет для женщин [1, с. 42]. По женскому показателю рекорд был перекрыт еще в 2009 году, по показателю для всего населения – в 2012 году, по мужскому – в 2013 году.

² Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=041941> (дата обращения 22.01.2019).

³ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 года. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1182611/#ixzz5ANQIWe77> (дата обращения 22.01.2019).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (дата обращения 22.01.2019).

⁵ Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 22.01.2019).

Однако Россия пока не относится даже к первой сотне стран мира по ожидаемой продолжительности жизни населения, хотя и выше среднего уровня. В 2016 году средняя по 183 странам с населением более 100 тыс. человек величина продолжительности жизни, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), оценивается в 67,2 года для обоих полов, 65,0 лет для мужчин и 69,5 года для женщин [2]. В России в указанном году продолжительность жизни составила 71,9 года, 66,5 лет среди мужчин и 77,1 лет среди женщин, что соответствует 103 месту в рейтинге стран, между КНДР и Ливией. Продолжительность жизни российских мужчин на 125 месте, женщин – на 85. Следует отметить, что это на несколько позиций лучше, чем в 2015 году, когда российские мужчины были на 128, женщины на 90 месте. На первом месте в 2016 году Япония с ожидаемой продолжительностью жизни населения 84,2 года (81,1 года у мужчин, 87,1 года у женщин). В Японии же наблюдается максимальный показатель среди женщин. Максимум мужской продолжительности жизни – в Швейцарии (81,2 года). В первую десятку в 2016 году входят также Испания, Австралия, Сингапур, Франция, Италия, Канада, Южная Корея и Норвегия, в которых продолжительность жизни превышает 82,5 года [2]. Отставание России от мировых лидеров составляет свыше 12 лет, по мужскому показателю 15–16 лет, по женскому – более 10. Грандиозность поставленных в майском указе целей обуславливает актуальность исследования возможностей дальнейшего повышения продолжительности жизни российского населения, которые складываются из реализации резервов роста показателя в каждом регионе страны.

Общероссийский показатель продолжительности жизни варьирует в 2017 году от 66 лет в Республике Тыва и Чукотском автономном округе до почти 82 лет в Ингушетии. Т. е. в России имеются огромные региональные резервы продления растущего тренда показателя за счет подтягивания отстающих территорий к регионам-лидерам, что актуа-

лизирует проведение региональных исследований в области здоровья и смертности населения. Чаще всего такие исследования проводятся на уровне отдельных субъектов федерации [3–8] или групп регионов, объединенных территориальным [9–12] или климатическим признаком [13–16], реже на муниципальном уровне [17]. Цель данной статьи – выявление особенностей уровня и факторов продолжительности жизни населения Республики Коми, обоснование резервов и механизмов ее дальнейшего роста. Систематизация и анализ показателей и факторов ожидаемой продолжительности жизни в республике, формулировка резервов роста и оценка возможностей их реализации составляют научную новизну.

Республика Коми традиционно характеризуется продолжительностью жизни населения ниже среднего по стране (рис. 1). В периоды улучшения ситуации со смертностью разница с общероссийским уровнем, как правило, уменьшается – в отдельные годы (1990, 1999 гг.) она сокращалась до года. За 2003–2013 гг. также произошло снижение отставания республиканского показателя с 3,3 до 1,5 лет. Однако после этого в течение трех лет разрыв увеличивался – до 2,4 лет в 2016 году, в 2017 году вновь сократившись до 1,6 лет⁶. Аналогична динамика отличий мужского и женского показателей от средних по стране уровней. Разница мужской продолжительности жизни с общероссийским уровнем уменьшилась в Коми с 3,0 лет в 2003 году до 1,9 в 2013 году, к 2016 году увеличилась до 2,9 лет, в 2017 году зафиксировано снижение до 2,2 года. По женскому показателю разрыв уменьшился за 2003–2013 гг. с 3,2 до 0,9 лет, к 2016 году возрос до 1,8 лет, в 2017 году составляет 1,0 год. Т. е. в 2014–2016 гг. для Республики Коми было характерно значительное сокращение темпов роста продолжительности жизни населения, однако показатель продолжал увеличиваться, поэтому здесь также уже к 2016 году были превышены исторические максимумы. По всему населению уровень 1989 года (официальный максимум конца 1980-х годов в регионе) был

⁶ Демографический ежегодник Республики Коми. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018.

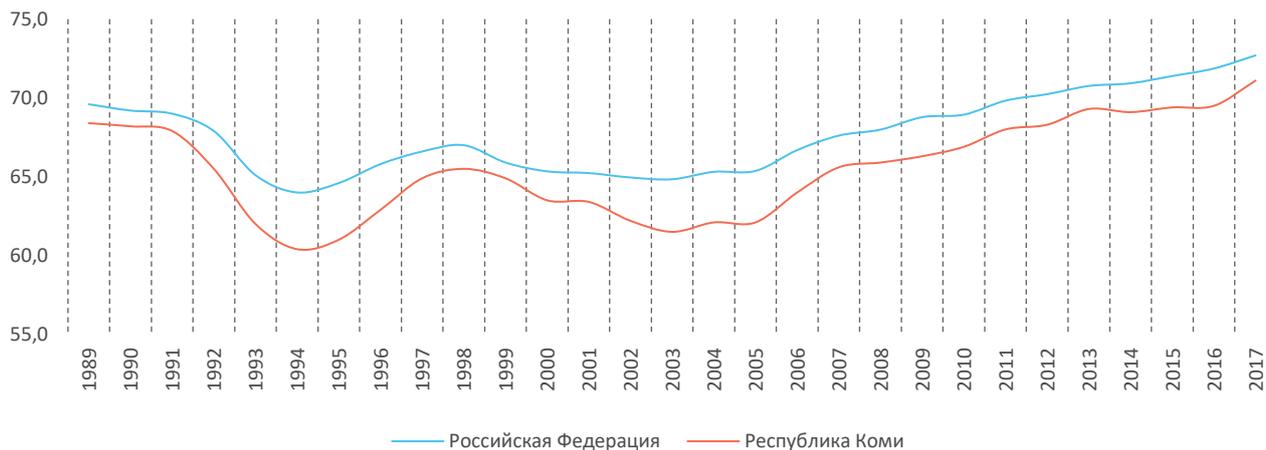


Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации и Республики Коми в 1989–2017 гг., лет

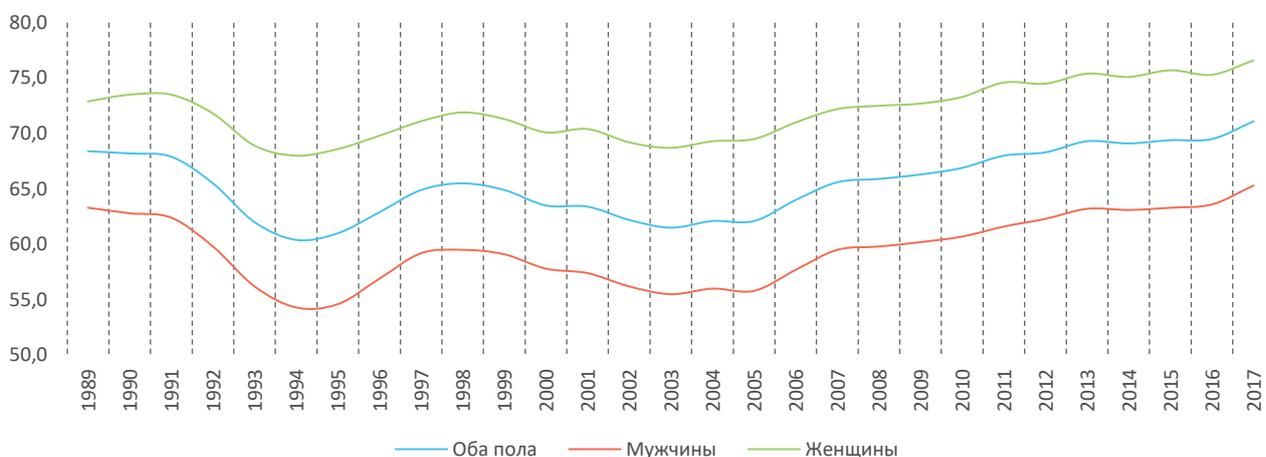


Рис. 2. Динамика ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин Республики Коми в 1989–2017 гг., лет

перекрыт в 2013 году. По мужскому показателю уровень 1989 года был достигнут в 2015 году, а в 2016 году превышен. Максимальные значения женского показателя, которые ранее отмечались в Коми в 1990–1991 гг., были превышены еще в 2011 году. Как было показано ранее, в 2017 году в республике зафиксирован весьма значительный прирост продолжительности жизни. В результате ожидаемая продолжительность жизни населения Республики Коми, которая ранее никогда не достигала 70 лет, в 2017 году превысила 70 лет, в 2017 году превысила 71 год. У мужчин показатель достиг 65,3 года, у женщин – 76,6 лет. В целом за 2003–2017 гг. увеличение составило 9,6 года по показателю для всего населения, 9,8 лет для мужского, 7,9 – для женского.

На фоне роста продолжительности жизни сократилась на 2,4 года неоправданно большая разница между уровнями женского и мужского показателей: с 13,7 лет в 2005 году до 11,3 в 2017 году (рис. 2). Тем не менее она остается в регионе очень значительной, выше, чем по России в целом, где за 2005–2017 гг. произошло более существенное (на 3,5 года) уменьшение гендерного разрыва: с 13,6 до 10,1 года. В конце 1980-х годов межполовые различия не превышали в Республике Коми 10 лет. В условиях кризиса смертности населения, развернувшегося в начале социально-экономических реформ 1990-х годов, они достигли 14,0 лет в 1995 году. Последовавший затем кратковременный период роста продолжительности жизни населения сопро-

вождался сокращением гендерной разницы до 11,9 лет в 1997 году. Дальнейшее ухудшение ситуации в области смертности привело к увеличению женского превышения продолжительности жизни до 13,7 лет в 2005 году. Улучшению последних лет вновь сопутствовало уменьшение межполовой разницы. Т. е. женская смертность является более стабильной, мужская – более гибкой, подверженной как негативным, так и позитивным тенденциям.

Как известно, превышение женской продолжительности жизни на 3–4 года обусловлено медико-генетическими факторами [18, с. 124]. В развитых странах разница увеличивается за счет снижения женской смертности в условиях гендерного равенства и охвата большинства женщин регулярным медицинским контролем и обслуживанием и составляет от 5 до 8 лет [19, с. 88]. Превышение сверх этого детерминируется исключительно различиями в образе жизни мужчин и женщин, который признается основным фактором, определяющим здоровье человека. По оценке ВОЗ, здоровье человека на 20% зависит от условий окружающей среды, на 10% от уровня развития медицинской помощи, на 20% обуславливается наследственной предрасположенностью к болезням и на 50% – образом жизни человека. Гендерные различия в образе жизни заключаются не только в более частом распространении среди мужчин злоупотребления алкоголем и других вредных привычек, но и в существенных особенностях в профессиональном выборе в совокупности с разницей в условиях труда «женских» и «мужских» профессий, в более распространенных в мужском стиле поведения опасных для жизни и здоровья ситуаций, в большей склонности мужчин к риску, в отличающихся у мужчин и женщин способах преодоления эмоционального напряжения и стрессовых ситуаций, в разном отношении к своему здоровью и многом другом. Для сокращения межполовых различий в продолжительности жизни необходимо прежде всего усилить внимание семьи, учреждений образования и всего общества к формированию у мальчиков в детском и

подростковом возрасте понимания ценности здоровья и сознательного отношения к нему. Уменьшение гендерной дифференциации продолжительности жизни населения до приемлемого для развитых стран уровня, подтягивание мужского показателя к уровню женского, в основе которого лежат благоприятный образ жизни и жизнесохранительное поведение, относятся к резервам дальнейшего увеличения продолжительности жизни в Республике Коми и в стране в целом.

Значимым резервом является снижение, а в идеале полное устранение, различий в уровне продолжительности жизни городского и сельского населения. В условиях повышения последних лет городской показатель продолжительности жизни достиг в Республике Коми 72,1 года, сельский – 67,4 (рис. 3). Т. е. разница между городом и селом в 2017 году составляет в регионе 4,7 года. По сравнению с 2003 годом она даже увеличилась, а в отдельные годы современного периода роста продолжительности жизни составляла 5,3–6,2 года. Иными словами, увеличение ожидаемой продолжительности жизни происходило в Республике Коми прежде всего за счет городского населения. По стране в целом за период 2003–2017 гг. сколько-нибудь заметного сближения между городом и селом также не произошло: в 2003 году разница составляла 2,0 года, в 2017 году – 1,8 года. Однако, как видим, она существенно меньше, чем в Коми.

При этом следует подчеркнуть, что даже в кризисные 1990-е годы ни в России, ни в Республике Коми не было такой значительной межпоселенческой дифференциации показателя продолжительности жизни населения, как в последние 15 лет. А в начале 1990-х годов различия между городом и селом были меньше года. Увеличение отставания сельского показателя обусловлено низкими доходами, неблагоприятными жизненными условиями, высокой безработицей сельского населения, недостаточной доступностью высококвалифицированной медицинской помощи. В 1989 году совокупный доход на сельскую семью составлял в Коми 82,5% к

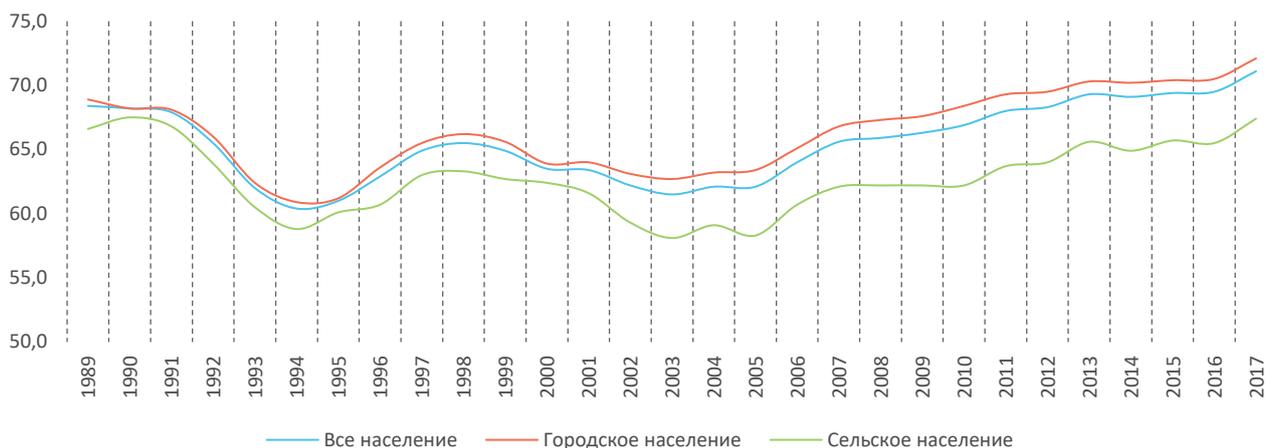


Рис. 3. Динамика ожидаемой продолжительности жизни городского и сельского населения Республики Коми в 1989–2017 гг., лет

уровню городской семьи, среднедушевой совокупный доход сельского жителя к уровню горожанина – 72,4%, средняя заработная плата работников сельского хозяйства по отношению к средней по региону – 80%. В первом полугодии 2016 года среднемесячная номинальная начисленная зарплата в среднем по экономике республики достигла 41,3 тыс. руб., а работников организаций сельского хозяйства – 20,3 тыс. Оплата труда в сельском хозяйстве в два раза ниже уровня в среднем по региону и в 3,5 раза ниже, чем в отраслях по добыче полезных ископаемых. Несмотря на рост последних лет, она составляет лишь порядка 2,2 прожиточного минимума трудоспособного населения. Экономически низкая и социально несправедливая оплата труда не обеспечивает сельскому населению социально приемлемый уровень доходов и решение жилищных проблем [20, с. 20–21].

Но главный бич сельской экономики северного региона – нехватка рабочих мест и несбалансированность рынка труда, высокий уровень регистрируемой безработицы и еще более значительный – незарегистрированной. При этом сельское население слабо ориентировано на предпринимательскую деятельность. Основные причины – недостаток денежных средств, усиление внешней конкуренции, нехватка квалифицированных работников. В результате банкротства и закрытия организаций часть населения переходит в неформальный сектор: произ-

водство продукции в личных подсобных хозяйствах на продажу, сбор ягод, грибов, ловля рыбы на продажу, промысловая охота, ремонт обуви, бытовой техники, шитье и ремонт одежды, автоперевозки, транспортировка грузов, прочие услуги. Во многих случаях доходы, получаемые от деятельности в неформальном секторе, не могут быть достойной заменой зарплаты [20, с. 21–22]. Таким образом, в основе преодоления отставания сельского показателя продолжительности жизни лежат повышение уровня и качества жизни сельского населения и, прежде всего, обеспечение права сельских жителей на труд, приносящий достойный доход.

Обеспечение права на труд граждан предпенсионных и пенсионных возрастов, устранение возрастной дискриминации на рынке труда будут способствовать увеличению продолжительности активной жизни и росту продолжительности предстоящей жизни населения старших возрастов, без которого невозможно достичь уровня «80 плюс». Безусловно, дальнейший рост продолжительности жизни российского населения во многом определяется снижением преждевременной и предотвратимой смертности, т. е. смертности населения трудоспособного возраста от внешних причин и болезней сердечно-сосудистой системы, связанных с неблагоприятным образом жизни. Но в условиях ускорения постарения населения и приближения России к модели

демографического старения, характерной для развитых стран, при которой население в большей мере стареет «сверху», при наблюдающемся с 2005 года увеличении абсолютной численности населения старше трудоспособного возраста и достижении этой возрастной группой четвертой части населения все более значительную роль для повышения продолжительности жизни начинает играть сокращение смертности в старших возрастах, определяемое сохранением здоровья, которое, в свою очередь, неразрывно связано с продлением продолжительности полноценной, активной жизни населения. По мнению геронтологов, главная задача стареющего общества – мотивация активного долголетия населения. Это еще один резерв продления позитивной тенденции продолжительности жизни.

Достижение «80 плюс» невозможно и без дальнейшего совершенствования здравоохранения и улучшения доступа населения, особенно сельского и населения старших возрастов, к высокотехнологичным медицинским услугам. Основными причинами смертности населения с большой продолжительностью, хорошим качеством и здоровым образом жизни являются болезни системы кровообращения и новообразования. В цивилизованном обществе люди живут долго и умирают от старости, т. е. от эндогенных болезней, являющихся следствием естественного старения организма. В России с начала 1990-х годов на втором месте были внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства, самоубийства). Современный этап сокращения уровня смертности характеризуется максимальными темпами снижения именно от этой группы причин. В результате в 2006 году они уступили новообразованиям вторую позицию в структуре причин смерти, передвинувшись на закономерное третье место.

Республика Коми отличается повышенной долей смертей от внешних причин и экзогенных заболеваний, характерной для преждевременной и предотвратимой смертности, что, по всей видимости, и определяет большую гибкость динамики продолжительности жизни населения в регионе. В Коми

группа несчастных случаев не опускалась на третье место даже в результате антиалкогольной кампании 1985 года, которая обеспечила значительный рост продолжительности жизни населения за счет снижения смертности от внешних причин. Увеличение продолжительности жизни последних лет также сопровождается максимальными темпами сокращения смертности от группы несчастных случаев. Более того, снижение уровня смертности от внешних причин бесспорно признается одним из ключевых компонентов резервов демографического развития России [21]. В Республике Коми коэффициент смертности от неестественных причин уменьшился за 2003–2017 гг. в 2,5 раза. В том числе в 4,5 раза уменьшился уровень смертности от убийств, в 3 раза от алкогольных отравлений, в 1,8 раза от самоубийств. Но перемещение смертности от внешних причин на третью позицию произошло в республике лишь в 2011 году (табл.), на пять лет позже, чем по стране в целом. И их удельный вес по-прежнему выше, чем по России. В 2017 году они составляют в регионе 11,2% смертных случаев против 8,4% в стране. Для сравнения, в Евросоюзе (ЕС-28) доля внешних причин в последние годы порядка 4,5%, и они перешли на четвертую позицию в структуре причин смерти, пропустив вперед болезни органов дыхания [22].

Основные экзогенные заболевания (болезни органов дыхания, пищеварения, некоторые инфекционные и паразитарные заболевания) составляют в Коми в совокупности 12,3% по сравнению с 10,4% в среднем по стране. И если для смертности от инфекционных и паразитарных болезней и болезней органов дыхания характерен явно выраженный убывающий тренд (сокращение за 2003–2018 гг., соответственно, на 38,6 и 33,4%), то смертность от болезней органов пищеварения отличается неоднозначной динамикой. В целом за 2003–2017 гг. ее уровень вырос в регионе на 18,5%.

Несколько выше общероссийской в Коми также доля смертности от новообразований: в 2017 году она составила 18,0% против 16,2% по стране. И ее уровень не сокращается.

Таблица. Коэффициенты смертности населения Республики Коми по основным причинам смерти, на 100000 человек населения

Год	Всего	От инфекционных и паразитарных болезней	От новообразований	От болезней системы кровообращения	От болезней органов дыхания	От болезней органов пищеварения	От внешних причин	В том числе		
								от убийств	от самоубийств	от алкогольных отравлений
2003	1568,5	20,7	165,1	755,1	70,7	72,0	327,2	49,8	55,5	69,2
2004	1534,2	22,6	157,4	726,5	73,5	80,2	315,3	47,9	48,1	65,5
2005	1549,4	25,6	159,0	716,7	72,5	89,0	314,1	47,8	45,4	66,9
2006	1417,3	24,2	157,0	669,5	60,6	78,4	264,3	34,5	46,0	54,2
2007	1309,2	18,6	168,4	620,3	54,3	69,5	231,6	32,2	47,2	32,2
2008	1321,4	23,4	174,5	615,1	54,1	81,0	213,7	26,8	43,4	34,2
2009	1328,2	25,0	179,1	618,5	59,8	85,8	213,5	26,7	41,7	37,5
2010	1305,1	24,0	178,2	603,6	52,7	91,5	205,3	23,4	40,4	37,2
2011	1237,0	20,3	189,4	561,1	51,3	81,9	186,6	22,1	36,8	33,8
2012	1223,4	18,5	192,9	559,5	46,9	86,4	182,3	21,8	40,2	27,6
2013	1196,3	15,3	198,0	538,5	47,6	89,3	166,9	16,8	31,5	28,3
2014	1223,3	15,0	213,3	536,8	46,2	91,9	180,7	18,0	33,7	36,9
2015	1236,8	16,0	205,9	575,4	50,0	91,3	161,3	15,1	33,3	25,2
2016	1237,6	13,7	204,8	551,0	49,2	100,9	159,9	17,7	31,5	25,4
2017	1176,2	12,7	212,0	535,5	47,1	85,3	131,5	11,0	30,3	22,8
Динамика за 2003–2017, %	-25,0	-38,6	28,4	-29,1	-33,4	18,5	-59,8	-77,9	-45,4	-67,1

Источники: Демографический ежегодник Республики Коми – 2013: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2013, с. 81–85; Демографический ежегодник Республики Коми – 2015: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2015, с. 72–74, 83–87; Демографический ежегодник Республики Коми – 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018, с. 72, 83.

По сравнению с 2003 годом коэффициент смертности от этой группы причин увеличился в республике более чем на четверть. В определенной степени это обусловлено ускорением старения населения: для сравнения, в ЕС-28, объединяющем страны с более старым населением, число умерших от новообразований в 2015 году составило 26,2% [22], т. е. значительно больше, чем в Коми и в России в целом. Но это в любом случае требует повышения внимания в регионе к онкопрофилактике, которая является основой снижения смертности от новообразований. Так, значительные успехи в лечении онкологических заболеваний в Германии стали возможны благодаря принятому в 2008 году. Национальному плану борьбы с раком. Эту масштабную программу разработало и координирует Министерство здравоохранения Германии

в кооперации с Немецким онкологическим фондом, Немецким онкологическим обществом и Рабочей группой немецких онкологических центров. План концентрируется на четырех направлениях: совершенствование программ ранней диагностики рака; дальнейшее развитие структур онкологической медицинской помощи; обеспечение лечения с доказанной эффективностью; информационное обеспечение больных [23].

На главную группу причин – болезни системы кровообращения – в последние годы в республике приходится 44–46% смертных случаев. Это меньше, чем по России в целом (47–55%)⁷. За 2003–2017 гг. коэффициент

⁷ Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 22.01.2019); Демографический ежегодник Республики Коми – 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018.

смертности от этой группы причин сократился на 29,1%, обеспечив основную часть роста продолжительности жизни населения.

Таким образом, и по стране в целом, и в Республике Коми достигнуты значительные успехи в росте продолжительности жизни населения и приближении структуры причин смертности к цивилизованной. Показатели продолжительности жизни не просто превысили исторические максимумы, в настоящее время наблюдается самый длительный после 1965 года период снижения смертности. При этом его характерной чертой, в отличие от 1995–1998 гг., является даже не столько длительность и достигнутые успехи в уровне продолжительности жизни, сколько обусловленность активизацией в стране социально-демографической политики, которая прежде всего связана с реформированием здравоохранения.

1 января 2006 года в России стартовали приоритетные национальные проекты, в том числе национальный проект «Здоровье». В его рамках были предусмотрены мероприятия по развитию первичной медико-санитарной помощи и совершенствованию профилактики заболеваний, повышению доступности и качества специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи, совершенствованию медицинской помощи матерям и детям, формированию здорового образа жизни. В целях утвержденной в 2007 году «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» были заложены конкретные количественные ориентиры не только по численности населения страны, но и по повышению продолжительности жизни к 2015 году до 70 лет, к 2025 году – до 75 лет. При этом задачи в области смертности в перечне основных задач демографической политики страны совершенно справедливо были поставлены на первое место.

Продолжением явились региональные программы модернизации здравоохранения, которые каждый субъект федерации разрабатывал самостоятельно в соответствии с обозначенными Минздравом России направлениями, получившими федеральное

финансирование: укрепление материально-технической базы, внедрение современных информационных систем и единых стандартов медицинской помощи. Безусловно, отрасль остро нуждалась в дополнительных вложениях, однако проблемы российского здравоохранения не только в недостатке ресурсов. По оценкам специалистов, то, что направляется в эту отрасль, используется с недостаточной эффективностью, результаты финансовых вливаний пока не дают нужного социально-экономического эффекта. Необходимы систематические, последовательные, согласованные действия на всех уровнях власти и общества, направленные на формирование новых институтов охраны здоровья, способных повернуть систему к конкретному человеку [24].

Постановлением Правительства Республики Коми от 28 сентября 2012 года № 420 была утверждена республиканская Государственная программа «Развитие здравоохранения» на 2013–2020 годы⁸, которая вступила в силу с 1 января 2013 года. Ее целью провозглашено повышение доступности, качества и эффективности медицинской помощи населению региона. Для достижения цели предусмотрена реализация следующих задач: создание условий для обеспечения доступности и качества медицинской помощи, оказываемой населению республики в рамках государственных гарантий; обеспечение преемственности и рационального использования ресурсов при оказании специализированной медицинской помощи; создание эффективной системы медицинской помощи детям и женщинам; формирование мотивации населения к ведению здорового образа жизни; обеспечение здравоохранения региона высококвалифицированными специалистами.

Программа рассчитана на два этапа реализации: 2013–2015 и 2016–2020 годы. В целом реализация всех ее направлений должна

⁸ Постановление Правительства Республики Коми от 28 сентября 2012 года № 420 «Об утверждении Государственной программы «Развитие здравоохранения». URL: <http://minzdrav.rkomi.ru/content/17157/%E2%84%96%20420%20%D0%BE%D1-%82%2028.09.2012.pdf> (дата обращения 22.01.2019).

способствовать созданию в республике системы здравоохранения, ориентированной на улучшение качества и увеличение продолжительности жизни населения, сохранение трудового потенциала, формирование основ здорового образа жизни. Меры, направленные на совершенствование организации медицинской помощи и укрепление материально-технической базы учреждений здравоохранения, будут содействовать формированию в регионе современной модели здравоохранения, отвечающей потребностям общества и граждан.

За время реализации Программы было произведено почти три десятка корректировок ее содержания. С 2013 года ежегодно утверждаются от четырех до шести постановлений правительства республики о внесении изменений в постановление от 28.09.2012 № 420. В первые годы эти изменения во многом уточняли приоритеты и задачи программы, актуализировали и конкретизировали ее мероприятия. В последнее время они в основном касаются актуализации объемов финансирования программы по всем позициям. С 2014 года приказом Министерства здравоохранения РК ежегодно утверждается Комплексный план действий по реализации Государственной программы Республики Коми «Развитие здравоохранения» на текущий год и плановый период. Основной объем бюджетных ассигнований (порядка 84%) выделяется на обеспечение государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Почти 12% средств направляются на развитие специализированной медицинской помощи. На сайте Министерства публикуются годовые отчеты о ходе реализации и оценке эффективности программы.

4 декабря 2018 года в Республике Коми утверждены паспорта региональных проектов (программ) национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография», разработанных на 2019–2024 гг. во исполнение майского указа Президента. В составе проекта «Здравоохранение» семь региональных программ, направленных на развитие первичной медико-санитарной помощи, борьбу

с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, развитие детского здравоохранения, обеспечение медицинских организаций квалифицированными кадрами, создание единой региональной информационно-аналитической системы здравоохранения, а также на развитие экспорта медицинских услуг. Три из пяти региональных проектов по направлению «Демография»: «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение», «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» и «Спорт – норма жизни» – также ориентированы на повышение продолжительности жизни населения.

Дальнейшее развитие Государственной программы Республики Коми «Развитие здравоохранения» предусмотрено также в недавно прошедшем общественное обсуждение проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года⁹, который в числе основных направлений социально-экономической политики региона выдвигает создание эффективной пациентоориентированной системы здравоохранения. Прежде всего предполагается обеспечение приоритета профилактики в сфере охраны здоровья и развития первичной медико-санитарной помощи, что требует действий в направлении формирования у населения приверженности к ведению здорового образа жизни и развития системы профилактики и раннего выявления заболеваний, обеспечения доступности первичной медико-санитарной помощи, в том числе сельскому населению. Следующим приоритетом является повышение эффективности и доступности оказания специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи. В рамках его выполнения предусматривается совершенствование организации медицинской помо-

⁹ Проект Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года. URL: <http://econom.rkomi.ru/strategy> (дата обращения 01.03.2019).

щи больным социально значимыми заболеваниями, повышение доступности скорой медицинской помощи, в том числе санитарно-авиационной, развитие высокотехнологичной медицинской помощи, службы крови, телемедицины.

В число приоритетов включены развитие службы медицинской реабилитации и совершенствование системы санаторно-курортного лечения, совершенствование деятельности подразделений службы паллиативной помощи и системы медико-социально-психологической помощи неизлечимым больным, развитие службы гериатрической помощи и реализация комплекса организационных мероприятий по совершенствованию медицинской помощи лицам пожилого и старческого возраста, что очень актуально в условиях ускорения постарения населения. Важным направлением является повышение эффективности деятельности службы родовспоможения и детства, которое предусматривает совершенствование технологий выхаживания новорожденных с низкой массой тела, создание системы раннего выявления и коррекции нарушений развития ребенка, развитие специализированной медицинской помощи детям, совершенствование методов борьбы с вертикальной передачей ВИЧ-инфекции от матери к плоду, укрепление материально-технической базы и реструктуризацию учреждений родовспоможения и детских больниц, совершенствование мер раннего выявления и профилактики заболеваний репродуктивной системы детей и подростков, профилактику аборт, развитие центров медико-социальной поддержки беременных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Улучшения лекарственного обеспечения предполагается достичь за счет повышения эффективности обеспечения лекарствами льготных категорий граждан и доступности лекарственной помощи в рамках территориальной программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи. Для сокращения кадрового дефицита, повышения профессиональных знаний и умений медицинских работников предусматривается

достижение наиболее полной укомплектованности медицинских учреждений работниками, создание условий для планомерного роста их профессионального уровня, регулирование подготовки и сохранение медицинских кадров для системы территориального здравоохранения.

Действующая республиканская Программа «Развитие здравоохранения» является важнейшим инструментом реализации заявленных в проекте Стратегии-2035 задач в области создания в регионе эффективной пациентоориентированной системы здравоохранения. Ее целевыми индикаторами являются удовлетворенность населения качеством медицинской помощи (которая будет измеряться долей от общего числа опрошенных в процентах) и показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Разными сценарными вариантами последней редакции проекта Стратегии-2035 (оптимистичным, целевым и инерционным) заложен его рост в Республике Коми за 2017–2035 гг. на 10,4 лет (до 82,5 лет в 2035 году), 7,0 лет (до 78,1 года) и 3,6 года (до 74,7). Как видим, только оптимистичный сценарий Стратегии-2035 предполагает выход Республики Коми к концу 2020-х годов на уровень «80 плюс».

Таким образом, в Республике Коми после 14 лет роста продолжительности жизни населения по-прежнему имеются очень значительные резервы для ее дальнейшего увеличения. К отставанию России от мировых лидеров в Коми добавляется заметное региональное отставание. В 2017 году оно составляет 1,6 лет по показателю для всего населения, 2,2 года по мужскому показателю и 1,0 год по женскому. В регионе очень значительные межпоселенческие различия продолжительности жизни населения, главным образом обусловленные разницей в уровне, качестве и образе жизни городского и сельского населения, в доступности квалифицированных медицинских услуг. Выше среднероссийских в республике гендерная дифференциация показателя и смертность от внешних причин и экзогенных заболеваний, которые зависят от образа жизни и сознательного отношения к

своему здоровью. Значителен вклад образа жизни также в смертность от болезней системы кровообращения, являющихся ведущей причиной смертности, что актуализирует формирование системы мотивации населения к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек, наряду с повышением качества и доступности высокотехнологичной медицинской помощи в региональных сосудистых центрах и отделениях. Повышенные показатели смертности от новообразований и их дальнейшее увеличение требуют в регионе усиления внимания к онкопрофилактике, ранней диагностике и развитию специализированной помощи. Грандиозность поставленных в области продолжительности жизни российского населения целей, с одной стороны, обуславливает осторожность в оценке вероятности

их реализации на региональном уровне, что нашло отражение в проекте Стратегии-2035, с другой – определяет необходимость мобилизации всех региональных возможностей и резервов повышения показателя. Рост уровня и качества жизни населения, обеспечение права граждан на труд с достойной оплатой, устранение возрастной дискриминации на рынке труда и увеличение продолжительности активной жизни населения, формирование с детских лет сознательного отношения к своему здоровью и приверженности к здоровому образу жизни, углубление социально-демографической политики, дальнейшая модернизация здравоохранения и совершенствование социального обслуживания населения старшего возраста – необходимые условия для продления позитивных тенденций продолжительности жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) / под ред. Г.Н. Кареловой, Л.Л. Рыбаковского. М., 2001.
2. *Life expectancy by country. World Health Organization*, 2016. Available at: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.688?lang=en> (accessed 01.03.2019).
3. Денисенко М.Б., Николаева У.Г. Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 70–81.
4. Сукнева С.А. Влияние основных причин смертности на ожидаемую продолжительность жизни населения Республики Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 16 (151). С. 148–153.
5. Туманова Д.В. Региональная специфика смертности населения от внешних причин в Республике Саха (Якутия) // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2018: сб. ст. Шестой Всерос. науч.-практ. конф. (с международ. участием): в 3 ч. Ч. I. Сыктывкар, 2018. С. 217–222.
6. Продолжительность жизни и факторы убыли населения Республики Коми / В.В. Фаузер [и др.] // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. 2015. № 3. С. 134–150.
7. Региональные особенности смертности населения / А.А. Шабунова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 1. С. 105–116.
8. Шабунова А.А., Рыбакова Н.А., Тихомирова Г.В. Факторы, ограничивающие здоровье населения региона (на примере Вологодской области) // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 85–91.
9. Будилова Е.В., Лагутин М.Б., Мигранова Л.А. Динамика популяционного здоровья населения Центрального и Северо-Западного ФО России в 2005–2016 гг. // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни: сб. мат-лов общерос. науч.-практ. конф. «I Римашевские чтения», 27 марта 2018 г. М.: ИСЭПН РАН, 2018. С. 64–67.

10. Григорьев Ю.А., Соболева С.В. Экзогенная и эндогенная детерминация смертности в Сибирском федеральном округе // Регион: экономика и социология. 2012. № 2 (74). С. 86–103.
11. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Здоровье населения Сибири: риски и их измерители // Регион: экономика и социология. 2010. № 2. С. 223–241.
12. Тельнов В.И., Тихонова М.А. Вклад смертности и возраста смерти в динамику потерянных лет потенциальной жизни у населения Уральского федерального округа и Российской Федерации // Институты развития демографической системы общества: сб. мат-лов V Урал. демогр. форума с международ. участием, 5–6 июня 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 161–166.
13. Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Смертность населения Европейского Севера России: динамика, особенности, возможности продления позитивных трендов // Вестн. Северо-Вост. фед. ун-та им. М.К. Аммосова. Сер. «Экономика. Социология. Культурология». 2016. № 4 (04). С. 31–37.
14. Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Северные регионы России: уровень и структура смертности населения // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 77–100.
15. Преминина Я.К. Современные черты смертности населения Европейского Севера России // Вестн. Север. (Аркт.) фед. ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 5. С. 62–67.
16. Ткачев А.В., Добродеева Л.К., Бичкаева Ф.А. Особенности здоровья человека на Севере // Север как объект комплексных региональных исследований. Сыктывкар, 2005. С. 151–177.
17. Симагин Ю.А. Динамика смертности в муниципалитетах России в последние годы // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 13. Ч. 1. М., 2018. С. 792–796.
18. Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. М.: Мысль, 1989. 286 с.
19. Уровень смертности в России в сравнении с развитыми странами / В.И. Харченко [и др.] // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1. С. 78–92.
20. Модернизация инфраструктуры развития сельских территорий / Т.Е. Дмитриева [и др.]. Сыктывкар, 2016. 241 с.
21. Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Гришин А.С. Возможности сокращения смертности населения от внешних причин как резерв демографического развития России // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. ст. VII Урал. демогр. форума с международ. участием. Т. II. Екатеринбург, 2016. С. 253–259.
22. Щербакова Е. Продолжительность жизни в ЕС-28: есть ли резервы для дальнейшего повышения? URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0799/barom03.php> (дата обращения 01.03.2019).
23. Busse R, Blümel M. Germany: health system review. *Health Systems in Transition*, 2014, vol. 16, no. 2. Available at: URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/255932/HiT-Germany.pdf
24. Молчанова Е.В., Буркин М.М. Медико-демографические особенности развития северных регионов // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни: сб. мат-лов общерос. науч.-практ. конф. «I Римашевские чтения», 27 марта 2018 г. М.: ИСЭПН РАН, 2018. С. 58–64.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Лариса Алексеевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. E-mail: popova@iespn.komisc.ru. Тел.: +7(8212) 24-57-95.

Popova L.A.

LIFE EXPECTANCY OF KOMI REPUBLIC POPULATION: RESERVES FOR POSITIVE TRENDS RENEWAL

Immensity of the goal to achieve 80+ life expectancy of the Russian population, Russia's significant lag behind the level of developed countries and significant regional differentiation determine the relevance of the topic. The Komi Republic is a study object; the aim is to identify characteristics of the level and factors of life expectancy of regional population and justify reserves and mechanisms for its further growth. The article considers dynamics of life expectancy of the Komi Republic population, its gender and inter-settlement differences, and mortality structures according to its causes. The trends in life expectancy in the republic correspond to the all-Russian. The indicator is traditionally below the national average, but in the periods of its growth the differences go down, in the unfavorable periods – up. Such flexibility of the dynamics is mostly determined by the mortality structure according to its causes, characterized by an increased proportion of external causes and exogenous diseases, characteristic of premature and preventable mortality. External causes dropped to third place in the Komi Republic only in 2011 and are still a significant reserve for increasing life expectancy. Simultaneously with the growth, there was a reduction in the difference between male and female indicators, but it remains significantly higher than in Russia. Decreasing gender differentiation to the level acceptable for developed countries, based on good lifestyles and life-saving behavior, is another reserve for a further increase in life expectancy. Reducing differences in the level of urban and rural indicators is also a significant reserve. The rise in life expectancy in the Komi Republic occurred exclusively at the expense of urban population. Improving standard and life quality of rural population and, above all, ensuring rural residents' right to get a decent income are the basis for overcoming the gap. In the context of accelerated population ageing, the possibility of further increase in life expectancy is increasingly determined by older population's health and active longevity, which can be facilitated by the development of specialized medicine and elimination of age discrimination in the labor market. The article reveals key provisions of the regional health development strategy and substantiates mechanisms of prolongation of positive life expectancy trends.

Life expectancy, gender difference, inter-settlement differences, death causes, socio-demographic policy, Komi Republic

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Larisa Alekseevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Research Work. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. E-mail: popova@iespn.komisc.ru. Phone: +7(8212) 24-57-95.

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.5
 УДК 314.44:[314.424.2] | ББК 60.7+60.59

© Шматова Ю.Е.

ДИНАМИКА СТАТИСТИЧЕСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОСТОЯНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ¹



ШМАТОВА ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
 Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
 E-mail: ueshmatova@mail.ru

В связи со значительным бременем психических расстройств актуальным остается вопрос определения масштабов их распространения. Цель – выявление и соотнесение основных эпидемиологических показателей психического здоровья и данных, полученных посредством социологического опроса об уровне распространения в регионе некоторых пограничных психоэмоциональных расстройств. В основе авторского исследования лежат следующие методы и инструменты: теоретический анализ литературных источников; изучение, сравнительный анализ и обобщение информации; системный анализ; статистические методы; мониторинг, социологический опрос, анкетирование населения. В работе изложен обобщенный анализ зарубежных и отечественных научных исследований в области оценки экономического бремени психических расстройств и самоубийств. Представлены основные тенденции суицидальной активности, заболеваемости и болезненности психическими расстройствами, инвалидизации вследствие данных заболеваний в современной России среди взрослого и детского населения. Оценка статистических данных дополнена результатами социологического мониторинга, проводимого Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» с 2002 года, о распространении в Вологодской области признаков тревожных, депрессивных и невротических расстройств. Сделан вывод о несоответствии статистических и социологических данных о масштабах распространения психических расстройств. Обосно-

Для цитирования Шматова Ю.Е. Динамика статистических и социологических показателей состояния психического здоровья населения России // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 76–96. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.5

For citation: Shmatova Yu.E. Dynamics of statistical and sociological indicators of mental health of the Russian Population. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 76–96. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.5

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01077/19 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

вана необходимость разработки комплексного междисциплинарного подхода к раннему выявлению, диагностике и лечению тревожно-депрессивных расстройств и суицидальных намерений, особенно среди пациентов общесоматической сети. Особое внимание должно быть уделено работе с парасуицидентами. Результаты исследования могут быть использованы органами региональной исполнительной власти в качестве научного обоснования разработки и реализации программ укрепления и охраны психического здоровья населения с целью сохранения трудового потенциала региона, повышения качества жизни душевнобольных и их близких и, как следствие, минимизации экономического ущерба обществу.

Психическое здоровье, бремя психических расстройств, заболеваемость психическими расстройствами, болезненность психическими расстройствами, инвалиды, суициды, суицидальные попытки, депрессия.

Введение

Термин «mental health» был введен ВОЗ в 1979 году. Психическое здоровье – это «состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество. В этом позитивном смысле психическое здоровье является основой благополучия человека и эффективного функционирования сообщества»².

Сегодня 20–25% населения планеты страдает психическими и поведенческими расстройствами. А в течение жизни психическое здоровье нарушается у каждого третьего-четвертого человека [1; 2].

Во всем мире быстрые экономические, демографические и эпидемиологические изменения влекут рост численности населения, которое живет дольше, но с большей заболеваемостью и инвалидностью [3–6].

По прогнозам ВОЗ, к 2020 году душевные болезни займут второе место по распространенности, уступая лишь сердечно-сосудистыми заболеваниями. По доле трудовых потерь они войдут в первую пятерку [7].

Психические расстройства, а особенно депрессии, слабоумие и деменция становятся эпидемией в развитых странах. Отчасти это связано с тем, что традиционные подходы к лечению устарели. Решетников даже говорит о «системном кризисе в психиатрии» [8, с. 11]. В последнее время многие

специалисты отмечают разрыв между научными достижениями и практическими методами лечения душевнобольных. Огорчает также разобщенность во взаимодействии специалистов разных дисциплин, даже работающих в одном учреждении. При этом подавляющее большинство людей даже не подозревает, что набирающие темп различные формы зависимостей, экологическая обстановка, низкокачественные продукты, гиподинамия и постоянный стресс – это не просто неблагоприятные «издержки» цивилизации, а факторы, которые неизбежно приводят к инсульту, деменции, психическим расстройствам. Психика современного человека испытывает огромную интеллектуально-эмоциональную нагрузку, к которой он ни эволюционно, ни исторически не готов [9, с. 81–82].

Ухудшение психического здоровья населения связано, по мнению ВОЗ, с быстрыми социальными изменениями, стрессовыми условиями на работе, гендерной дискриминацией, социальным отчуждением, нездоровым образом жизни, физическим нездоровьем, а также с нарушениями прав человека³. Действительно, на состояние душевного здоровья в целом воздействует множество макросоциальных и макроэкономических факторов, находящихся за пределами сектора здравоохранения. Социально-экономические факторы тесно взаимосвязаны, и изменения в политике в рамках одного

² Психическое здоровье: информ. бюл. ВОЗ от 30 марта 2018 года. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения 30.11.2018).

³ Психические расстройства: информ. бюл. ВОЗ от 30 марта 2018 года. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения 30.11.2018).

сектора в результате проявления эффекта «домино» затрагивают и другие. Например, бедность населения является одним из наиболее мощных предикторов психического здоровья. Многие мировые тенденции, например, урбанизация населения, приводят к негативным последствиям для психического здоровья [10; 11]. Все чаще звучит тема экологической обусловленности душевных расстройств [12; 13]. Таким образом, детерминанты психического здоровья и психических расстройств включают как индивидуальные качества (способность управлять собственными мыслями, эмоциями, поведением и общением с окружающими), так и социальные, культурные, политические и экологические факторы (национальная политика, социальная защита, уровень жизни, условия работы и поддержка окружающих⁴).

Актуальность и значимость исследований в области охраны психического здоровья обусловлены его высокой стоимостью для каждого общества.

Бремя психических расстройств

Психические заболевания традиционно не рассматриваются как серьезная эпидемиологическая проблема ввиду низкой смертности по их причине. Однако они оказывают значительное влияние на здоровье и трудоспособность населения⁵ [14–16]. По расчетам D. Vigo и коллег, глобальное бремя психических заболеваний по ожидаемому количеству потерянных лет трудоспособной жизни (показатель YLD) составляет 32,4%, а по количеству лет жизни, скорректированных по нетрудоспособности (показатель DALY), – 13,0%. Полученные результаты на треть превышают ранние расчеты (21,2% YLD и 7,1% DALY). По оценкам ученых, психические заболевания занимают первое место в мире по

бремени болезней, с точки зрения YLD (превышают уровень сердечно-сосудистых заболеваний, сахарного диабета, хронических респираторных заболеваний и рака), и уже достигают уровня сердечно-сосудистых заболеваний с точки зрения DALY [17].

По данным ВОЗ, депрессивные расстройства – ведущая причина инвалидности населения США в возрасте 15–44 лет [18]. По данным Министерства здравоохранения, в России 60% душевнобольных – лица трудоспособного возраста. При этом только каждый третий работает, а каждый четвертый – инвалид по психическому заболеванию [7]. Таким образом, психические расстройства являются основной движущей силой роста заболеваемости и инвалидности во всем мире⁶ [19].

По данным региональных исследований, глобальное бремя от душевных расстройств в Австралии составило около 5% ВВП страны⁷ [20], в Японии – 0,6% [21–23], в 28 европейских странах – 2,3% совокупного ВВП этих стран (40% обусловлены депрессией, а 15% – шизофренией и тревожностью [24]), в США – 7,2% [15]. Причем значительная доля бремени приходится на потери вследствие алкогольной (2% ВВП) и наркотической зависимости (1,8% ВВП). Депрессия влечет, согласно данному исследованию, ущерб в размере 0,86% ВВП США (или 0,7%, по результатам иного исследования [25]).

Оценки бремени психических заболеваний в России, полученные отечественными учеными [26–31], оказались в 2–4 раза ниже, чем в зарубежных странах. Это вызвано проблемами диагностики и лечения душевных заболеваний в общемедицинской сети, учета зачастую исключительно прямых затрат на лечение [29]. Согласно стоимостному анализу, проведенному нами на региональном уровне в 2001 году, совокупные потери от

⁴ Психические расстройства: информ. бюл. ВОЗ от 30 марта 2018 года. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения 30.11.2018).

⁵ Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда: докл. о состоянии здравоохранения в мире за 2001 год. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2001. 215 с.

⁶ Bloom D., Cafiero E., Jané-Llopis E., et al. The global economic burden of noncommunicable diseases. A report by the World Economic Forum and the Harvard School of Public Health. Geneva: World Economic Forum, 2011. 48 p.

⁷ The economic impact of youth mental illness. Report by Access Economics Pty Limited for Orygen Research Centre. Victoria, 2009. URL: https://www.orygen.org.au/Policy-Advocacy/Policy-Reports/Economic-Impact-of-Youth-Mental-Illness/CostYMH_Dec2009?ext (дата обращения 30.11.2018).

психических расстройств составили около 2% ВРП Вологодской области, большая часть из которых (85–90%) – это косвенные социальные потери [32, с. 82].

Значительная доля этого экономического бремени ложится на плечи семей вследствие отсутствия полноценной и финансируемой государством системы служб оказания помощи душевнобольным людям. Семьям приходится нести и социальные издержки, среди которых эмоциональная нагрузка, понижение качества жизни, связанные с постоянной необходимостью оказания помощи членам семьи, имеющим ограниченные возможности.

Следует учитывать и скрытое бремя стигматизации и дискриминации. Они проявляются как предубежденное отношение: через стереотипы, боязнь, неприятие, раздражение, отторжение или избегание всяческого контакта с душевнобольными. Последние сталкиваются с множественными нарушениями прав человека и ограничением их свобод, физическим, сексуальным и психологическим насилием, несправедливыми отказами в устройстве на работу.

Не менее значимая проблема – это недостаточное финансирование служб охраны психического здоровья, особенно в развивающихся странах. Примерно в 28% стран не выделен отдельный бюджет на решение проблем психического здоровья, лишь в трети из оставшихся на психическое здоровье выделяется менее 1% общего бюджета здравоохранения. Таким образом, наблюдается значительный разрыв между бременем психических расстройств и ресурсами, выделяемыми на охрану психического здоровья.

В ближайшие десятилетия прогнозируется увеличение бремени психических расстройств. Это вызвано увеличением продолжительности жизни населения, его «старением», в результате чего повышается вероятность развития не только соматических, но и психических расстройств (деменции, депрессии). Следствие – рост числа инвалидов [10]. Еще в середине 90-х гг. Мюррей и Лопез прогнозировали, что депрессия станет

второй наиболее распространенной причиной инвалидности во всем мире [33].

Результатом растущего числа вооруженных конфликтов и стихийных бедствий по всему миру, усиливающейся геополитической напряженности являются миграция населения, увеличение числа беженцев, бездомных, нищих и безработных. У людей, сталкивающихся с насилием, вероятность развития психических нарушений (ПТСР и депрессии) возрастает, что может приводить к злоупотреблению наркотиками и алкоголем, а также к повышению численности суицидов⁸. Рост безработицы также является одним из значимых факторов риска развития депрессии и суицидального поведения [34–36].

Основные статистические показатели распространения психических расстройств и расстройств поведения в России

По данным Росстата, в нашей стране на учете по поводу душевных расстройств состоит 1,5 млн человек, из которых половина имеет диагноз «психозы и состояния слабоумия» (причем треть из них страдают шизофренией). В 2016 году с диагнозом «психические расстройства и расстройства поведения», установленным впервые в жизни, было взято на учет 60 тысяч пациентов, с диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы» – 95 тысяч, «наркомания» – 16 тысяч, «токсикомания» – 494 россиянина (табл. 1).

Таким образом, заболеваемость алкоголизмом превышает заболеваемость непосредственно самими психическими расстройствами в России в 1,5 раза, в Дальневосточном федеральном округе – в 2,3 раза, в Уральском и Южном федеральных округах – в 1,9 раза. В Северо-Кавказском федеральном округе ситуация в результате сильного влияния исламских традиций трезвости обратная.

В целом показатели психического здоровья населения последние 20 лет стабильно улучшаются (табл. 2).

Заболеваемость душевными расстройствами с середины 90-х гг. сократилась в 2,2

⁸ Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда: докл. о состоянии здравоохранения в мире за 2001 год. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2001. 215 с.

Таблица 1. Заболеваемость социально значимыми заболеваниями в федеральных округах России в 2016 году, чел.

Взято под наблюдение пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом	Психические расстройства и расстройства поведения	Алкоголизм и алкогольные психозы	Наркомания	Токсикомания
Российская Федерация	60102	94973	16288	494
Центральный ФО	12631	21563	4182	85
Северо-Западный ФО	6892	7696	1235	26
Южный ФО	4490	8375	1260	55
Северо-Кавказский ФО	4241	2505	538	113
Приволжский ФО	13748	23679	2450	48
Уральский ФО	4930	9482	2070	79
Сибирский ФО	9918	14164	2985	51
Дальневосточный ФО	3252	7509	1568	37

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 2. Заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения и контингенты лиц, состоящих на учете, в 1995–2016 гг., на 100 тыс. чел. населения*

Показатель	Год						
	1995	2000	2005	2010	2013	2015	2016
Заболеваемость							
Взято под наблюдение пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, из них:	93,5	83,1	67,3	52,0	45,4	42,9	41,0
психозы и состояния слабоумия	31,2	27,7	27,8	24,6	21,9	21,0	20,3
шизофрения**	14,4	12,8	10,8	8,4	6,8	6,1	5,8
психические расстройства непсихотического характера	34,8	30,5	22,9	16,1	13,9	12,4	11,5
умственная отсталость	27,5	25,1	16,6	11,4	9,6	9,4	9,2
Болезненность							
Численность пациентов, состоящих на учете в ЛПО, из них:	1472,2	1334,1	1255,3	1146,3	1084,7	1048,3	1020,9
психозы и состояния слабоумия	595,8	552,1	537,9	513,2	496,9	485,5	475,4
шизофрения**	365,5	351,4	345,1	332,7	323,4	315,8	308,4
психические расстройства непсихотического характера	388,0	320,3	291,3	254,2	234,3	222,3	214,0
умственная отсталость	488,4	461,7	426,2	378,9	353,4	340,5	331,5

* Здравоохранение в России – 2017. М., 2017. 170 с.
 ** Также шизоаффективные психозы, шизотипическое расстройство, аффективные психозы с неконгруэнтным аффекту бредом.

раза, из них психозами и слабоумием – в 2,4 раза, а психическими расстройствами непсихотического характера и умственной отсталостью – в три раза.

Неуклонно снижается и численность пациентов, состоящих на учете по поводу психических расстройств и расстройств поведения (на 19%; см. табл. 2). Наибольшими темпами сокращается болезненность

умственной отсталостью и расстройствами непсихотического характера, а также в Уральском и Сибирском федеральных округах (на 25%; табл. 3).

К регионам-лидерам по темпам сокращения контингента душевнобольных относятся республики Бурятия, Коми (табл. 4). В ряде субъектов РФ вопреки общей тенденции снижения болезненности душевными рас-

Таблица 3. Контингенты пациентов с психическими расстройствами и расстройствами поведения по субъектам РФ (численность пациентов, состоящих на учете в ЛПУ, на конец года, на 100 тыс. чел. населения)

	Год						2016 год к 2005 году, %
	2005	2010	2013	2014	2015	2016	
Российская Федерация	1255,3	1146,3	1084,7	1070,6	1048,3	1020,9	81,3
Центральный ФО	1154,0	1035,3	978,0	952,2	929,5	906,8	78,6
Северо-Западный ФО	1253,3	1135,9	1101,0	1086,4	1062,3	1036,1	82,7
Южный ФО	1141,1	1013,3	912,7	975,3	945,4	921,9	80,8
Северо-Кавказский ФО	1398,4	1274,3	1255,0	1254,6	1247,0	1199,9	85,8
Приволжский ФО	1268,8	1213,8	1184,2	1174,1	1155,6	1134,4	89,4
Уральский ФО	1195,1	1085,7	991,4	968,5	945,3	902,1	75,5
Сибирский ФО	1462,2	1311,3	1208,4	1173,0	1144,1	1108,7	75,8
Дальневосточный ФО	1351,7	1240,2	1161,2	1129,2	1118,5	1108,7	82,0

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 4. Численность пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с психическими расстройствами и расстройствами поведения (на конец года, на 100 тыс. чел. населения)

	Год						2016 год к 2005 году, %
	2005	2010	2013	2014	2015	2016	
Республика Ингушетия	790,6	1004,3	1026,0	1039,5	1076,6	1100,8	139,2
Забайкальский край	841,3	1009,6	1098,6	1108,1	1129,4	1144,5	136,0
Республика Тыва	1033,7	1136,2	1238,4	1292,3	1329,4	1340,1	129,6
Республика Марий Эл	1163,0	1346,3	1444,1	1447,7	1449,7	1382,2	118,8
Российская Федерация	1255,3	1146,3	1084,7	1070,6	1048,3	1020,9	81,3
Белгородская область	1312,0	1067,6	900,4	879,1	876,3	873,9	66,6
Свердловская область	1185,7	1050,1	966,2	936,1	885,4	788,2	66,5
Тульская область	1498,8	1153,6	1003,3	974,7	962,1	975,7	65,1
Кемеровская область	1503,4	1303,4	1234,5	1144,2	1021,0	976,0	64,9
Костромская область	1972,1	1651,4	1438,5	1302,7	1287,4	1269,0	64,3
Новосибирская область	1602,4	1338,2	1123,1	1069,5	1028,0	1010,1	63,0
Ленинградская область	932,0	669,3	658,1	651,0	595,3	577,2	61,9
Республика Коми	1401,8	1037,5	901,4	885,6	855,6	829,1	59,1
Республика Бурятия	1862,9	1576,9	1153,6	1107,9	1031,9	1018,5	54,7
Волгоградская область	895,6	586,8	534,7	514,7	506,2	488,2	54,5

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

стройствами наблюдается рост численности больных. К ним относятся республики Ингушетия, Тыва, Марий Эл, Забайкальский край, Оренбургская и Калининградская области (см. табл. 4).

Заболеваемость алкоголизмом и наркомагией также имеет позитивный тренд (табл. 5), особенно в 2016 году по отношению к 2015 году.

Контингент пациентов, страдающих психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением ПАВ, также стабильно снижается (табл. 6). Численность россиян, взятых и состоящих на профилактическом учете в связи с наркомагией, росла с 2005 в течение 10 лет (см. табл. 5, 6).

Таблица 5. Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ (на конец года, на 100 тыс. чел. населения)

	Год									
	1995	2000	2005	2007	2008	2010	2013	2014	2015	2016
Взято под наблюдение пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни										
Алкоголизм и алкогольные психозы	156,1	129,7	147,0	123,1	122,2	107,8	78,2	74,7	70,7	64,7
Наркомания	15,6	50,4	17,1	20,8	18,7	17,4	12,6	14,5	14,1	11,1
Взято на профилактический учет в связи с употреблением с вредными последствиями										
Алкоголь	132,9	112,0	110,3	101,8	106,0	94,6	73,5	64,4	60,4	47,2
Наркотические вещества	14,7	35,1	25,2	33,9	34,1	33,3	35,9	39,3	40,6	29,9

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 6. Контингенты пациентов с психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ (на конец года на 100 тыс. чел. населения)

	Год					
	2005	2010	2013	2014	2015	2016
Численность пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом						
Алкоголизм и алкогольные психозы	1541,8	1367,1	1215,7	1155,4	1076,2	984,0
Наркомания	230,8	231,6	214,6	205,6	196,5	176,8
Кроме того, численность пациентов, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением с вредными последствиями						
Алкоголь	284,4	246,3	221,5	201,1	188,5	143,6
Наркотические вещества	91,7	114,9	125,0	130,0	130,4	107,2

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Несмотря на благоприятные тенденции в области психического здоровья взрослого населения, зафиксированы некоторые тревожные тренды среди детского. Так, треть из всех заболевших психическими расстройствами и расстройствами поведения в 2016 году – именно дети. Были взяты под наблюдение более 21 тысячи детей и 3 тысяч подростков. Диагноз «психозы и состояния слабоумия» впервые в жизни был поставлен 12800 детям. Около 185 тысяч маленьких жителей страны до 14 лет состояли на учете в связи с психическим заболеванием.

Отмечается устойчивый рост заболеваемости детей до 14 лет психозами и состояниями слабоумия (с 1995 года на 50%; *рис. 1*), а болезненности – на 70%. Болезненность шизофренией среди детского населения также имела тенденцию роста с 1995 по 2010 год (на 70%), в последние годы отмечается незначительное ее снижение (на 20%).

Однако число детей, состоящих на учете в связи с данным диагнозом, остается выше, чем 20 лет, на треть. Заболеваемость детей шизофренией росла до 2008 года. Затем снижалась. В 2017 году каждому из 300 тысяч детей впервые в жизни был поставлен диагноз «шизофрения».

Также наблюдается устойчивая тенденция роста контингента больных шизофренией в возрасте 15–17 лет. Если в 1995 году их было 53,3 на 100 тыс. подростков, то в 2016 году их число увеличилось на 50% и составило 75,1 случая на 100 тыс. подростков. По сравнению с 2000 годом увеличилась и болезненность подростков психозами и состояниями слабоумия (с 152 до 162 случаев на 100 тыс. подростков).

Рост болезненности детей и подростков шизофренией заставляет задуматься, т. к. данное заболевание, как правило, развивается в позднем подростковом или раннем



Рис. 1. Заболеваемость и болезненность детей 0–14 лет (диагнозы «психозы и состояния слабоумия» и «шизофрения») в период 1995–2016 гг., на 100 тыс. детей
 Источники: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>; Здравоохранение в России – 2017. М., 2017. 170 с.

взрослом возрасте, а не в детском. И доля лиц, страдающих шизофренией, относительно стабильна, т. к. это заболевание имеет наследственный характер. По какой причине снижается болезненность шизофренией среди всего населения, но активно растет среди детского населения? Возможно, это вызвано истинным изменением структуры заболеваемости, омоложением шизофрении.

На наш взгляд, существенным предиктором роста некоторых психических расстройств среди детей и подростков являются распространение компьютерных игр и интернет-аддикция. Подростковый возраст представляет собой период взросления, характеризующийся интенсивными психологическими и физическими изменениями, бурной физиологической перестройкой организма. Подростки компенсируют в интернете недостаток общения в повседневной жизни, используют глобальную сеть как способ самоутверждения, многих привлекает возможность общаться в сети от имени разных вымышленных лиц. Именно в этом корни интернет-аддикции [37]. Стремительно развивающиеся компьютерные технологии и возможности интернета безусловно влияют на психику человека [38]. Уже доказано, что чрезмерное пристрастие подростка к интернету оказывает разрушающее воздей-

ствие на психику и психо-эмоциональную сферу [39–41]. Интернет-зависимость способствует формированию целого ряда психологических проблем: конфликтное поведение, хронические депрессии, предпочтение виртуального пространства реальной жизни, трудности адаптации в социуме, частые перепады эмоций, настроения. В зависимости от типа интернет-аддикции у подростков различаются и особенности психоэмоциональной сферы. У подростков, зависимых от игр в интернете, могут наблюдаться косвенная и вербальная агрессия, негативизм, раздражительность, обидчивость, выраженная личностная и ситуативная тревожность, депрессии. Подростки, зависимые от общения в интернете, подозрительны. Для них характерна личностная и ситуативная тревожность, они склонны к легкой депрессии. Подростки, зависимые от поиска информации в интернете, страдают негативизмом и вербальной агрессией, имеют достаточно выраженную ситуативную тревожность [42, с. 35].

Еще одна причина роста числа некоторых психических заболеваний среди детей может крыться в изменении диагностических критериев, приведшем к либеризации диспансерного учета (его необязательность) среди взрослого населения и его ужесточению среди детей и подростков. Также

причина может заключаться в улучшении доступности медицинской помощи и, как следствие, росте выявляемости шизофрении, в т. ч. и среди детского населения.

Последняя гипотеза подтверждается следующими фактами. В период 1995–2005 гг. действительно наблюдался рост обратившихся за лечебно-консультативной помощью в связи с психическим заболеванием среди всего населения, а также детей и подростков (рис. 2). Среди детей 15–17 лет продолжался рост данного показателя вплоть до 2009 года. В дальнейшем наблюдалась тенденция снижения. Тем не менее данный

показатель во всех группах остается выше уровня двадцатилетней давности.

По сравнению с 1995 годом численность пациентов, которым оказывается консультативно-лечебная помощь по поводу психического расстройства, выросла в 2 раза (рис. 3). Среди детей данный показатель увеличился на три четверти, а среди подростков – почти в три раза.

В последние годы активно развивается сеть частных клиник, оказывающих психологические услуги населению. И число обращающихся именно в них также растет. Это вызвано стигматизацией психических

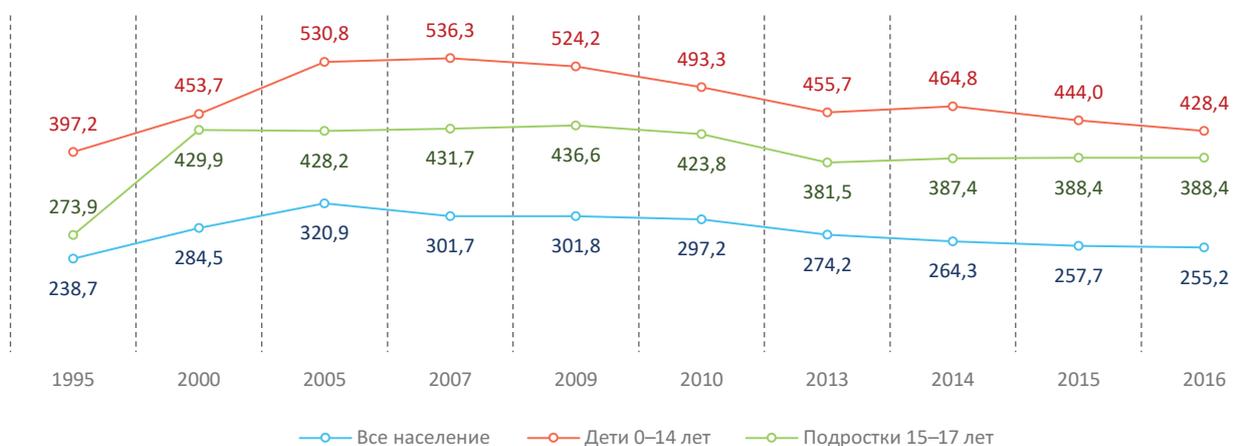


Рис. 2. Численность пациентов, обратившихся за консультативно-лечебной помощью по поводу психического расстройства, на 100 тыс. чел. населения

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

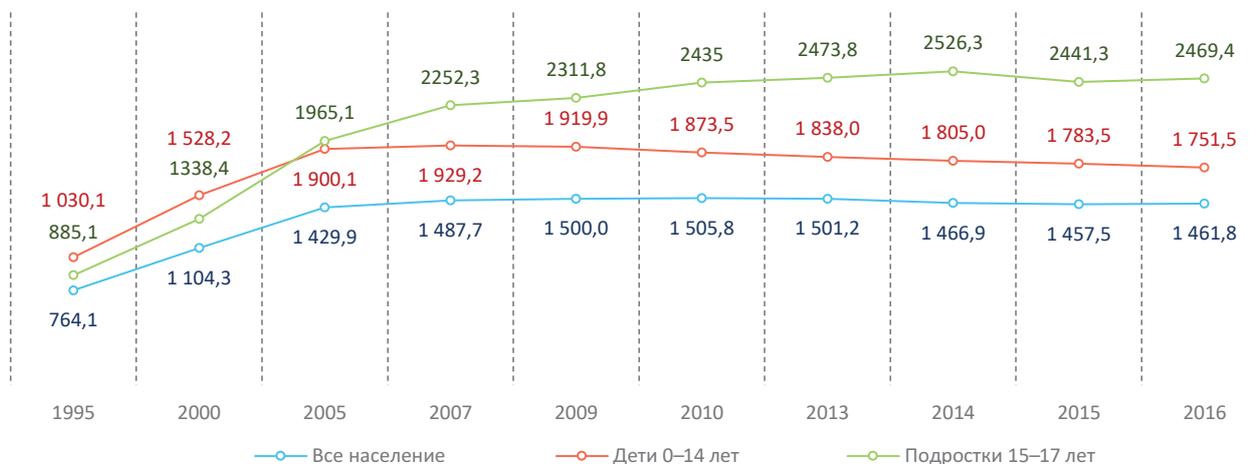


Рис. 3. Численность пациентов с психическими расстройствами, которым оказывается консультативно-лечебная помощь, на 100 тыс. населения

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

расстройств и нежеланием афишировать свои душевные проблемы. Увеличение обращаемости в государственные и частные клиники может свидетельствовать о спорности общей тенденции снижения заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения [43]. Тяжелые формы психических расстройств замещаются более легкими с меньшими социальными последствиями. Подтверждает этот факт и существенное сокращение числа взрослых россиян с впервые в жизни установленной инвалидностью по причине душевных расстройств (с 1995 года – на четверть; табл. 7). В минувшем 2017 году впервые стали инвалидами вследствие психических расстройств и расстройств поведения 33 тысячи лиц старше 18 лет.

Однако среди детского населения наблюдается, напротив, негативная тенденция. С 2000 года численность детей-инвалидов по причине психических расстройств и расстройств поведения увеличилась на треть (табл. 8). В 2016 году насчитывалось 143 тысячи детей-инвалидов (или 49,1 на 10 тыс. детей, что на 30% выше, чем в 2000 году).

Душевные расстройства лидируют среди причин детской инвалидности. У четверти из 76 тысяч детей, впервые признанных

инвалидами в 2017 году, причиной, обусловившей возникновение инвалидности, стали именно психические расстройства и расстройства поведения (18867 детей⁹). И их численность также постоянно увеличивается, как и доля в структуре причин инвалидности детского населения (так, в 2008 году они составляли лишь 19%). Лидируют данные заболевания и в перечне причин повторного признания инвалидами (60 тыс. детей в 2017 году).

Согласно докладу Всемирной организации здравоохранения¹⁰, нарушения психического здоровья подростков 10–19 лет составляют 16% глобального бремени болезней и травматизма. Примерно половина всех психических расстройств возникает до наступления 14-летнего возраста, однако чаще не выявляется специалистами и, соответственно, остается без лечения. Депрессия является одной из ведущих причин заболеваемости и инвалидности среди подростков во всем мире. Самоубийства являются второй по значимости ведущей причиной смертности в возрастной группе 15–19 лет¹¹. Детские расстройства поведения являются шестой по значимости ведущей причиной бремени болезней среди подростков. Игнорирование проблемы распространения рас-

Таблица 7. Численность представителей взрослого населения, впервые признанных инвалидами по причине психического расстройства или расстройства поведения, в 1995–2017 гг.

Год	1995	1998	2000	2002	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Тыс. чел.	64	68	49	46	55	37	33	32	32	32	32	33
На 10 тыс.	4,3	4,6	4,3	4,0	4,8	3,2	2,9	2,7	2,7	2,7	2,7	2,9

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 8. Численность детей – инвалидов по причине психических расстройств и расстройств поведения в 2000–2016 гг.

Год	2000	2005	2007	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Тыс. чел.	104,4	133,2	127,3	123,8	122,2	125,2	128	131	135,6	139,4	143,7
На 10 тыс. детей	37,2	46,9	47,6	47,2	46,5	47,5	47,9	48,2	48,3	48,6	49,1

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

⁹ Положение инвалидов. Детская инвалидность. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities (дата обращения 30.11.2018).

¹⁰ Психическое здоровье подростков: информ. бюл. ВОЗ от 18 сентября 2018 года. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health> (дата обращения 30.11.2018).

¹¹ Young people and mental health in a changing world. Geneva: World Health Organization, 2018. 71 p.

стройств психики и поведения у подростков чревато негативными последствиями для физического и психического здоровья и ограничивает возможности их полноценной взрослой жизни.

Еще одним ярким показателем, отражающим психическое здоровье населения, является суицидальное поведение. Преждевременная смерть наносит огромный экономический ущерб¹² [32; 44].

По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно около 800 тыс. человек добровольно уходят из жизни¹³. На страны с низким и средним уровнем дохода приходится 78% самоубийств в мире. В глобальных масштабах для совершения самоубийства чаще всего используются пестициды, повешение и огнестрельное оружие¹⁴.

На каждое самоубийство приходится значительно больше людей, которые совершают попытки уйти из жизни (примерно 4 на 1000 человек взрослого населения, или свыше 20 человек на каждый суицид¹⁵). Однако показатели летальности суицидального поведения широко различаются в зависимости от региона, пола, возраста и применяемого способа самоповреждения.

Суицидальные попытки налагают на общество значительное социальное и экономическое бремя вследствие необходимости лечения пострадавшего, а порой и досрочной инвалидности вследствие полученной травмы¹⁶. Предшествующая попытка самоубийства является основным предиктором смертности от суицида. Поэтому ключевым элементом любого комплексного подхода к предупреждению самоубийств должно быть выявление парасуицидентов.

По данным Евростата, на 2015 год средний уровень смертности от суицида в Ев-

ропейском союзе (данные представили 34 страны^{17,18}) был равен 10,9 случая на 100 тыс. чел. населения. Безусловными лидерами печального списка в Европе являются Литва (30,2), Словения (20,7), Латвия (19,3), Венгрия (19,0), Хорватия (17,3). Наименьшее число самоубийств случается в Турции (2,2), Лихтенштейне (2,5), Кипре (4,5), Греции (4,7) и Италии (6,1). Уровень самоубийств среди мужчин (17,9) выше, чем среди женщин (4,9). В Литве смертность даже превышает 56 случаев на 100 тысяч.

По данным Росстата, уровень самоубийств в России в 2017 году составил 13,8 случая на 100 тыс. чел. населения. Данный показатель имеет тенденцию спада более двадцати последних лет. Наиболее высокие показатели были зафиксированы в 1995 году практически по всем федеральным округам (табл. 9). По сравнению с этим годом в 2017 году смертность от суицидов сократилась в три раза, а за последние 10 лет – вдвое.

Сибирский федеральный округ на протяжении всего периода современной России является «лидером» печальной статистики суицидов. Северо-Кавказский округ, напротив, постоянно демонстрирует самые низкие показатели.

Россия – многонациональное государство с тысячелетней историей, поэтому разброс в значениях уровня суицидов, как и по другим показателям душевного здоровья, в 85 субъектах огромный на протяжении всех лет исследования [45] – от 0,4 случая на 100 тыс. чел. населения в Астраханской области до 43,2 – в Ненецком АО.

Если в 2008 году уровень суицидов был выше критической отметки (20 случаев на 100 тыс.) в 59 регионах России (причем в 35 из них – выше 30, а в 11 – выше 50), то в 2017 году – лишь в 25 регионах (в 11 – выше 30).

¹² Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 97 p.

¹³ Самоубийство: информ. бюл. ВОЗ. 2018. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения 30.11.2018).

¹⁴ Young people and mental health in a changing world. Geneva: World Health Organization, 2018. 71 p.

¹⁵ Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 97 p.

¹⁶ Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 97 p.

¹⁷ Смертность от самоубийств по полу (tps00122). База данных Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&ocode=tps00122&plugin=1> (дата обращения 25.11.2018).

¹⁸ Смертность от самоубийств по возрастным группам (tps00202). База данных Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&ocode=tps00202&plugin=1> (дата обращения 25.11.2018).

Таблица 9. Смертность от самоубийств среди населения федеральных округов России в период 1990–2017 гг., на 100 тыс. чел. населения

Федеральный округ	Год							
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Российская Федерация	26,5	41,4	39,1	32,2	23,4	17,4	15,8	13,8
Центральный	23,2	30,7	27,6	21,9	14,5	12,1	11,3	10,0
Северо-Западный	26,3	45,3	39,5	30,9	21,6	16,8	15,5	14,2
Южный	20	23,7	24,1	17,9	17,7	10,7	11,3	8,8
Северо-Кавказский*	н/д	н/д	н/д	н/д	6,4	5,0	5,1	4,3
Приволжский	28,3	48,4	48,6	41,3	30,4	21,2	19,3	16,7
Уральский	31,8	56	48,7	41,1	30,2	22,8	20,0	15,6
Сибирский	31,5	53,7	52,3	46	36,5	27,6	25,5	23,7
Дальневосточный	30,2	49,9	49,9	42,7	34	24,7	19,6	18,2

* Регионы, входящие в состав Северо-Кавказского федерального округа, до 2008 года входили в состав Южного федерального округа.
Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Бессменными рекордсменами по смертности от суицидов являются Ненецкий (102,3 – в 2008 году и 43,2 – в 2017 году) и Чукотский (82,2 и 34,3) АО, Еврейская АО (56,6 и 41,7), республики Бурятия (73,3 и 39,6), Алтай (73,0 и 34,9) и Удмуртия (56,6 и 33,9), Забайкальский край (70,0 и 39,3), Амурская (56,2 и 35,7) и Курганская (50,5 и 35,8) области. Примечательно, что в подавляющем большинстве вышеперечисленные субъекты являются самыми малонаселенными в России (плотность населения в них составляет от 0,07 до 4,5 человека на кв. км), за исключением Удмуртии и Курганской области.

Несмотря на снижение уровня самоубийств за последнее десятилетие, отмечается рост данного показателя в республиках Чеченской (с 0,4 до 0,6 случаев на 100 тыс. населения), Карачаево-Черкесской (с 5,9 до 9,4) и Ингушетии (с 0 до 0,8).

В части регионов в 2008 году уровень самоубийств был ниже среднего по России, спустя 10 лет этот показатель превысил среднее значение (табл. 10). Подобная негативная динамика зафиксирована в Ямало-Ненецком АО, Воронежской, Белгородской, Тюменской, Смоленской, Ленинградской, Вологодской областях и Республике Адыгее. В ряде субъектов наблюдается, напротив, об-

Таблица 10. Смертность от суицидов в 2008 и 2017 гг. в регионах России, случаев на 100 тыс. чел. населения

Регион	2008 год	2017 год
Ямало-Ненецкий автономный округ	14,5	14,0
Воронежская область	18,3	15,6
Республика Адыгее	18,8	15,9
Белгородская область	21	15,9
Тюменская область	25,3	14,8
Смоленская область	25,9	14,6
Ленинградская область	26,1	14,3
Вологодская область	26,5	18,4
Российская Федерация	27,1	13,8
Свердловская область	29,9	11,6
Республика Татарстан	31,2	11,3
Астраханская область	32,1	0,4
Хабаровский край	40,9	0,5
Чувашская Республика	44,2	5,8
Республика Тыва	59,5	5,6

Источник: данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

ратная тенденция (из регионов с уровнем самоубийств «выше среднего» они перешли в категорию «ниже среднего»). К ним относятся Свердловская и Астраханская области, республики Тыва, Чувашская и Татарстан, а также Хабаровский край.

Социологическое измерения распространения признаков тревоги, депрессии и невроза (на примере Вологодского региона)

Мы проанализировали данные официальной статистики, согласно которым отмечаются безусловно положительные тенденции в сфере психического здоровья взрослого населения (снижение заболеваемости и болезненности психическими расстройствами, расстройствами поведения, алкоголизмом и наркоманией). Это может говорить об адаптации населения после происходивших событий в «лихие 90-е», а также кризисов в 2000-х. Однако противоречивость некоторых данных требует дополнительной, более репрезентативной диагностики всех тонкостей жизни, понимания и мироощущения людей. По всей видимости, статистика не может полноценно отражать состояние психического здоровья населения, особенно из-за сильного стигматизирующего фактора. ВОЗ рекомендует правительствам всех стран внедрять механизмы мониторинга воздействия изменений в экономической и социальной политике на состояние психического здоровья населения.

В связи с этим Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (далее – ВолНИЦ РАН) уже в течение 17 лет проводит мониторинг психологического климата и уровня распространения среди граждан Вологодской области некоторых психоэмоциональных состояний. Для начала отметим, что в сфере психического здоровья наиболее актуальны в современном обществе проблемы депрессии и возрастающей тревожности. Депрессия широко распространена во всем мире: по имеющимся оценкам, этим расстройством страдают 350 млн человек¹⁹. Депрессия как долговременная, так и эпизодическая может вносить су-

щественные помехи в повседневную жизнь, работу и учебу. Именно она чревата инвалидностью²⁰, ведет к тяжелым функциональным изменениям, а в наиболее запущенных формах – к самоубийству.

Группа тревожных расстройств считается самой распространенной среди психических расстройств, хоть и с меньшим бременем болезни (6 место по потерянным годам продуктивной жизни). Тревога является независимым фактором развития гипертонии и ишемии, ведет к смертности от сердечно-сосудистых заболеваний. В России недостаточно диагностируются как депрессивные, так и тревожные расстройства. В большинстве своем люди испытывают стойкое предубеждение по отношению к психиатрам, психотерапевтам и даже психологам и не склонны обращаться к специалистам. В странах с низким и средним уровнем дохода, по данным ВОЗ, 76–85% пациентов с психическими расстройствами не получают никакого лечения. В странах с высоким уровнем дохода в таком положении находятся 35–50%²¹.

Средний уровень распространения тревожных расстройств (в т. ч. ПТСР) – 7,6%, а расстройств настроения (в т. ч. депрессии) – 5,3% (согласно исследованию, проведенному в 17 странах, участвующих во Всемирном обследовании психического здоровья [46]). Это лишь приблизительная оценка, наблюдаемые уровни распространенности широко варьируются в зависимости от контекста и метода исследования²².

Представим результаты социологических опросов населения по поводу выявления признаков тревоги, депрессии и невроза среди жителей Вологодского региона. Отметим, что высококачественные исследования (с использованием диагностических методов, случайных выборок, а также выборок большого размера), как правило, демонстри-

¹⁹ Групповая интерперсональная терапия (ИПТ) при депрессии. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2018. 110 с.

²⁰ Психические расстройства: информ. бюл. ВОЗ от 9 апреля 2018 года. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail> (дата обращения 25.11.2018).

²¹ Там же.

²² Assessing mental health and psychosocial needs and resources. Toolkit for humanitarian settings. Geneva: World Health Organization, 2012. 84 p.



Рис. 4. Доля жителей Вологодской области, проявляющих симптомы тревоги, депрессии, невроза, % от числа опрошенных

Источник: данные социологических опросов населения Вологодской области ФГБУН ВолНЦ РАН, 2002–2018 гг.

руют более низкие уровни распространенности психических расстройств [46]. Считаем, что мониторинг, проводимый ВолНЦ РАН²³, соответствует вышеприведенным критериям высококачественного исследования.

Несмотря на положительные тенденции, демонстрирующие, что за годы исследований (с 2002 года) распространенность среди населения симптомов тревоги и депрессии сократилась на 20%, а невроза – в два раза (рис. 4), факт наличия у 40% жителей области признаков данных пограничных психоэмоциональных состояний вызывает беспокойство. Причем с 2015 года распространение депрессии среди населения расширяется и находится в 2018 году на уровне посткризисного 2009 года.

Стоит отметить, что достаточно высокий уровень распространения тревоги, депрессии и невроза отмечается во всех, в т. ч. и в благополучных, социально-демографических группах (в 2017 году 28% – среди молодежи, каждый третий – среди людей с высшим и незаконченным высшим обра-

зованием, среди «богатых и среднеобеспеченных» и среди городских жителей).

Разумеется, эти показатели несколько выше среди социально уязвимых категорий: пожилых (50%), малограмотных (46%) и малообеспеченных (57%), сельских жителей (50%). Поэтому они составляют группу риска и требуют повышенного внимания, профилактической и диагностической работы в сфере охраны их психического здоровья.

Стоит обратить внимание на то, что Вологодская область по статистическим показателям в сфере психического здоровья является достаточно благополучным регионом. Заболеваемость и болезненность психическими расстройствами и расстройствами поведения ниже, чем в целом по России, однако снижение этих показателей идет меньшими темпами. Негативным моментом является уровень смертности от самоубийств, который выше среднего по стране. Поэтому становится понятным столь широкое распространение в Вологодском регионе признаков тревоги, депрессии и невроза.

²³ Мониторинг общественного психического здоровья проводится ВолНЦ РАН с 2002 года с периодичностью один раз в год, с 2009 года – один раз в два года. Для определения симптомов тревоги, депрессии, невроза и степени их проявления используются методика экспресс-диагностики невроза К. Хека и Х. Хесса и госпитальная шкала тревоги и депрессии. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

Возможно, часть опрошенных нами лиц, имеющих симптомы пограничных психоэмоциональных расстройств, и относится к пациентам специализированных клиник. Но с учетом несоответствия масштабов распространения признаков тревоги, депрессии и невроза, зафиксированных посредством социологических опросов (40% жителей региона), и постоянно снижающихся официальных статистических данных о заболеваемости и болезненности психическими расстройствами (7000 человек, т. е. 0,6% населения области) их доля ничтожно мала. И скорее всего они никогда в своей жизни не имели дел со специалистами соответствующего медицинского профиля, однако, по всей видимости, являются пациентами соматической сети, увеличивая нагрузку на врачей общей практики: терапевтов, неврологов, кардиологов, гастроэнтерологов и др. Согласно докладом ВОЗ, до 40% пациентов соматической медицины не нуждаются ни в какой медицинской помощи, кроме психотерапии [8]. Следовательно они не получают квалифицированной помощи, им предоставляется ненужное (иногда даже вредное) медикаментозное лечение у врачей общего профиля, которые зачастую не обладают навыками распознавания и лечения психосоматических расстройств.

В нашей стране существует дисбаланс в отношении соматической медицины и специалистов в сфере психического здоровья. Системы раннего (или активного) выявления предрасположенности к психопатологии у нас нет [8, с. 11]. Депрессия, в свою очередь, представляет собой широко распространенное, рецидивирующее и обладающее значительным негативным воздействием расстройство, поэтому крайне важно повысить уровень информированности о ней и обеспечить методы ее предупреждения и эффективного лечения²⁴. Раннее выявление и адекватное лечение психических расстройств (особенно депрессии) становится главным направлением в политике

²⁴ Групповая интерперсональная терапия (ИПТ) при депрессии. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2018. 110 с.

предотвращения самоубийств. Увеличение объемов применения антидепрессантов нового поколения и, соответственно, числа пациентов, получающих такое лечение [28], привело к снижению числа суицидов в 27 странах [47]. Трудно оспаривать актуальность и значимость инициативы сотрудничества врачей разных специальностей, а также добровольцев [48] в лечении и профилактике психических расстройств и самоубийств. Обучение врачей общей практики навыкам ранней диагностики депрессии и ее лечения способствует снижению уровня распространенности суицидов на 20% [49].

По данным исследования, проведенного в 2016 году под руководством ВОЗ, каждый доллар, инвестированный в лечение депрессии и тревожных расстройств, оборачивается 4 долларами в виде улучшенного здоровья и способности работать [50].

К сожалению, в большинстве стран мира психическому здоровью и психическим расстройствам не уделяется такого же серьезного внимания, как и вопросам физического здоровья.

Как справедливо заметил Президент Группы Всемирного банка Джим Ен Ким «Несмотря на то, что сотни миллионов людей во всем мире страдают от психических расстройств, психическое здоровье остается в тени». По его мнению, «это не просто проблема общественного здравоохранения – экономика просто не может себе позволить снижения производительности труда»²⁵. Поэтому укрепление психического здоровья должно стать глобальным гуманитарным приоритетом и приоритетом в области развития каждой страны.

Заключение

Таким образом, автором статьи проанализированы многочисленные литературные отечественные и зарубежные источники

²⁵ Инвестиции в лечение депрессии и тревожных расстройств окупаются в четырехкратном размере: выпуск новостей ВОЗ. Вашингтон, округ Колумбия, США. 2016. 13 апреля. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/detail/13-04-2016-investing-in-treatment-for-depression-and-anxiety-leads-to-fourfold-return> (дата обращения 29.11.2018).

ки, российские и региональные показатели смертности от самоубийств, заболеваемости и болезненности психическими расстройствами и расстройствами поведения, инвалидности среди всего населения, а также детей и подростков. В результате исследования можно сделать следующие выводы.

1. Проблема охраны психического здоровья актуальна в силу значительных экономических потерь (прямых, косвенных), вызванных в первую очередь распространением депрессии (влекущей инвалидность) и преждевременной смертности вследствие самоубийств. Глобальное бремя от душевных расстройств, по данным различных исследований, составляет от 2,5 до 7,5% ВВП страны.

2. Анализ статистики позволил выявить следующие положительные тенденции в сфере психического здоровья населения за последние 25 лет. Заболеваемость душевными расстройствами сократилась в 2,2 раза, болезненность – на треть. Численность взрослых россиян, впервые признанных инвалидами вследствие душевных заболеваний, сократилась на четверть. Растет число обратившихся за лечебно-консультативной помощью в связи с психическим заболеванием и численность тех, кому оказывается данная помощь (в 2 раза, а детей – почти в три раза). Уровень самоубийств снизился с 1995 года в три раза, за последние 10 лет – вдвое (в 2017 году данный показатель составил 13,8 случая на 100 тыс. чел. населения).

3. Однако отмечаются некоторые тревожные тенденции в области психического здоровья населения. Так, выявлен устойчивый рост заболеваемости детей до 14 лет психозами и состояниями слабоумия (на треть), а болезненности – на 40%. Число детей, состоящих на учете в связи с шизофренией, остается выше, чем 20 лет назад, на четверть. Растет численность подростков 15–17 лет, больных шизофренией (с 1995 года на 50%). По сравнению с 2000 годом увеличилась и численность подростков, состоящих на учете в связи с психозами и состояниями слабоумия. Наблюдается рост численности детей-инвалидов по причине психических расстройств и расстройств поведения (на треть с 2000

года), а также их доли (25%) среди причин инвалидности у детей. Отмечается рост суицидальной активности в регионах с традиционно низким (стремящимся к нулю) уровнем самоубийств (республиках Ингушетии, Чеченской и Карачаево-Черкесской). Ямало-Ненецкий АО, Воронежская, Белгородская, Тюменская, Смоленская, Ленинградская, Вологодская области и Республика Адыгея являются теми субъектами, в которых в 2008 году отмечался уровень самоубийств ниже среднего по России, спустя 10 лет превысивший среднее значение.

4. Данные медицинской статистики не отражают в полной мере состояние душевного здоровья населения. В основном это вызвано проблемой стигматизации. Данное положение доказано на примере социологического исследования, проведенного в Вологодском регионе, достаточно благополучном в плане психического здоровья по данным официальной статистики. Опрос продемонстрировал, что около 40% населения области имеет признаки тревоги, депрессии и невроза, доля за годы исследования не опускалась ниже отметки 36%. По-видимому, в связи с этим в регионе наблюдается уровень суицидов выше среднероссийского. Таким образом, для объективного отражения действительности требуются разработка и проведение мониторинга общественного психического здоровья.

Ограничения и перспективы исследования

Отметим, что автором представлена лишь часть результатов. Для отражения истинного положения дел в дальнейшем мы планируем более глубокий анализ данных кадровой психиатрической службы, уровня преступности и девиантного поведения, данных о суицидальных попытках среди всего населения, а также среди душевнобольных, более подробное изучение медицинских карт лиц, состоящих на учете в ЛПУ, и многое другое.

Мониторинг психологического климата в Вологодском регионе, проводимый ВолНЦ РАН, также включает более широкий спектр тем и показателей (социальное настроение,

уровень фрустрации, уровень удовлетворенности жизнью, ценностно-нравственные показатели и многое другое). Некоторые результаты уже представлены ранее [51–55], публикация иных еще планируется в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ginn S., Horder J. «One in four» with a mental health problem: the anatomy of a statistic. *British Medical Journal*, 2012, vol. 344, p. 1302.
2. Steel Z., Marnane C., Iranpour C. The global prevalence of common mental disorders: a systematic review and meta-analysis 1980–2013. *International Journal of Epidemiology*, 2014, vol. 43, pp. 476–493.
3. Lozano R., Naghavi M., Foreman K. Global and regional mortality from 235 causes of death for 20 age groups in 1990 and 2010: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2010. *Lancet*, 2012, vol. 380 (9859), pp. 2095–2128.
4. Global Burden of Disease Study 2013 Collaborators. Global, regional, and national incidence, prevalence, and years lived with disability for 301 acute and chronic diseases and injuries in 188 countries, 1990–2013: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2013. *Lancet*, 2015, vol. 386, pp. 743–800.
5. Atun R. Transitioning health systems for multimorbidity. *Lancet*, 2015, vol. 386, pp. 721–722.
6. Bloom D. 7 billion and counting. *Science*, 2011, vol. 333, pp. 562–569.
7. Крот К.В., Мешалкина С.Ю., Слободенюк Е.В. Социально-экономическая значимость психических расстройств: региональные аспекты // *Дальневост. мед. журн.* 2016. № 1. С. 91–96.
8. Решетников М.М. Психическое здоровье населения – современные тенденции и старые проблемы // *Нац. психолог. журн.* 2015. № 1 (17). С. 9–15.
9. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Психическое здоровье населения России: что день грядущий нам готовит? // *Психическое здоровье.* 2013. № 9. С. 75–83.
10. Desjarlais R. *World mental health: problems and priorities in low income countries.* New York: Oxford University Press Inc., 1995. 383 p.
11. Коблова А.А., Кром И.Л., Новичкова И.Ю. Социальные риски психического здоровья: медико-социологическая интерпретация // *Современные проблемы науки и образования.* 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7635> (дата обращения 23.11.2018).
12. Румянцева Г.М., Чинкина О.В., Левина Т.М. Психосоматические аспекты развития психических нарушений у ликвидаторов аварии на ЧАЭС // *Психиатрия и психофармакология.* 2002. № 1. С. 7–9.
13. Байда С.Е. Геофизическое оружие – новая угроза миру // *Глобальные тенденции развития мира: мат-лы Всерос. науч. конф., 14 июня 2011 г. / ИНИОН РАН (г. Москва). М.: Научный эксперт, 2012. С. 394–407.*
14. Cohen J. The GBO Study: a useful projection of future global health. *Journal of Public Health Medicine*, 2000, vol. 2, no. 4, pp. 518–524.
15. Eaton W.W., Martins S.S., Nestadt G., Bienvenu O., Clarke D., Alexandre P. The Burden of Mental Disorders. *Epidemiology Reviews*, 2008, no. 30, pp. 1–14.
16. Kessler R.C., Aguilar-Gasiola S. The global burden of mental disorders: an update from the WHO World Mental Health (WMH) Surveys. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 2009, vol. 18, no. 1, pp. 23–33.

17. Vigo D., Thornicroft G., Atun R. Estimating the true global burden of mental illness. *Lancet Psychiatry*, 2016, vol. 3, pp. 171–178.
18. The WHO World Mental Health Survey Consortium Prevalence, severity, and unmet need for treatment of mental disorders in the World Health Organization World Mental Health Surveys. *The Journal of the American Medical Association*, 2004, no. 291, pp. 2581–2589.
19. Lopez A., Murray C. The global burden of disease, 1990–2020. *Nature Medicine*, 1998, vol. 4, pp. 1241–1243.
20. Hilton M.F., Scuffham P.A., Vecchio N., Whiteford H.A. Using the interaction of mental health symptoms and treatment status to estimate lost employee productivity. *The Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2010, no. 44 (2), pp. 151–161.
21. Dasapriya E., Iwase N. Stigma of mental illness in Japan. *Lancet Psychiatry*, 2002, no. 359, pp. 1886.
22. Kawakami N., Shimizu A. Hetal Lifetime and 6-month prevalence of DSM-III-R psychiatric disorders in an urban community in Japan. *Psychiatry Reseach*, 2004, no. 121, pp. 293–301.
23. Kawakami N., Takeshima T. Twelve-month prevalence, severity, and treatment of common mental disorders in communities in Japan: preliminary finding from the World Mental Health Japan Survey 2002–2003. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 2005, no. 59, pp. 441–452.
24. Andin-Sobockil P., Jonsson B., Wittchen H.-U., Olesen J. Costs of Disorders of the Brain in Europe. *The European Journal of Neurology*, 2005, no.12 (1), pp. 1–27.
25. Greenberg P.E., Kessler R.C., Birnbaum H.G. The economic burden of depression in the United States: how did it change between 1990 and 2000? *The Journal of clinical psychiatry*, 2003, no. 64, pp. 1465–1475.
26. Васькова Л.Б., Мусина Н.З. Методы и методики фармакоэкономических исследований. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. 112 с.
27. Гурович И.Я., Любов Е.Б. Фармакоэпидемиология и фармакоэкономика в психиатрии. М.: Медпрактика, 2003. 264 с.
28. Гурович И.Я., Любов Е.Б. Бремя депрессивных расстройств в отечественных психиатрических службах // Журнал неврологии и психиатрии. 2010. № 3. С. 77–82.
29. Куликов А.Ю., Дедюрина Ю.М. Анализ стоимости болезни лечения пациентов, страдающих депрессивными расстройствами в условиях здравоохранения РФ // Фармакоэкономика. 2011. Т. 4. № 1. С. 24–33.
30. Экономическая оценка последствий психических заболеваний: метод. рек. для врачей и организаторов здравоохранения / В.С. Ястребов [и др.]. М.: МАКС Пресс, 2009. 32 с.
31. Экономическая оценка масштаба вложений и потерь вследствие психических заболеваний / В.С. Ястребов [и др.] // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. № 4. С. 21–28.
32. Шматова Ю.Е., Фалалеева О.И., Гулин К.А. Общественное психическое здоровье: тенденции и проблемы. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. 186 с.
33. Murray C.L., Lopez A.D. Progress and directions in refining the global burden of disease approach: a response to Williams. *Health Economics*, 2000, vol. 9, pp. 69–82.
34. Platt S. Unemployment and suicidal behavior: a review of the literature. *Social Science & Medicine*, 1984, vol. 19 (2), pp. 93–115.
35. Gunnell D. Suicide and unemployment in yang people. Analysis of trends in England and Wales, 1921–1995. *British Journal of Psychiatry*, 1999, vol. 175, pp. 263–270.

36. Kposowa A.J. Unemployment and suicide: a cohort analysis of social factors predicting suicide in the US National Longitudinal Mortality Study. *Psychological Medicine*, 2001, vol. 31 (1), pp. 127–138.
37. Интернет-зависимость – болезнь нового поколения / Ю.В. Калинина [и др.] // Гаудеамус. 2012. № 2 (20). С. 129–132.
38. Егоров А.Ю., Кузнецова Н., Петрова Е. Особенности личности подростков с интернет-зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2005. Т. 5. № 2. С. 20–27.
39. Ярушкин Н.Н., Сатонина Н.Н. Информационный экстремизм в интернете как средство манипулирования сознанием // Самар. науч. вестн. 2014. № 2 (7). С. 140–144.
40. Лукина Н.А. К вопросу о значимости интернет-общения в юношеском возрасте // Вестн. Самар. гос. техн. ун-та. Сер. «Психолого-педагогические науки». 2012. № 1. С. 103–108.
41. Серебrenикова Ю.В. Влияние компьютерных игр на агрессивность у подростков 14–15 лет // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер. «Педагогика, психология». 2014. № 1 (16). С. 192–196.
42. Григорьева О.В., Ванюхина Н.В. Психоэмоциональная сфера подростков с зависимостью от интернета // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 3. С. 32–35.
43. Мартынихин И. Снижение заболеваемости психическими расстройствами в России: истинная тенденция или артефакт? URL: <https://psychiatr.ru/news/525> (дата обращения 30.11.2018).
44. Шматова Ю.Е., Морев М.В., Любов Е.Б. Экономическое бремя социально-значимых болезней и девиантного поведения населения Вологодской области // Суицидология. 2014. Т. 5. № 3 (16). С. 59–64.
45. Морев М.В., Шматова Ю.Е., Любов Е.Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект // Суицидология. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 3–11.
46. Steel Z. Association of torture and other potentially traumatic events with mental health outcomes among populations exposed to mass conflict and displacement: a systematic review and meta-analysis. *JAMA*, 2009, vol. 302 (5), pp. 537–549.
47. Ludwig J., Marcotte D.E. Anti-depressants, suicide, and drug regulation. *Journal of Policy Analysis and Management*, 2005, vol. 24, pp. 249–272.
48. Любов Е.Б. Комментарий. Предупреждение суицидов: информированный оптимизм // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. Т. 23. № 1. С. 49.
49. Краснов В.Н. Расстройства аффективного спектра. М.: Практическая медицина, 2011. 432 с.
50. Chisholm D., et al. Scaling-up treatment of depression and anxiety: a global return on investment analysis. *Lancet Psychiatry*, 2016, vol. 3, no. 5, pp. 415–424.
51. Шабuнова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
52. Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 141–162.
53. Проблемы социальной консолидации: инвалиды в региональном сообществе: монография / колл. авт. под рук. А.А. Шабuновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 134 с.

54. Морев М.В., Смолева Е.О. Возможности социологического инструментария в диагностировании латентных тенденций общественного психического здоровья (на примере Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 3. С. 26–45.
55. Морев М.В., Шматова Ю.Е. К актуальности вопроса о роли доверия в формировании социального здоровья российского общества // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 88–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шматова Юлия Евгеньевна – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ueshmatova@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-02.

Shmatova Yu.E.

DYNAMICS OF STATISTICAL AND SOCIOLOGICAL INDICATORS OF MENTAL HEALTH OF THE RUSSIAN POPULATION

In connection with the significant burden of mental disorders it is important to determining the extent of their spread. The study aim is to identify and correlate key epidemiological indicators of mental health with data obtained in the sociological survey of the level of distribution of some borderline psycho-emotional disorders in the region. The author's research is based on the following methods and tools: theoretical analysis of literary sources; study, comparative analysis and generalization of information; system analysis; statistical methods; monitoring, sociological survey, and questionnaire survey. The paper presents a generalized analysis of foreign and domestic research in the field of assessing the economic burden of mental disorders and suicides. It discloses key trends of suicidal activity, morbidity and prevalence rate of mental disorders, and disability due to these diseases among adults and children in modern Russia. Evaluation of statistical data is supplemented by results of the sociological monitoring conducted by the Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences" since 2002, devoted to the spread of signs of anxiety, depression and neurotic disorders in the Vologda Oblast. The conclusion is made about the discrepancy between statistical and sociological data on the extent of mental disorders. It is necessary to develop an integrated interdisciplinary approach to the early detection, diagnosis and treatment of anxiety and depression and suicidal ideation, especially among patients of the general somatic network. Special attention should be given to working with parasuicides. The study results can be used by regional executive authorities as a scientific basis for elaboration and implementation of programs to strengthen and protect population's mental health in order to preserve labor potential of the region, improve quality of life of the mentally ill and their families and, as a consequence, minimize economic damage to society.

Mental health, burden of mental disorders, morbidity of mental disorders, prevalence rate of mental disorders, the disabled, suicides, suicide attempts, depression.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shmatova Yuliya Evgen'evna – Ph.D. in Economics, Research Associate of the Department for the Studies of Living Standards and Lifestyle. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: ueshmatova@mail.ru. Phone: +7 (8172) 59-78-02.

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.6

УДК 314.72 | ББК 60.7

© Будилов А.П.

ВНУТРИРОССИЙСКАЯ МИГРАЦИЯ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ И ЕЕ ФАКТОРЫ



БУДИЛОВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: volnc@yandex.ru

В современных условиях развития российского общества, увеличения миграционной мобильности населения происходит заметное изменение распределения граждан на территории государства, что, безусловно, оказывает воздействие на социально-экономическое развитие регионов. Исследование главных тенденций миграции на уровне всей страны не дает объективного представления о характере перемещений на ее территории. Оценка внутренних миграционных процессов возможна только при учете территориальных различий регионов. В статье проводится анализ межрегиональных перемещений населения во взаимосвязи с социально-экономическим положением субъектов в 2006 и 2016 годах. Для осуществления данного исследования регионы были распределены по группам в зависимости от миграционного прироста (убыли). Сравнение полученных групп и основных параметров социально-экономического развития территорий дает возможность оценить структурные изменения региональных миграционных процессов и социально-экономического положения. Исходной базой для проведения анализа являются статистические данные по 85 субъектам Российской Федерации за 2006 и 2016 годы. В результате проведенного исследования было определено, что миграционные потоки в Российской Федерации в основном связаны с социально-экономическим положением жителей региона. Субъекты неоднородны по структуре миграционных потоков, число регионов с миграционной убылью выросло за рассматриваемый период, а разрыв в

Для цитирования Будилов А.П. Внутривоссийская миграция: дифференциация регионов и ее факторы // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 97–106. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.6

For citation: Budilov A.P. Domestic migration: differentiation of regions and its factors. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 97–106. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.6

социально-экономическом развитии между регионами, наоборот, сократился. Данный акт требует более глубокого изучения и осмысления относительно факторов внутри-российской миграции населения, т. к. может свидетельствовать о смене их иерархии и вероятности появления новых мотивов, например, самоценности смены места жительства. Результаты исследования могут представлять практический интерес для исследователей в области демографии, миграции и социологии, а также представителей органов власти, реализующих демографическую, миграционную и социальную политику.

Демография, миграция, внутренняя миграция, миграционные потоки, социально-экономическое развитие.

Введение

Человек с самого начала его появления находится в постоянном движении: естественном, социальном, миграционном. Миграция населения является сложным социальным явлением, приводящим к количественному и качественному изменению населения того или иного региона, государства в целом [1 – 3].

В состав Российской Федерации входят 85 субъектов, которые имеют существенные отличия по социально-экономическому положению и, соответственно, обладают различной степенью привлекательности для переезда внутренних мигрантов. В результате внутрироссийское миграционное движение носит разнонаправленный характер, оказывает существенное воздействие на демографическое развитие, при этом влияя не только на численность территорий прибытия и выбытия, но и на изменение их демографических характеристик [4–6].

Чтобы минимизировать негативные последствия от внутренней миграции, необходимо осуществление правильной и выверенной миграционной политики в стране и в регионах. Для того чтобы ее построение происходило наиболее эффективно, необходимо детализированное изучение межрегиональных перемещений населения [7–9], поэтому следует оценить миграционное движение во взаимосвязи с социально-экономическим положением регионов [10; 11], что и стало целью данной работы.

Теория и методология

В российском научном сообществе принято, что в широком понимании под мигра-

цией населения понимается совокупность фиксируемых различными способами как безвозвратных, так и возвратных перемещений между разными населенными пунктами. В узком смысле миграция населения трактуется как совокупность регистрируемых безвозвратных перемещений, совершаемых между разными населенными пунктами [12]. Среди зарубежных исследователей изучением миграции населения в различных смыслах этого слова широко занимались J.C. Hunt, J.B. Kau, J.H. Johnson, J. Salt, G.K. Zipf, G.J. Borjas [13–16]. Анализ процесса миграции населения невозможен без понимания причинно-следственных связей, а именно фактора его следствия, где фактор занимает первое место [17].

На миграционные потоки оказывают влияние различные факторы, представляющие собой совокупность социальных условий, в которых они протекают. Факторы оказывают влияние на их объем, интенсивность, направление и другие параметры. За рубежом исследованием факторов занимались E.S. Lee, W.J. Reilly, E.C. Young, P. Svarc [18–21]. В отечественной теории миграционного процесса изучению факторов также оказано большое внимание.

Существуют различные классификации факторов. Так, в зависимости от возможностей регулирования их влияния на миграционные процессы факторы распределяются по трем группам: неуправляемые, постоянно действующие факторы, «временные» факторы, которые могут регулироваться косвенным воздействием, и регулируемые временные факторы.

В первую группу факторов миграции входят географическое положение местности и

ее природные компоненты: метеорологические, геологические, фито- и зоогеографические и т. д. Высокие перепады сезонных температур, заболоченность, землетрясения, наводнения, кровососущие насекомые и т. п. часто в большей мере способствуют оттоку населения, чем остальные факторы.

Вторая группа включает факторы, которые могут быть изменены постепенно: уровень освоенности территорий, в том числе создание производственной и социальной инфраструктуры, половой, возрастной, этнический состав населения.

К третьей группе относятся следующие факторы: увеличение заработной платы, установление или отмена определенных льгот, кадровая политика, изменения в национальной политике.

К примеру, повышенные коэффициенты к заработной плате и различного рода льготы в районах Крайнего Севера России привлекали туда до середины 80-х гг. трудовые ресурсы.

В.И. Переведенцев разделял факторы на две группы. Первую группу составляют субъективные факторы, находящиеся на стороне человека, индивида, вторую – объективные факторы, находящиеся на стороне «мира». Различие данных групп факторов заключается в том, что стремление к перемене места жительства – это одно из свойств человека (личности), а объективные факторы лишь придают определенную «форму», «рисунок» миграционным процессам.

Объективные факторы миграции населения можно определить как территориальные различия в значимых для человека условиях жизни; большинство из них плавно регулируются обществом.

Помимо данного разделения на группы автором представлена классификация объективных факторов миграции населения. В свою очередь, объективные факторы делятся на естественные (природные – территориальные различия в природных условиях) и общественные (социальные – территориальные различия в общественных условиях) [22].

К естественным (природно-климатическим) факторам можно отнести оро-

графические, почвенные, гидрологические, геологические, климатические, фито- и зоогеографические. Влияние природных факторов может быть либо прямым, либо опосредованным, так как природные условия – естественная основа многих производств. К общественным факторам можно отнести демографические, этнические, экономические, социологические, социально-психологические.

Наиболее популярна в научной среде классификация факторов, разграничивающая их в зависимости от сфер регулирования на экономические, социальные (социокультурные), институциональные, демографические и географические [23–25]. При этом, по мнению большинства ученых, первоочередную роль играют экономические и социальные факторы [26–28]. В период отсутствия влияния факторов «революционного» характера, таких как чрезвычайные природные или техногенные катастрофы (например, взрыв на Чернобыльской АЭС), политические или военные обстоятельства (репрессии и переселения народов, военные действия), их действие объективно становится ведущим. Именно такая ситуация сложилась в начале XXI века, что определило период данного исследования.

Для осуществления детализированной оценки миграционного движения необходимо классифицировать миграционные потоки населения в зависимости от миграционного притока (оттока) и определить их зависимость от социально-экономического положения территорий [29].

Исходной базой для проведения группировки субъектов по внутренней миграции являются статистические данные по 85 субъектам Российской Федерации за 2006 и 2016 годы. В первую очередь будет оценен результат миграционного движения во всех регионах России, на основании чего будет определена миграционная привлекательность территорий (по коэффициенту миграционного прироста или оттока). В результате этого они будут разделены на три группы: регионы с высокой миграционной убылью, регионы с высоким миграционным прито-

ком и территории относительной стабильности. Границы групп определены как 60% значений, близких к максимальному в положительной и отрицательной зонах (миграционный прирост и миграционная убыль).

После группировки по миграционному приросту будет оценено социально-экономическое положение субъектов, относящихся к выделенным типам. Для проведения данной оценки сформирована система показателей, которая позволяла емко и кратко его характеризовать. На основании главенства экономических и социальных факторов миграции было принято, что для оценки ее взаимосвязи с социально-экономическими условиями такими показателями будут являться среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (x_1 , руб.), уровень зарегистрированной безработицы населения (x_2 , %), средняя ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении (x_3 , лет), численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (x_4 , на 1000 человек населения).

Перечисленные показатели в качестве маркеров социально-экономического положения были отобраны исходя из следующих обстоятельств. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата показывает сумму, которую граждане получают за свой труд. В течение трудовой деятельности люди, как правило, стараются найти более выгодную для себя работу, и главным критерием ее выбора обычно является уровень оплаты труда [30; 31]. Поэтому субъекты, где уровень доходов наиболее высок, притягивают к себе трудовых мигрантов, а регионы с низким уровнем заработной платы их отталкивают [32].

Уровень зарегистрированной безработицы населения характеризует уровень развития (или деградации) экономики региона, а также показывает процент экономически активного населения без постоянной занятости. Люди, не имеющие постоянной работы [33], часто уезжают на заработки в более привлекательные регионы, что также важно учитывать.

Средняя продолжительность предстоящей жизни является оценкой эффективности демографических и социальных процессов, позволяющей итоговым образом охарактеризовать социально-демографическую обстановку в регионе [34; 35].

Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 1000 человек населения показывает возможность получения в регионе необходимого образования и, соответственно, привлекательность региона для образовательных мигрантов.

Далее для выделенных на первом этапе исследования групп по миграционной привлекательности будут рассчитаны средние значения отобранных показателей, что позволит оценить взаимосвязь внутренней миграции и социально-экономического развития регионов или ее отсутствие.

Результаты и их обсуждение

Согласно принятому принципу, в 2006 году в первую группу регионов с высокой миграционной убылью вошли территории со значениями коэффициента миграционного прироста в диапазоне от -154 до -64‰, во вторую группу регионов с относительной стабильностью – от -63 до 52‰, в третью группу с высоким миграционным приростом – от 53 до 105‰.

Субъекты между тремя группами распределены неравномерно. Так, в 2006 году в благополучную третью группу входило 3 субъекта, что составляет всего 3,5% от общего числа регионов. Первая, самая неблагоприятная, группа включает 6 регионов страны. Остальные территории составили группу регионов относительной стабильности (табл. 1). В 2016 году ситуация изменилась, число субъектов первой и третьей групп увеличилось.

Для анализа социально-экономических параметров полученных групп проанализируем средние значения отобранных показателей. В целом средние значения показателей при переходе от первой группы к третьей улучшаются, за исключением лишь среднемесячной заработной платы, ее зна-

Таблица 1. Распределение регионов по миграционной привлекательности в 2006 и 2016 гг.

Регионы с высокой миграционной убылью		Регионы с высоким миграционным приростом	
2006 год	2016 год	2006 год	2016 год
Магаданская область Красноярский край Камчатская область Республика Коми Республика Калмыкия Карачаево-Черкесская Республика	Чукотский автономный округ Еврейская автономная область Республика Коми Архангельская область Республика Калмыкия Забайкальский край Мурманская область Камчатский край Архангельская область Курганская область Карачаево-Черкесская Республика Магаданская область Республика Северная Осетия – Алания Республика Саха (Якутия) Республика Тыва	Белгородская область Ленинградская область Московская область	г. Санкт-Петербург Калининградская область Краснодарский край Тюменская область Ленинградская область Московская область г. Севастополь
6 регионов	15 регионов	3 региона	7 регионов

Составлено по: данные Росстата.
В таблице представлены регионы с высокими показателями миграционной убыли или прироста; к группе регионов относительной миграционной стабильности относятся все неуказанные регионы РФ.

Таблица 2. Средние значения показателей по группам в 2006 году

Показатель	Регионы с высокой миграционной убылью	Регионы относительной стабильности	Регионы с высоким миграционным приростом
x1, руб.	13378,63	9423,35	10271,70
x2, %	4,61	3,81	1,07
x3, лет	64,79	65,79	66,24
x4, ‰	42,30	43,22	27,57

Составлено по: данные Росстата.

чения существенно выше в первой группе (табл. 2). Т. е. более привлекательны регионы с относительно более благополучным социально-экономическим положением.

Самая малочисленная – третья группа. Все регионы, входящие в нее, имеют высокий миграционный прирост в сочетании с высокими показателями социально-экономического положения (за исключением заработной платы, относительно более низкой, чем в первой группе).

Средние значения второй группы регионов были выше значений показателей первой. В среднем миграционный прирост в этих регионах был отрицателен (-3,09‰). Причем следует отметить, что в 30 регионах второй группы миграционный баланс был положительный. Средняя заработная плата

была на 30% ниже, чем в регионах первой группы, а уровень безработицы на 17% ниже.

В первую группу вошли регионы с самыми низкими показателями социально-экономического положения населения (за исключением среднемесячной заработной платы, которая увеличивается с помощью «северного» коэффициента для повышения привлекательности территорий). Уровень безработицы в среднем немного превышал 4,6%, а продолжительность жизни была ниже на один и два года, чем во второй и третьей группе соответственно.

В 2016 году в первую группу вошло 16 субъектов. К ним в основном относятся субъекты Дальнего Востока и Сибири. Интересным является то, что средняя заработная плата в этих субъектах выше, чем в других

Таблица 3. Средние значения показателей по группам в 2016 году

Показатель	Регионы с высокой миграционной убылью	Регионы относительной стабильности	Регионы с высоким миграционным приростом
Миграционный прирост (убыль)	от -10,3 до -4,2	от -4,1 до 7,8	от 7,9 до 30,8
x1, руб.	44189,53	28626,56	35379,71
x2, %	2,07	1,51	0,57
x3, лет	69,74	71,31	72,36
x4, ‰	20,29	26,79	27,50
Составлено по: данные Росстата.			

группах, и составляет 44189,53 руб. в месяц, притом что уровень безработицы в 1,4 и в 3,6 раза выше, чем во второй и третьей группе соответственно, средняя продолжительность жизни в регионах рассматриваемой группы немного, но ниже, чем в двух других (69,74 года). Главной причиной миграционной убыли является то, что на территории той части Российской Федерации, где находится большая часть субъектов третьей группы, депрессивная обстановка. Имеется мало возможностей для реализации личных запросов населения, а социальная инфраструктура слаборазвита. В данном случае сказывается и климатический фактор, что в совокупности и предопределяет миграционную убыль населения.

Вторая группа вновь самая многочисленная, в нее вошел 61 регион страны. В половине из них зафиксировано незначительное, но положительное сальдо миграции. Поэтому при активной миграционной политике, совершенствовании имеющихся и принятии новых государственных программ, направленных на стимулирование притока внутренних мигрантов и сдерживание их оттока, обстановка в перспективе может стать более привлекательной, а приток новых жителей может значительно увеличиться, как это получилось у ряда субъектов, которые переместились из этой группы в третью по сравнению с 2006 годом.

Группа № 3 состоит из семи субъектов. Их главной особенностью является развитая экономика и высокий уровень жизни населения. Уровень безработицы минимальный – 0,57% от экономически активного населения, при

этом продолжительность жизни самая высокая (в среднем 72,36 лет), что свидетельствует о высоком уровне социально-демографического развития.

Результаты анализа соотношения миграционного притока (оттока) по выбранным показателям в 2006 и 2016 гг. позволяют сделать следующие выводы. При том что существенно сократился диапазон значений коэффициента миграционного прироста и в целом ситуация стала более стабильной, ряд регионов сменил группу по миграционной привлекательности («улучшили» положение г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Краснодарский край, Тюменская область, г. Севастополь, Белгородская область и др., «ухудшили» – Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, Архангельская область, Забайкальский край, Мурманская область, Архангельская область, Курганская область, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Белгородская область и др.). Переход регионов из группы в группу происходил без резких скачков, а именно: часть субъектов из третьей группы переместилась во вторую, а из второй в первую, часть регионов из второй группы переместилась в третью. Однако следует обратить особое внимание на 10 регионов, которые за 10 лет не смогли скоординировать свою внутреннюю ситуацию и переместились из второй группы в первую.

67 субъектов вообще не поменяли своих позиций, из них 6 регионов группы № 1, 59 субъектов группы № 2 и 2 региона группы № 3. Из этого следует, что в субъектах, кото-

рые входят в первую и вторую группу и не поменяли своих позиций, проводившиеся программы, направленные на регулирование миграционных потоков, также пока не имели заметных и значительных успехов. Чего нельзя сказать об оставшихся 5 субъектах второй группы, которые переместились в третью, что, безусловно, свидетельствует об успешности политики местной власти в области миграции и уровня жизни населения.

Для того чтобы остановить процесс потерь населения рядом субъектов нашей страны и улучшить их общую обстановку следует в срочном порядке принимать комплекс специальных социально-экономических программ. Так, очень тяжелая ситуация складывается на Дальнем Востоке России и в Сибири. В мае 2012 года в том числе для решения этих задач было создано Министерство по развитию Дальнего Востока, цель которого обеспечение целевых программ (федеральных, региональных и отраслевых проектов, а также программ корпораций) по развитию Дальнего Востока, однако его приоритетом должно стать прежде всего сохранение численности постоянного населения за счет улучшения социально-экономического положения [36].

Повышение миграционной привлекательности регионов главным образом связано с развитием необходимой социальной инфраструктуры, предусматривающей не просто строительство дорог, аэропортов и т. п., но и изменение облика населенных пунктов, создание комфортной городской среды, развитие транспортной сети, систем здравоохранения и образования. Без комплексного подхода в этом вопросе не-

возможно существенно повысить качество жизни населения, стимулировать приток и уменьшить отток коренных жителей регионов, теряющих население.

Заключение

В завершение проведенного анализа следует отметить, что внутренняя миграция населения в Российской Федерации в основном имеет центростремительный характер и обусловлена социально-экономическими причинами. Факт зависимости миграционного процесса от качества жизни подтверждается наличием группы регионов, в которых относительно более высокий уровень оплаты труда не компенсирует некомфортность природных и социальных условий, отток населения в них сохраняется. При этом что с 2006 по 2016 год интенсивность миграции снизилась, число регионов с миграционной убылью (пусть и небольшой) существенно выросло. При этом дифференциация регионов по социально-экономическому положению также снизилась, что свидетельствует о повышении мобильности граждан вообще.

Однако даже при самых оптимистических прогнозах группы регионов с более высоким уровнем жизни населения и, следовательно, более привлекательными условиями для внутренних мигрантов будут существовать. Поэтому основной целью деятельности региональных властей должна стать работа со стабильной миграционной убылью населения, в ходе которой необходимо менять или хотя бы сдерживать ситуацию и для начала приблизить данный показатель к нулю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаковский Л.Л. Практическая демография. М.: ЦСП, 2005. 280 с.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. М.: Наука, 2001. 114 с.
3. Хомра А.У. Миграция населения: вопросы теории, методика исследования. Киев: Наукова Думка, 1979. 346 с.
4. Калачикова О.Н., Будилов А.П. К вопросу об измерении миграционных процессов // Проблемы развития территории. 2018. № 4. С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.1

5. Zlotnic H. Trends of international migration since 1965, what existing data reveal. *International Migration*, 1999, vol. 37, pp. 21–61.
6. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004. 285 с.
7. Castles S., Miller M.J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. London: MacMillan Press Ltd., 2009, pp. 326–327.
8. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.
9. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. 525 с.
10. Эльдяева Н.А., Кованова Е.С. Оценка влияния внутренней трудовой миграции населения на социально-экономическое развитие региона // *Статистика и экономика*. 2015. № 6. С. 106–111. DOI:10.21686/2500-3925-2015-6-106-111
11. Регент Т.М. Миграция в России: проблемы государственного управления. М.: ИСПЭН РАН, 1999. 301 с.
12. Рыбаковский Л.Л. К уточнению понятия «миграция населения» // *Социологические исследования*. 2016. № 12. С. 78–83.
13. Hunt J.C., Kau J.B. Migration and wage growth: A human capital approach. *Southern Economic Journal*, 1985, vol. 51, pp. 697–710.
14. Johnson J.H., Salt J. Labour migration within organizations: an introductory study. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 1980, vol. 71, pp. 277–284.
15. Zipf G.K. *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. 572 p.
16. Borjas G.J. Immigration and welfare magnets. *Journal of Labor Economics*, 1999, vol. 17, pp. 607–637.
17. Таскаева С.В. Факторы, определяющие миграцию населения // *Вестн. ЗабГУ*. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-opredelyayuschie-migratsiyu-naseleniya> (дата обращения 25.09.2018).
18. Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*, 1966, vol. 1, pp. 47–57.
19. Reilly W.J. *The law of retail gravitation*. New York, 1953. 75 p.
20. Young E.C. *The Movement of the Farm Population*. Ithaca: New York Agricultural Experiment Station, 1924. 91 p.
21. Svarc P. *Modeling Migration Using Neural Networks*. Prague: Charles University in Prague, 2005. 14 p.
22. Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, 1966. 191 с.
23. Емельянова Л.Л. Трансграничная миграция в регионе юго-восточной Балтики: факторы, структура, последствия // *Балтийский регион*. 2010. № 4. С. 61–71.
24. Ровенская А.С. Факторы, влияющие на миграцию в России // *Марийский юридический вестник*. 2017. № 2. С. 52–53.
25. Рыбаковский Л.Л. Демографический понятийный словарь. М.: Центр социологического прогнозирования, 2003. 351 с.
26. Меликьян Г.Г. Народонаселение: энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. 534 с.

27. Магомедсултанов И.И., Мамедбекова М.О. Миграция как один из основных факторов социальных преобразований в современный период глобализации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2009. № 4. С. 337–353
28. Эльдяева Н.А., Кованова Е.С. Многомерный анализ влияния миграции на социально-экономическое развитие регионов // Статистика и экономика. 2013. № 6. С. 121–126. DOI:10.21686/2500-3925-2013-6-121-126
29. Леонидова Г.В., Панов А.М., Попов А.В. Трудовой потенциал России: проблемы сбережения // Проблемы развития территории. 2013. № 4. С. 49–57.
30. Калачикова О.Н., Будилов А.П. Отток молодежи из сельской местности: мотивы и возможности регулирования // Социальное пространство. 2018. № 3. С. 1–9. DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.1
31. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 148 с.
32. Волох В.А. Проблемы управления миграционными процессами в современной России // Управление. 2017. № 2. С. 35–43.
33. Ионцев В.А., Саградова А.А. Введение в демографию. М.: ТЕИС, 2002. 636 с.
34. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7–17.
35. Воробьева О.Д., Топилин А.В. Современная миграционная политика России: иллюзии и реальность // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 134–140.
36. Лисовицкий В.Н., Реджей А.Х.М. Новые явления и тенденции в развитии миграционных процессов // Научный результат. 2014. № 1. С. 29–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Будилов Александр Павлович – инженер-исследователь отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: volnc@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Budilov A.P.

DOMESTIC MIGRATION: DIFFERENTIATION OF REGIONS AND ITS FACTORS

In modern conditions of the Russian society development and increased migratory mobility of the population we observe a noticeable change in the distribution of citizens around the country that, certainly, influences socio-economic development of regions. The study of key migration trends at the country-wide level does not provide an objective picture of the nature of movements within its territory. It is only possible to assess internal migration processes with regard to territorial differences of regions. The article analyzes inter-regional population movements in relation to the socio-economic situation of subjects in 2006 and 2016. To carry out this study, the author divides regions into groups depending on migration growth (loss). Comparison of the obtained groups and the main indicators of socio-economic development of territories makes it possible to estimate structural changes in regional migration processes and socio-economic situation. Statistical data on 85 RF subjects for 2006 and 2016 comprise an initial basis for the

analysis. The study concludes that migration flows in the Russian Federation are mainly associated with the socio-economic state of region's residents. Subjects are heterogeneous in the structure of migration flows, the number of regions with migration decline increased during the period under consideration, and the gap in socio-economic development between regions, on the contrary, decreased. It is reasonable to conduct a deeper study of internal Russian migration factors, as their hierarchy may be different and new motives may appear, for example, self-value of the change of residence. The results of the study can be of practical interest to researchers in the field of demography, migration and sociology, as well as representatives of the authorities implementing demographic, migration and social policy.

Demography, migration, internal migration, migration flows, socio-economic development.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Budilov Aleksandr Pavlovich – Research Engineer at the Department for Studies of the Standard of Living and Lifestyles. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: volnc@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.7

УДК 316.334: 316.422 | ББК 60.524

© Петровская Ю.А.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



ПЕТРОВСКАЯ ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Петрозаводский государственный университет
Россия, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33
E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа роли образования и модернизации системы образования в контексте ключевых направлений инновационного развития российского общества, в частности направления, связанного с формированием инновационной личности как особого социального типа. Предпосылкой проведения исследования выступили предыдущие исследования автора, посвященные анализу результативности реализации Стратегии инновационного развития РФ до 2020 года через призму позиций России в мировых рейтингах, а также с точки зрения основных количественных показателей; анализу основных теоретических подходов и проблем изучения инновационной личности и инновационного потенциала. Целью исследования является анализ роли образования в структуре жизненных ценностей молодежи в контексте инновационного развития РФ (на примере Республики Карелии). Особое внимание уделяется изучению двух основных аспектов: мотивации молодых людей в сфере образования, роли образования в системе ценностей современной молодежи; уровня формирования инновационных ценностей и компетенций, а также роли образовательных институтов в инновационном развитии

Для цитирования Петровская Ю.А. Образование как ценность молодежи в контексте инновационного развития Российской Федерации // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 107–122. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.7

For citation: Petrovskaya Yu.A. Education as young people's value in the context of innovative development of the Russian Federation. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 107–122. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.7

молодежи. Теоретико-методологическую основу исследования составляют цивилизационный подход к изучению социально-экономических процессов и инновационного развития общества, диспозиционная концепция личности с учетом достижений современных когнитивных наук. В ходе исследования применялись теоретический анализ, вторичный анализ результатов социологических исследований, а также эмпирические методы: электронное анкетирование, экспертное интервью, дискурс-анализ. В результате исследования уточнены представления о содержании понятия «инновационная личность», определена роль образования в структуре ценностей современной молодежи, охарактеризована роль школы и вуза в формировании инновационных ценностей и компетенций. Проведенная работа выводит нас на новое направление исследований: изучение потенциала высшей школы в формировании инновационной личности с учетом социально-исторических и цивилизационных особенностей российского общества. Научную новизну составляет авторская система показателей, включенная в содержательные концепты дискурс-анализа роли образования в структуре жизненных ценностей молодого поколения.

Инновационная личность, образование, молодежь, ценности, инновационные компетенции, мотивация, интеллект.

Введение

Современное общество непрерывно изменяется и все чаще характеризуется как инновационное, как общество знаний, больших данных, непрерывного создания и потребления инноваций. Современный социум находится в состоянии глобальных социальных трансформаций, которые в XXI веке становятся одним из важнейших факторов цивилизационных изменений. Движущей силой выступают инновационные технологии и институциональные изменения, осуществляемые в связи с технологическим развитием. Происходящие изменения отражают основные тенденции циклического развития мировой экономики и ее инновационной составляющей, а потому анализ генезиса и логики развития этих циклов может вестись в рамках теории длинных волн Н.Д. Кондратьева, теории инноваций Й. Шумпетера, неоклассической теории инноваций (С. Кузнец, М. Калецки, Г. Менш, Б. Твисс, А. Клайнкнехт, Дж. Ван Дейн и др.), системной парадигмы экономической теории [1–8] с учетом процессов ускорения инновационных циклов.

Особую актуальность приобретают проблемы, связанные с общественным участием в процессах инициирования, разработки, внедрения и оценки инноваций, инновационной восприимчивости личности, организаций, целых сфер общественной жизни [9].

Все более актуальной становится проблема формирования инновационной личности как особого социального типа, не только успешно разрабатывающего и внедряющего инновации, но и легко адаптирующегося к нововведениям в повседневной жизни, гибко реагирующего на социальные изменения. Анализ предварительных итогов реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года¹ позволяет сделать вывод о том, что далеко не все разделы стратегии реализованы успешно [10–13], а анализ позиций России в мировых рейтингах указывает на проблемы и вызовы, возникающие перед нашей страной в связи с новой технологической революцией, ориентацией на международные стандарты и рост конкурентоспособности на мировом инновационном рынке² [14; 15]. Второй этап

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 25.01.2019).

² Ведение бизнеса 2018. Реформирование для создания рабочих мест / Всемирный банк. URL: <http://russian.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf> (дата обращения 02.01.2019); Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналит. докл. М., 2017. 136 с. URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya.pdf> (дата обращения 14.01.2019); Measuring the Information Society Report

реализации стратегии (2014–2020 гг.) предполагал мощный инновационный рывок, подразумевавший реализацию проектов мирового масштаба на базе созданной на предыдущем этапе инновационной инфраструктуры. Большие надежды разработчиков стратегии оправдались лишь частично. Например, приходится признать, что задачи раздела, касающегося компетенций «инновационного человека», оказались не выполнены [11].

В сложившейся ситуации механизмы оперативного перехода России на инновационный путь развития представляются несколько упрощенными и не затрагивающими глубинные философские и социально-исторические предпосылки. «Социальное измерение» инновационного развития оказывается не менее важным, чем технологическое. Необходимо понимать, что создания условий для развития инноваций в отдельных направлениях социально-экономической политики недостаточно для формирования полноценной системы. Требуется глубокое понимание потребности в тотальном переформатировании базовых основ цивилизационной модели: науки, образования, технологий; создание абсолютно иной техносферы, которая смогла бы стать органической частью биосферы; конвергенция NBIC-наук и технологий во имя человека размерного будущего. Общество знаний превозносит до небывалой высоты знания как объект всеобщей конкуренции и человека как носителя знаний. Известный российский экономист А.Г. Аганбегян называет инвестиции в человека и в человеческий капитал главным локомотивом экономического развития, поскольку человеческий капитал подразумевает совокупность факторов (знания и умения, качество жизни, характеристики здоровья, уровень интеллекта), от которых зависит качество труда человека и степень его вклада в социально-экономическое развитие [16; 17].

2017. Vol. 1. ITU. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume1.pdf; The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World. WIPO. URL: <http://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4193&plang=RU>

Несмотря на множество подходов и методологических трудностей в анализе инновационной личности как социального типа в условиях новой технологической революции, в предыдущих исследованиях мы пытались обнаружить некоторые типологические черты с подчеркнутой оговоркой: анализ инновационной личности как социального типа возможен лишь в цивилизационном контексте конкретного общества. Прежде всего, возникновение инновационного типа личности в инновационном обществе возможно благодаря высокому интеллекту и способности индивида быстро и безболезненно адаптироваться к стремительно изменяющейся социальной среде и воздействовать на нее. Эта способность индивида является не только биологической, т. е. врожденной, но и в большей степени приобретенной в процессе социализации, а также передаваемой в ходе взаимодействия и взаимопроникновения опыта разных поколений людей. Второй важнейшей характеристикой инновационной личности является социальная зрелость как готовность к инновационной деятельности, к осознанной деятельности в условиях общества риска и неопределенности, готовность принимать на себя этот риск и брать ответственность, в том числе за результаты инновационной деятельности. В инновационном обществе формирование социальной зрелости должно происходить гораздо более оперативными темпами и начинаться в раннем возрасте. Третью характеристику составляет весь комплекс инновационных компетенций, необходимых российскому обществу для того, чтобы стремительно «ворваться» в шестой технологический уклад.

Переход российского общества на инновационный путь развития затруднен целым рядом факторов, среди которых только формирующийся инновационный тип личности с выраженными чертами либерального типа; инертность и традиционализм самого общества; весьма упрощенные в некоторых случаях представления о возможности скорого перехода России на инновационный путь развития. Инновационный тип лич-

ности может сложиться только в условиях формирования и притока лучших мозгов, в связи с чем система образования – главное действующее лицо в формировании инновационной личности, которая подразумевает не отдельного индивида с его индивидуальными особенностями, а определенную совокупность социально значимых функций, социальных ролей, которые он выполняет в обществе инновационных технологий. Деятельность таких личностей и связывает сферу знаний с различными сферами жизнедеятельности общества. Таким образом, образование становится связующим звеном между сферами научных разработок и потребления инноваций. Причем речь должна вестись не столько об уровне образования, сколько о его качественных характеристиках. Россия входит в число стран с очень высоким индексом уровня образования³. Однако сам по себе он еще не гарантирует успешного инновационного развития личности и общества. Велика доля высокообразованных людей, не способных мыслить и работать инновационно, искать и находить нешаблонные способы достижения качественно новых результатов, а высокий уровень интеллекта в контексте инновационного общества подразумевает не просто существенный объем знаний, а в большей степени способность оперировать имеющимися знаниями, быть профессионально и социально включенным. Весь объем знаний человека должен быть востребованным и постоянно развиваться в соответствии с изменяющимися требованиями, условиями и потребностями социума. В решении сложных инновационных задач необходим не просто высокий уровень общей культуры и обширный набор узких прикладных знаний. Современные технологические разработки ведутся на пересечении многих междисциплинарных, иногда, на первый взгляд, несовместимых отраслей научного знания. В этом случае просто сумма отдельных профессиональных знаний в какой-то

ограниченной сфере окажется бесполезной и неприменимой, поскольку содержательная инновационность требует умения применять широкий спектр знаний в самых непредсказуемых ситуациях.

Образование как ценность поколения

Образовательный потенциал современной молодежи все чаще становится объектом исследований отечественных ученых в связи с несомненной прикладной значимостью этой проблематики. Правительство РФ ставит перед системой образования задачу, связанную с кадровым обеспечением региональных рынков труда практико-ориентированными специалистами, обладающими высокой квалификацией и широким компетентностным спектром. Подготовка таких специалистов должна осуществляться с учетом востребованности, гендерной и возрастной структуры рабочей силы [18]. Вместе с тем, разнообразие методологических подходов, множественность факторов, связанных с образованием и оказывающих влияние на социально-экономическое развитие, обуславливают сложность в оценке роли образования в жизни государства, общества и отдельной личности. Целью нашего исследования является анализ роли образования в структуре жизненных ценностей молодежи в контексте инновационного развития РФ (на примере Республики Карелии). Для реализации поставленной цели необходимо обратить особое внимание на два основных аспекта. Первый из них связан с мотивацией молодых людей в сфере образования, ролью образования в системе ценностей современной молодежи и выбором образовательной стратегии. Второй аспект связан с уровнем формирования инновационных ценностей и компетенций, а также с ролью образовательных институтов в инновационном развитии современной молодежи. Как отмечают многие ученые, субъективное отношение к образованию сейчас переживает кризис, связанный с девальвацией образова-

³ Доклад о человеческом развитии 2016 // United Nations Development Programme. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf (дата обращения 22.01.2019); Образование в цифрах: 2016: кратк. стат. сб. / Л.М. Гохберг [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2016. С. 11.

тельных ценностей в обществе, переосмыслением процесса обучения как основы духовного и интеллектуального развития в направлении инструментализации этой детерминанты. Во многом свет на эти процессы проливает то, каким образом и на каком уровне формируются нужные молодому поколению компетенции в рамках основных образовательных институтов: школа и вуз.

Ключевые компетенции молодежи как субъекта инновационной деятельности, которые требуются современному российскому обществу в условиях цифровой экономики, сформулированы в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», принятой в 2011 году⁴. Формулируя такой набор компетенций, государство выражает запрос на определенный тип личности, соответствующий переходному периоду от пятого к шестому технологическому укладу (с большим отставанием по сравнению с западными странами). Просматриваются и определенные эталоны личностных характеристик, требующихся индивиду для максимально комфортного и устойчивого существования и самореализации в условиях переходного периода (инновационная активность, инновационная деятельность и т. д.). Однако далеко не каждый молодой человек, воспитанный еще «советскими» родителями, людьми традиционного уклада, готов к встрече с новыми требованиями. Есть определенная степень дезадаптационных проявлений среди молодежи в стремительно трансформирующейся социальной реальности. Часть молодого поколения (NEET-молодежь) выражает иждивенческие позиции и настроения, нежелание учиться, работать, заниматься общественно полезной деятельностью. Этот феномен среди европейских исследователей получил аббревиатуру NEET («Not in Education, Employment or Training») [19]. Попытки определить уровень NEET среди молодежи предпринимались и в России. По

⁴ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряж. Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 25.01.2019).

данным ОНПЗ, в 2014 году в России численность молодежи в возрасте 15–24 лет составила 18 миллионов человек. Из них более половины (53,6%) были учащимися или студентами, треть (33,4%) являлись занятыми, 2,3 млн (13,0%) относились к категории NEET. Таким образом, каждый восьмой россиянин в возрасте 15–24 лет находится вне сферы занятости и образования, т. е. не работает и не учится, достигая максимального значения в группе 20–24-летних женщин (21,7%) [20].

Звучит парадоксально, но установки на социальное иждивенчество и на инновационность не столь уж взаимоисключающие. В реальности, к сожалению, имеет место интеллектуальное иждивенчество, «инноваторство» за счет чужого труда и другие подобные проявления, образующие пересекающиеся категории, что однако не соответствует представлениям об инновационной личности, а лишь выражает своего рода адаптационную стратегию конкретного индивида. Подробный анализ понятий «инновационность», «инновационная личность» дается нами в статье «Теоретико-методологические подходы и проблемы изучения инновационной личности как социального типа в условиях новой технологической революции» [21].

По данным Карелстата, по состоянию на 2017 год численность молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно проживающих в Республике Карелии, составила почти 135 тыс. человек от общей численности населения в 627 тыс.⁵ В основном они проживают в городской местности. Поступление в вуз и получение высшего образования – это осознанный выбор и основа ближайших жизненных и образовательных планов большей доли российских абитуриентов. Социологи И.А. Милюкова и К.Ю. Терентьев в статье «Образование как ценность в сознании современной молодежи: размышления над результатами опроса студентов в ПетрГУ» приводят анализ результатов опросов студентов Петрозаводского государственного университета, проведенных Лабораторией

⁵ Распределение населения по возрастным группам. URL: <http://gks.ru> (дата обращения 28.12.2018).

социологических исследований ПетрГУ за предыдущие семь лет, особо выделяя профессионально и статусно ориентированные образовательные стратегии. Авторы статьи пытаются найти ответ на вопрос о доле тех, кто оказывается в высшей школе в первую очередь ради приобретения знаний, а не только в целях получения диплома о высшем образовании. Этот вопрос возникает в связи с тем, что высшее образование традиционно реализует в обществе две основные функции: воспроизводство знаний и профессиональной компетентности, а также обретение обучающимися определенного образовательного и социального статуса, как во время обучения, так и после окончания учебного заведения. Как известно, еще И. Берг и Р. Коллинз [22] в рамках теории кренциализма отводят главную роль статусной функции, распределяющей людей в социальной иерархии на основе документа об образовании.

Выбор той или иной образовательной стратегии (К.Ю. Терентьев выделяет четыре стратегии: «Интерес к профессии», «Бег за сертификатом», «Престижность профессии», «Ориентация на рынок труда») так или иначе определяет мотивацию молодого человека в образовательном процессе [23; 24, с. 34–42]. Однако независимо от ведущего мотива массовый выбор молодежью в пользу высшего образования определяет его присутствие в системе ценностей современной молодежи. В рамках межрегионального социологического исследования «Ценностные ориентации современной студенческой молодежи», реализованного по единой методике в 23 вузах из четырех российских регионов РФ (Москва, Тольятти, Петрозаводск, Ставрополь) под общим руководством кафедры теоретической и специальной социологии и Центра социологических исследований Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, в феврале 2017 года Лабораторией социологических исследований ПетрГУ было проведено анкетирование студентов. Совокупный объем выборки по всем вузам составил 3048 респондентов. В ПетрГУ

с помощью гнездовой (кластерной) выборки было опрошено 683 студента очной формы обучения всех уровней подготовки, что составило 10,5% от генеральной совокупности. По результатам опроса, образование занимает двенадцатую позицию из 32 ценностей, предложенных студентами. 86% респондентов оценили значимость образования на 7 и более баллов из десяти, 44% – на 9–10 баллов. Результаты исследования не дают однозначного ответа на вопрос, является ли образование терминальной или инструментальной ценностью для молодых людей. В то же время результаты факторного анализа указывают на то, что образование оказалось в одном факторе с такими ценностями, как реализация своих способностей, наука, профессионализм, объединенными в одну группу, вероятно, по признаку нацеленности на саморазвитие. Факторный анализ проводился на основе контрольного вопроса, в котором необходимо было оценить значимость пятнадцати ценностей, и более точно показал инструментальный характер образования (КМО-тест – 0,794; критерий Бартлетта – $\alpha < 0,000$; 4 фактора, 56% объясненной дисперсии, вращение Варимакс). Хорошее образование (0,507) оказалось в одном факторе с материальным благополучием (0,769), успешной карьерой (0,751) и личными качествами (0,504) [24, с. 34–42].

Методология исследования

Для более глубокого понимания роли высшего образования в структуре ценностей современной молодежи нами был проведен дискурс-анализ эссе, выполненных студентами младших (первых и вторых) курсов гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета в количестве 33 человек, отобранных методом стихийного отбора. Таким образом, к анализу были приняты 33 студенческих эссе. Процедура исследования предполагала индивидуальное написание эссе от руки, анонимно путем заполнения пяти граф, представленных в форме открытых вопросов: Какую роль в Вашей жизни играет образование? Почему Вы решили поступать в вуз и полу-

чать высшее образование? Как Вы считаете, что у Вас хорошо получается в рамках учебного процесса? Что трудно дается при обучении в университете? Каковы Ваши профессиональные планы на будущее?

Научную новизну исследования составила авторская система показателей, нашедших отражение в содержательных концептах дискурс-анализа, направленного на углубление знаний о роли образования в структуре жизненных ценностей молодого поколения. В ходе анализа основными показателями, определяющими роль образования в системе ценностей молодых людей, стали следующие: роль образования в жизни студента; причины, повлиявшие на решение получать высшее образование и поступать в вуз; те аспекты учебного процесса, с которыми студенты успешно справляются; трудности, возникающие у студентов в учебном процессе; профессиональные планы на будущее. В ходе исследования проверялось два предположения: 1) высшее образование для большинства студентов имеет инструментальную ценность (высшее образование как инструмент достижения других жизненных целей); 2) студенты, будучи еще абитуриентами, осуществляют выбор в пользу высшего образования, скорее, под влиянием внешних обстоятельств (престижность высшего образования, мнение родителей и учителей и т. д.), нежели исходя из внутренних убеждений, связанных с ценностью знаний и осознанным выбором конкретного направления обучения. Ввиду относительно небольшой выборки в ходе анализа ответов акцент делался на содержательной (качественной) стороне высказываний, интерпретации текстов с указанием на частотность распределения тех или иных значений и приведением примеров высказываний.

Результаты дискурс-анализа студенческих эссе

Роль образования в жизни студента

Этот показатель отражает отношение студентов к институту образования, помогает определить, какую роль отводят молодые люди образованию в собственной жизни.

При этом имеет значение как смысловой аспект выраженного отношения, так и степень важности, которую определяют студенты в своих ответах. Полученные на первый вопрос ответы условно можно разделить на три смысловые группы: 1) важная / очень важная, значимая роль образования в жизни студентов; 2) второстепенная по сравнению с другими видами деятельности и интересами роль; 3) неважная роль. Количественно большая часть студентов – участников исследования (28 человек) отметила важную и очень важную роль образования. При этом одни студенты акцентировали внимание на особой важности и серьезной роли образования в современном обществе, в жизни современного человека. Данная позиция выражалась в разнообразных суждениях: «в современном мире образование играет важную роль, без него практически невозможно трудоустроиться на хорошую высокооплачиваемую работу. Без образования человек никому не нужен. Образование дает важные знания для дальнейшего существования», «образование необходимо для определения своего места в жизни, обеспечения своей жизни, самореализации и т. д.». Другая группа студентов подчеркивала значимость образования в собственной жизни, при этом или делая акцент на сегодняшней ситуации, или выражая общее отношение к образованию в своей жизни: «фундамент для моего развития, как в профессиональной сфере, так и в трудовой», «саморазвитие, получение знаний – вот, на что я нацелена с детства», «на данный момент образование играет одну из важных ролей в жизни, т. к. на данном этапе я должен набрать максимум знаний для моего дальнейшего профессионального и личностного роста». Четыре человека указали на то, что образование в их жизни играет второстепенную роль по сравнению с другими видами деятельности и интересами: «роль образования в моей жизни не так велика, но и не совсем незначительна», «образование играет для меня роль некоего учебно-перевалочного пункта, благодаря которому я могу освоить какие-то навыки и знания (не только учебные), к тому же образование

дает шанс быть замеченным будущим работодателем», «этап в жизни», «в моей жизни образование занимает второстепенную роль, т. к. я считаю, что, прежде всего, необходимо развивать свои навыки и качества». Вместе с тем ни один студент не сказал, что считает образование абсолютно неважным.

Причины, повлиявшие на принятие решения в пользу получения высшего образования

Выявленные причины позволят сделать вывод о том, что конкретно мотивировало нынешних студентов поступать в вуз и получать именно высшее образование. Таким образом, мы сможем понять, какая роль (терминальная или инструментальная) в системе ценностей отводится образованию. Изначально нами выделялось семь гипотетических причин, которые могли повлиять на выбор именно в пользу высшего образования: 1) ориентация на конкретную профессию; 2) ценность знаний; 3) более широкие возможности трудоустройства; 4) признание собственных способностей к получению высшего образования; 5) престижность высшего образования; 6) высшее образование как социальный лифт, дающий возможность вертикальной мобильности; 7) «ради диплома». Кроме того, в матрице дискурс-анализа была запланирована графа «другое», допускающая вероятность указания иных причин.

Вариант «ради диплома» не оправдал себя. Практически ни один студент не озвучил его в своем эссе. Есть только один ответ, который условно можно отнести к этой группе: «получить высшее образование, т. к. мне важно получить именно высшее образование». Вполне естественно, что многие студенты, раскрывая этот вопрос, обозначили несколько причин одновременно, объясняющих, почему каждый из них предпочел поступать в вуз и получать высшее образование. Всего 5 человек указали предполагаемый нами вариант, связанный с ориентацией на конкретное направление подготовки, специальность или профессию. Среди таких развернутых повествований следующие: «я решил поступить в вуз, чтобы получить высшее образование и специальность, по которой я, возможно, буду работать», «с на-

личием специального образования ты можешь работать много где, перечень профессий огромен», «потому что данного профиля подготовки и данного уровня образования в системе среднего профессионального образования нет», «учусь по специальности, которую хотела». 10 студентов (почти 1/3) связывали свое поступление в вуз с качеством знаний, которые даются в высшей школе: «высшее образование подразумевает не только профессиональную подготовку, но и широкий спектр знаний», «в вузе даются более глубокие знания и готовятся более квалифицированные специалисты», «более качественные знания», «получить знания, профессию и быть квалифицированным работником» и т. д. Такое же количество авторов сочинений обосновывали свое решение тем, что высшее образование дает более высокие шансы и широкие возможности для последующего трудоустройства. 3 человека указали, что решили поступать в вуз, потому что чувствовали в себе способности к получению высшего образования и возможность пройти отбор на основе результатов ЕГЭ, при этом во всех трех рассказах чувствуется безразличное отношение к выбору конкретного направления подготовки. 5 из 33 студентов указали на престижность высшего образования, в том числе по сравнению со средним профессиональным. При этом в понятие «престижность» каждый из них вкладывает разный смысл, например, «для девушки более престижно иметь высшее образование, чем среднее профессиональное». На удивление только 3 человека указали на то, что высшее образование способно обеспечить перемены в жизни в лучшую сторону, повысить социальный статус и т. д. Вероятно, для остальных молодых людей высшее образование не является гарантом успешности в жизни. Интересными для анализа оказались ответы из группы «другое», которая объединила в себе разнообразные причины, которых заранее мы предположить не могли: «высшее образование дает более широкий спектр профессий, из которых абитуриент может выбирать», «общение с людьми, которые могут чему-то научить в жизни»,

«в вузах совершенно все по-другому. Здесь интереснее. Казалось бы, ты многое знаешь, но здесь так преподносятся эти знания, что их еще больше хочется получать», «с 1 класса была цель получить высшее образование», «высшее образование – база, но специализированная, углубленная в нужной сфере. Необходимо его получить хотя бы для общего развития». На некоторые ответы молодых людей существенно повлияло мнение родителей, членов семьи, друзей: «Мама с детства говорила, что нужно получать высшее образование. Мои друзья, на которых я ориентируюсь в жизни, получают высшее образование. Иногда складывается впечатление, что по-другому нельзя было», «Мое решение о получении высшего образования никогда не ставилось под вопрос. Об этом мне говорилось с детства». Кто-то откровенно написал о том, что после окончания школы был не готов сразу строить карьеру и не готов к «резкому переходу к взрослой жизни». Из ответов на этот вопрос видно, что значительная доля участников нашего исследования сделала свой выбор в пользу высшего образования под влиянием сложившихся в ближайшем окружении (обществе?) стереотипов и устоявшихся точек зрения относительно престижности высшего образования.

Аспекты учебного процесса, с которыми студенты успешно справляются, и трудности в процессе обучения

Анализ этих аспектов позволит понять, насколько студенты младших курсов готовы (содержательно и морально) к обучению в системе высшего образования, что является одним из показателей степени осознанности и добровольности сделанного выбора. Большая часть участников исследования успешно справляется с традиционными видами учебной деятельности: посещение лекций, подготовка и работа на практических и семинарских занятиях, подготовка докладов и выступлений и т. д. Практически каждый отвечавший сумел обозначить те аспекты, которые у него получаются успешно, и указать трудности, с которыми сталкивается в рамках учебного процесса. 15 человек (почти половина отвечавших) отметили

трудности, связанные с усвоением материала учебных курсов, уточняя, в чем именно они заключаются: «точные дисциплины», «иногда трудно усваивать материал, представленный тем или иным преподавателем, т. к. у каждого свой метод обучения и сложно подстроиться под темп ведения лекций», «сам материал отличается от школьной программы, поэтому на него надо переключаться, чтобы вникнуть в суть изучаемой дисциплины», «неуспеваемость», «непонимание того, что на лекции говорит преподаватель, ведь уровень вуза отличается от школьного; очень большой объем материала и работы», «трудности возникают, когда гуманитарий сталкивается с математикой», «некоторые предметы очень плохо даются. Это все новое для нас, возможно, из-за этого тяжело учиться» и др. Таким образом, после окончания школы на 1–2 курсе вуза студент оказывается не всегда морально и содержательно готов к освоению целого ряда дисциплин. У 8 человек, по их же заверению, есть трудности с дисциплиной (самодисциплиной), которые не позволяют спланировать время, организовать себя для выполнения учебных заданий. 5 человек испытывают трудности с выполнением домашних заданий и заданий для самостоятельной работы, в том числе по причине того, что это требует дополнительного времени. Интересной для анализа опять же оказалась графа «другое», включающая 13 ответов, по смыслу не соответствующих предлагаемым нами: «адаптация», «уровень требований выше, чем в школе», «написание научных работ», «работа над курсовой работой, боязнь публичных выступлений, боязнь ошибиться», «плохо получается справляться с большим объемом научной литературы», «страх перед аудиторией, неумение выражать свои мысли. Из-за этого меня часто не замечают преподаватели. Молчание на занятиях, даже когда подготовлен, – это самая большая проблема», «природа моей души не дает мне сидеть на месте и легко усваивать, запоминать любой материал» (прим. автора: при этом человек учится в вузе) и т. д. Подобные ответы наводят на размышления о том, что

между окончанием школы и поступлением в вуз обнаруживается пробел, связанный с недостатком подготовленности выпускников школ к обучению в университете, ведь «умение выражать свои мысли», «выступать перед аудиторией», выполнять задания для самостоятельной работы и пр. – это те навыки, которыми нынешний студент должен был овладеть еще в школе, а в реальности он оказывается не подготовленным к обучению в вузе и не умеет учиться в нем.

Профессиональные планы на будущее

Содержание этого раздела призвано представить уровень осмысленности решения о поступлении в вуз, выбора конкретного направления подготовки. Наличие у человека планов на будущее влияет на его ощущение самого себя в социальном мире. 11 человек из 33 (т. е. одна треть) абсолютно честно в разных формулировках написали, что четких профессиональных планов пока не имеют. Часть из них дополнила свой ответ тем, что сейчас важно сначала хорошо окончить университет. 14 человек (с большей или с меньшей уверенностью) хотели бы работать по выбранной специальности, трое из них даже указали конкретные направления деятельности. Только 2 человека выразили уверенность в том, что не хотели бы связывать свою жизнь с выбранным направлением подготовки. 4 человека желали бы просто найти хорошую работу, стать квалифицированными специалистами, не обязательно по выбранному направлению. 6 человек хотели бы продолжить образование в разных формах (второе высшее образование, магистратура). Как правило, это те молодые люди, которые в то же время планируют быть трудоустроенными. Одна девушка в качестве комментария добавила: «В принципе в жизни можно хорошо устроиться и без высшего образования».

Предположения, проверяемые нами в ходе исследования, подтвердились частично. Рассуждая о ценности высшего образования в глазах студентов младших курсов – вчерашних школьников, необходимо заметить, что наряду с теми, кто пришел в университет «за знаниями» (почти 1/3), большая часть

участников исследования объясняют свой выбор более широкими возможностями и более высокими шансами последующего трудоустройства. В задачи исследования не входило выяснять причины такого мнения (почему шансы и возможности трудоустройства возрастают с наличием высшего образования, по мнению студентов). При этом большая часть опрошенных не формулирует конкретных «недостатков», например, среднего профессионального образования, а также не имеет четких планов, связанных с дальнейшей профессиональной деятельностью. Кроме того, часть авторов эссе указывает на преимущества именно обучения в вузе (более широкие возможности самореализации; возможность помимо учебы заниматься тем, что нравится и т. д.), а не высшего образования.

Возникает ощущение некой иллюзорности сделанного выбора с учетом особенностей регионального рынка труда. Довольно часто студенты, будучи еще абитуриентами, осуществляют выбор в пользу высшего образования под влиянием внешних обстоятельств (престижность, мнение родителей и учителей, опыт друзей, стереотипы и т. д.), а не исходя из внутренних убеждений, связанных с ценностью знаний и осознанным выбором конкретного направления обучения. Такая девальвация образовательных ценностей в молодежной среде во многом объясняется тем, каким образом выстраивается учебный процесс и ведется деятельность по формированию инновационных ценностей и компетенций в образовательных организациях. Процесс формирования инновационной личности и инновационных компетенций в идеале должен стать одним из важных следствий ценностного выбора молодежи. Наблюдаемая сейчас девальвация ценности образования скорее лимитирует возможности реализации компетентностного подхода в вузах (что заложено в качестве нормы во ФГОС 3.0). Поэтому далее в статье мы затронем вопрос о результативности образовательного процесса в контексте того, что мы узнали из дискурс-анализа о ценностях современной молодежи.

Результаты анкетирования молодежи и экспертного опроса

Были проведены интернет-опрос (электронное анкетирование) молодых людей от 14 до 30 лет (1100 чел.), отобранных методом стихийного отбора, и экспертный опрос в форме интервью (15 человек; отбор респондентов осуществлялся методом «снежного кома»). Экспертами выступили руководители и специалисты организаций, работающих непосредственно в области молодежных инициатив, инновационных проектов и программ, в том числе, сотрудники Молодежного иннопарка и Управления по инновационно-производственной деятельности ПетрГУ, представители органов власти, государственных учреждений и общественных организаций. Анкетирование молодежи проводилось с помощью электронной анкеты, разработанной с использованием интернет-сервиса Google Forms⁶. Анкета распространялась среди молодежи в социальных сетях. На момент опроса 32,5% респондентов обучались в вузе; 25,5% работали; 24% обучались в школе; 11,8% обучались в учреждениях среднего профессионального образования; 3,3% указали себя как безработных; 1,6% обучались в учреждениях начального профессионального образования. Оставшиеся молодые люди выбрали для ответа вариант «другое», в котором оказались «декретный отпуск», «инвалидность» и «служба в армии». Участие в анкетировании приняли представители всех районов Республики Карелии. Большая часть респондентов проживает в городе (87%) и обучается (обучалась) в городской школе (78,6%). Большинство опрошенных фиксируют у себя наличие тех или иных компетенций инновационной экономики, но далеко не все молодые люди указывают на наличие у себя таких качеств, как изобретательность, высокий уровень интеллекта, владение инновационными технологиями, владение иностранными языками. При этом можно заметить, что фиксация молодыми людьми у себя тех или иных качеств и компетенций не зависит от основно-

го рода их деятельности на момент опроса и места проживания, за исключением отдельных компетенций (табл. 1).

К вопросам, волнующим нас, относятся вопросы о том, какую роль отводят молодые люди образовательным институтам (школе и вузу) в формировании основных компетенций инновационной экономики. В связи с этим интересно узнать, что, по мнению молодых людей, школа не является активным субъектом, распространяющим информацию об инновациях в обществе (рис.).

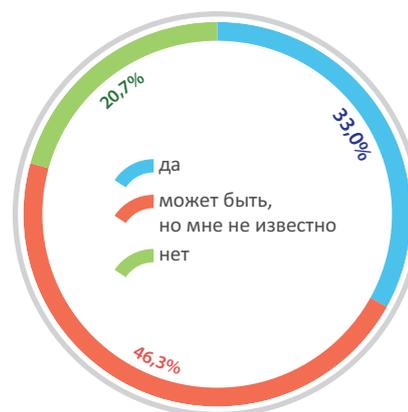


Рис. Школа как источник информации об инновациях в обществе. Распределение ответов на вопрос «Распространяется ли в школе, в которой Вы учитесь или учились, информация об инновациях в обществе?», %

В то же время школа в ряде случаев (45,5%) предоставляет возможности для реализации инновационных проектов и идей. Значительно лучше информационная работа, по мнению опрошенных, осуществляется в вузе (на этот вопрос отвечали только те, кто учится или учился в вузе). 66,7% респондентов ответили, что в высшем учебном заведении, в котором они учатся или учились, распространяется информация об инновациях в обществе. Почти 80% отметили, что вуз предоставляет возможности для развития инновационных проектов и идей (из оставшихся 20% – 16,5% затруднились ответить на этот вопрос). Вместе с тем, 77% не имеют собственной инновационной идеи или проекта.

⁶ Анкета для молодежи. URL: https://docs.google.com/forms/d/1o3pN0GtzI5Fny2xSex1daEeNgct5e4yNan6DrCj8ZtM/viewform?edit_requested=true (дата обращения 25.01.2019).

Таблица 1. Наличие инновационных компетенций у молодых людей в зависимости от рода деятельности и места проживания (на момент опроса), %

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Обучаюсь в школе	10,1	6,0	3,9	6,7	3,1	13,6	13,4	8,9	10,0	3,9	9,1	10,6	0,7
Обучаюсь в учреждении начального профессионального образования	13,3	5,3	5,3	12,0	2,7	13,3	13,3	14,7	6,7	2,7	4,0	6,7	0,0
Обучаюсь в учреждении среднего профессионального образования	11,8	4,5	2,7	7,7	5,2	13,1	13,1	11,5	10,0	3,2	8,4	8,4	0,4
Обучаюсь в учреждении высшего профессионального образования	9,3	4,5	4,9	9,7	3,0	13,2	12,1	10,1	7,9	5,7	10,1	9,1	0,3
Работаю	10,4	4,9	5,6	8,5	3,7	12,8	9,0	12,2	8,8	4,8	10,9	8,3	0,1
Безработный	10,3	6,7	5,5	7,9	6,1	11,5	11,5	11,5	8,5	4,8	8,5	5,5	1,8
Декретный отпуск	11,4	6,8	2,3	9,1	2,3	11,4	13,6	11,4	11,4	2,3	11,4	6,8	0,0
Инвалид	25,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	25,0	25,0	0,0	0,0	25,0	0,0	0,0
Служу в армии	33,3	0,0	0,0	0,0	0,0	33,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	33,3	0,0
Городская местность	10,3	4,9	4,8	8,6	3,6	12,9	11,5	10,6	8,9	5,0	9,8	8,9	0,4
Сельская местность	9,4	5,8	3,8	7,4	2,7	14,9	12,3	11,2	9,1	2,7	10,2	10,1	0,5
Примечания:	1) способность легко адаптироваться к инновациям; 2) изобретательность; 3) высокий уровень интеллекта; 4) способность к критическому мышлению; 5) владение инновационными технологиями; 6) способность работать в команде; 7) способность к творчеству; 8) владение компьютером; 9) способность и готовность к разумному риску; 10) владение иностранными языками; 11) стремление непрерывно обучаться, приобретать новые знания и компетенции; 12) способность брать на себя ответственность за результаты коллективного труда; 13) никакие.												

Различия в фиксации сформированности тех или иных компетенций обучавшихся в городской и сельской школе незначительны, за исключением таких компетенций, как способность работать в команде и владение иностранными языками (табл. 2).

Один из вопросов анкеты предполагал оценку респондентами по 5-балльной шкале качества формирования перечисленных компетенций в школе, в которой они обучаются или обучались. Анализируя ответы на этот вопрос, мы приходим к выводу о том, что молодежь Республики Карелии отводит школе второстепенную роль в формировании ключевых инновационных компетенций, в большинстве случаев оценивая качество их формирования как удовлетворительное. В отношении некоторых компетенций число респондентов, оценивших качество их формирования как низкое и очень низкое, достигает в совокупности 38%. Тот же вопрос был задан в отношении вуза. На него отвечали только те, кто учится или учился в вузе. Показатели вуза

в оценках молодежи по всем компетенциям значительно выше.

Эксперты же отмечали, что для успешной самореализации в инновационном обществе необходимо формирование таких компетенций, как высокий уровень интеллекта, коммуникабельность, умение налаживать контакты с большим количеством разных людей, развитое проектное мышление, креативность, обучаемость, способность к саморазвитию и самообучению, умение работать в команде и др. В оценке соответствия современной молодежи этим требованиям времени мнения экспертов разошлись: с одной стороны, представляется, что молодежь более соответствует этим требованиям, чем люди старшего поколения, поскольку молодые люди родились и воспитывались уже в обществе инновационных технологий, вместе с тем эксперты характеризуют современных молодых людей как более инфантильных, отмечают у них отсутствие таких личностных качеств, как самостоятельность, ответственность, способность делать

Таблица 2. Сформированность инновационных компетенций у молодых людей в зависимости от того, в какой школе они обучались: городской или сельской, %

Тип школы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Городская школа	10,2	5,0	4,7	8,6	3,5	12,8	11,7	10,4	9,0	5,2	9,7	8,9	9,0	9,3	9,1	9,4	9,1	8,9	9,1	9,2	0,3
Сельская школа	10,1	5,1	4,2	7,8	3,5	14,5	11,1	11,6	8,6	2,7	10,6	9,6	9,0	9,4	9,2	9,2	9,0	9,0	9,1	9,1	0,7
Общий итог	10,2	5,0	4,7	8,4	3,5	13,1	11,6	10,7	8,9	4,7	9,8	9,0	9,0	9,3	9,1	9,4	9,1	9,0	9,1	9,2	0,4
Примечания:		12) способность брать на себя ответственность за результаты коллективного труда; 13) готовность работать в высококонкурентной среде; 14) способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению, самообучению; 15) способность и готовность к профессиональной мобильности; 16) стремление к новому; 17) креативность; 18) предприимчивость; 19) умение работать самостоятельно; 20) умение и готовность работать в команде; 21) никакие.																			
1) способность легко адаптироваться к инновациям;																					
2) изобретательность;																					
3) высокий уровень интеллекта;																					
4) способность к критическому мышлению;																					
5) владение инновационными технологиями;																					
6) способность работать в команде;																					
7) способность к творчеству;																					
8) владение компьютером;																					
9) способность и готовность к разумному риску;																					
10) владение иностранными языками;																					
11) стремление непрерывно обучаться, приобретать новые знания и компетенции;																					

осознанный выбор, самостоятельно принимать решения, неготовность принимать на себя руководящую роль и ответственность за результаты коллективного труда, создавать что-то самостоятельно. Современной молодежи не хватает социальной зрелости, основанной на личной мотивации и осмысленной готовности принимать на себя риск и мобилизовать все имеющиеся ресурсы для достижения цели. Важную роль в этом играет мотивация к интенсивной интеллектуальной работе.

Анализ результатов анкетирования молодежи и экспертного опроса позволяет обнаружить потенциальные предпосылки девальвации образования в системе ценностей современной молодежи. Еще на этапе обучения в школе (особенно сельской) молодые люди ощущают низкий уровень качества формирования компетенций, необходимых для их успешной личностной и профессиональной самореализации в обществе, что неизбежно сказывается на мотивации и осмыслении образования как одной из инновационных ценностей (четвертый уровень диспозиций по В.А. Ядову). Складывающиеся установки в отношении образования, подкрепленные другими социальными условиями (низкий уровень жизни, ограниченные возможности регионального рынка

труда, высокий уровень безработицы и пр.), тормозят дальнейшее инновационное развитие личности.

Выводы

Анализируя результаты представленных исследований, можно сделать вывод, что образование занимает значимое место в структуре ценностей карельской молодежи, но чаще воспринимается как инструмент достижения других жизненных целей – формирование себя как состоявшейся личности, утверждение на рынке труда, построение карьеры, материальное благополучие, – а не как самооценку. Современная молодежь не осознает в достаточной мере ценность самих знаний и возможностей их дальнейшего применения, равно как не оценивает в полной мере возможности высшей школы в формировании компетенций инновационной экономики. Зачастую выбор в пользу высшего образования делается неосмысленно, не имеет под собой серьезной профориентации и обозримых профессиональных планов. Кроме того, нельзя говорить о наличии преемственности между школой и вузом как основными субъектами, формирующими ключевые инновационные ценности и компетенции, и важными институтами социализации личности. В определенном свете на

причины такой девальвации образовательных ценностей в молодежной среде проливает то, насколько невысоко молодежь оценивает роль школы в формировании основных компетенций инновационной экономики. Очевидно, что субъективные оценки молодых людей – лишь одна сторона медали, и этот вопрос требует дальнейшего изучения, однако именно это субъективное восприятие

является важнейшим фактором, влияющим на образовательную мотивацию и выбор образовательной стратегии. Серьезную роль также играют сложившиеся в современном обществе и навязываемые современному школьнику стереотипы относительно всеобщей необходимости высшего образования и, как результат, проявление «сверхквалификации» как социального феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–22.
2. Chesbrough H.W. The Era of Open Innovation. *MIT Sloan Management Review*, 2008, vol. 44, iss. 3, pp. 34–41.
3. Garcia R., Calantone R. A Critical Look at Technological Innovation Typology and Innovativeness Terminology: a literature review. *Journal of Product Innovation Management*, 2002, vol. 19, pp. 110–132. DOI: 10.1111/1540-5885.1920110
4. Hayek F. *Collectivist Economic Planning*. Amsterdam, 1935. 294 p.
5. Lange O. On the Economic Theory of Socialism. *Review of Economic Studies*, 1936, no. 4 (2), pp. 123–142.
6. Mises L. *Socialism. An Economic and sociological analysis*. Indianapolis, 1981. 600 p.
7. Polanyi K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. New York, 2001. 360 p.
8. Schumpeter J. *Capitalism, socialism and Democracy*. New York, 1942. 381 p.
9. Ильиных С.А., Михайлова Е.В. Инновации в организациях: внедрение и сопротивление // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 86–90.
10. Алексеев А.В. Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года – оценка адекватности требованиям времени // Интерэкспо Гео-Сибирь-2012: VIII Международ. науч. конгр., 10–20 апреля 2012 г.: Международ. науч. конф. «Специализированное приборостроение, метрология, теплофизика, микротехника, нанотехнологии»: сб. мат-лов: в 2 т. Т. 2. Новосибирск: СГГА, 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/strategiya-innovatsionnogo-razvitiya-rossiyskoj-federatsii-na-period-do-2020-goda-otsenka-adekvatnosti-trebovaniyam-vremeni> (дата обращения 17.01.2019).
11. Петровская Ю.А., Щекина И.В. Реализация Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года: результаты и перспективы // Вестн. НГУЭУ. 2018. № 4. С. 157–170.
12. Рубвальтер Д.А., Шувалов С.С. Реализация стратегии инновационного развития России: оценка результатов // Власть. 2015. № 3. С. 30–37.
13. Дзгоев В.Д. Инновационные системы регионов России // Бюджет.RU. URL: <http://bujet.ru/article/318462.php> (дата обращения 17.01.2019).
14. Каблов Е.Н. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800> (дата обращения 14.01.2019).
15. Рудакова О.В., Бардовский В.П. Научно-технический потенциал: Россия на фоне мировых тенденций // Вестн. ОрелГИЭТ. 2014. № 1 (27). С. 35–42. URL: <http://orelgiyet.ru/docs/vestnik/7-rudakova-bardovskij.pdf> (дата обращения 14.01.2019).

16. Аганбегян А. Сокращение затрат на человеческий капитал снижает экономический рост // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/avgust/01/abel_aganbegyan_sokrawenie_zatrat_na_chelovecheskij_kapital_snizhaet_ekonomicheskij_rost/ (дата обращения 14.01.2019).
17. Аганбегян А.Г. Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. № 3. URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/08/СНелovecheskij-kapital-i-ego-glavnaya-sostavlyayushhaya-sfera-ekonomiki-znaniy-kak-osnovnoj-istochnik-sotsialno-ekonomicheskogo-rosta.pdf> (дата обращения 14.01.2019).
18. Поташева О.В. Оценка образовательного потенциала молодых поколений населения в регионе // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2017. № 2 (46). С. 31–39.
19. Powell A. *NEET: Young People Not in Education, Employment or Training*. House of Commons Library. Briefing Paper, 2018. Available at: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06705/SN06705.pdf>
20. Варшавская Е.Я. Российская NEET-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31–39.
21. Петровская Ю.А. Теоретико-методологические подходы и проблемы изучения инновационной личности как социального типа в условиях новой технологической революции // Вестн. науки Сибири. 2018. № 4 (31). С. 171–188.
22. Collins R. *The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification*. New York, 1979. 222 p.
23. Терентьев К.Ю. Образовательные стратегии абитуриентов вузов: опыт построения классификации // Непрерывное образование: XXI век. 2015. № 3. URL: <https://lll21.petrstu.ru/journal/article.php?id=2922> (дата обращения 05.01.2019).
24. Милюкова И.А., Терентьев К.Ю. Образование как ценность в сознании современной молодежи: размышления над результатами опросов студентов ПетрГУ // Современное образование: векторы развития. Роль социогуманитарного знания в формировании духовно-нравственной культуры выпускника педагогического вуза: мат-лы междунард. науч. конф., 20–21 апреля 2017 г. / отв. ред. М.М. Мусарский, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцова. М.: Изд-во МПГУ, 2017. 675 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петровская Юлия Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, и. о. заведующего кафедрой. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет». Россия, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33. E-mail: julia_petrovskaaya85@mail.ru. Тел.: +7(8142) 71-10-85.

Petrovskaya Yu.A.

EDUCATION AS YOUNG PEOPLE'S VALUE IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The research topic relevance is associated with the need to analyze the role of education and education system modernization in the context of key directions of innovative development of Russian society, in particular the direction focused on forming an innovative personality as a special social type. The study is based on the author's previous studies, analyzing effectiveness of the implementation of the Strategy for Innovative Development of the Russian Federation up to 2020 through the prism of Russia's positions in the world rankings, as well as in terms of key quantitative indicators; considering the main theoretical approaches and problems of studying an innovative personality and innovative potential. The aim of the study is to analyze the role of education in the structure of life values of young people in the context of innovative development of the Russian Federation (case study of the Republic of Karelia). With special attention the author considers two main aspects: young people's motivation to education, a role of education in their value system; a level of formation of innovative values and competencies, as well as a role of educational institutions in innovative development of the youth. The theoretical and methodological basis of the study comprises a civilizational approach to the study of socio-economic processes and innovative development of society and a dispositional concept of personality, with regard to achievements of modern cognitive sciences. The study uses theoretical analysis and secondary analysis of sociological research results, as well as empirical methods: electronic questionnaires, expert interviews, and discourse analysis. The study results in clarification of ideas about content of the concept "innovative personality", definition of the role of education in the structure of values of the modern youth, and characterization of the role of school and university in the formation of innovative values and competencies. The work leads us to a new research direction: study of higher education potential in the formation of innovative personality with regard to socio-historical and civilizational features of Russian society. Scientific novelty is the author's system of indicators included in the concepts of discourse analysis of the role of education in the structure of life values of the younger generation.

Innovative personality, education, youth, values, innovative competence, motivation, intelligence.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrovskaya Yuliya Aleksandrovna – Ph.D. in Sociology, Associate Professor at the Department for Sociology and Social Work, Acting Head of the Department. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Petrozavodsk State University". 33, Lenin Street, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation. E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru. Phone: +7(8142) 71-10-85.

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.8

УДК 31 | ББК 60

© Логвинова А.В.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ ВУЗОМ И ЕЕ НЕГАТИВНЫЕ СЛЕДСТВИЯ



ЛОГВИНОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: logvinova_a@bsu.edu.ru

Обосновывается, что современная система управления высшим учебным заведением носит административный, то есть бюрократический, характер, который в последнее время проявляется сильнее под влиянием как глобальных процессов, так и специфики развития самих учреждений высшего образования. Бюрократическая система управления вузом имеет ряд преимуществ: установление четких правил, определение ключевых показателей эффективности, формирование и поддержание необходимой корпоративной культуры, регламентация внутривузовских процессов, распределение зон ответственности и полномочий всех участвующих сторон образовательного процесса, высокий уровень четкости, конкретности и системности при распределении обязанностей и уровней ответственности, планирование и прогнозирование развития вуза. В статье представлены некоторые результаты проведенного социологического исследования, позволяющего выявить реальное отношение различных акторов вузовского пространства к административной системе управления, а также определить негативные следствия как для отдельных вузов, так и для системы высшего образования, возникающие в результате чрезмерного расширения сферы применения административных практик. В их числе имитация деятельности всех акторов образовательного пространства, утрата доверия преподавателей к руководству вуза, снижение творческой активности преподавателей и научных сотрудников, несформированность практических навыков у выпускников, несоответствие качества получаемого образования требованиям работодателей, утрата доверия к вузу со стороны обучаю-

Для цитирования Логвинова А.В. Административная система управления региональным вузом и ее негативные следствия // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 123–133. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.8

For citation: Logvinova A.V. Administrative system of regional university management and its negative consequences. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 123–133. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.8

щихся, демотивация к образованию, необоснованная формализация внутренних процессов, фаворитизм и nepoтизм, снижение рейтинга вуза на мировом рынке образовательных услуг, снижение качества образования, утрата содержательной составляющей образования, отказ от отечественных традиций в образовании.

Администрирование, университет, вуз, система, административное управление, риск, вызов, тренд, тенденция, бюрократизация, регламентация, стандартизация, формализация, имитация.

На протяжении последних десятилетий российская система высшего образования трансформировалась из однородной советской системы в гетерогенное множество образовательных структур, использующих в большинстве своем в названии термин «университет», который приобрел сегодня полиморфный характер [1, с. 113]. В свою очередь, университеты из центров подготовки кадров преобразовались в научно-исследовательские комплексы, способствующие устойчивому экономическому подъему региона и государства в целом. Сегодня вуз – это «ключевой игрок в глобальной конкуренции за самые передовые знания и творческие умы на глобальном рынке образовательных услуг» [2, с. 7]. В период глобализации, активного развития цифровых технологий, избыточного тиражирования информации и нарастающей социальной динамики знания стали устаревать с большей скоростью, «формы трансляции знания теряют свою эффективность, дискредитируются текущей современностью» [3, с. 187]. Такая ситуация обусловила поиск эффективных форм адаптации учреждений высшего образования к изменяющимся экономико-политическим условиям и взаимодействия трех субъектов развития: науки, бизнеса и государства.

В соответствии с моделью, разработанной Г. Этковицом и Л. Лейдесфдорфом, высшие учебные заведения интегрируют научные идеи и знания, бизнес обеспечивает финансовыми и материальными ресурсами, а государство, в свою очередь, формирует нормативную базу [4]. Теория «тройной спирали» нашла свое продолжение в развитии концепций «университет 3:0», «университет 4:0», «университет 5:0». Согласно этим концепциям, университеты становятся центрами научно-образовательного кластера

местной, национальной, а далее – глобальной системы. Один из авторов концепции университета мирового масштаба бывший ректор Йельского университета Ричард Левин отмечал: «Целью университета является становление поистине глобальным центром, который бы воспитывал лидеров и расширял сферы знания не только для одной страны, но и всего мира» [5]. Однако сложившаяся ситуация приводит к трансформации вузов в новое учреждение мирового класса («гибридная формула» [6, с. 3]) с набором характерных черт, имитирующих корпорации, в которых «предпринимательская тактика рассматривается в качестве законных организационных принципов» [7, с. 113]. При этом «сотрудники университета должны стать предпринимателями, их взаимодействие с окружающей средой должно соответствовать предпринимательскому образцу» [8, с. 108], а «руководство университета представляется в роли продюсера, который предлагает академические услуги студентам» [9, с. 669]. Тем самым изменяются прежние функции университетов (вузы становятся предпринимательскими, в значительной степени отказываясь от традиционных академических ценностей), появляются новые, происходит поиск инструментального набора в системе управления учреждением высшего образования, способного к быстрому отклику на новые запросы. Все эти изменения вносят свои коррективы в университетскую систему внутреннего менеджмента, действующую на основе принципа административного управления с гибким, открытым административным ядром, которое, по мнению Б. Кларка, противопоставляется немногочисленному, неповоротливому, нуждающемуся в обновлении академическому оплоту [10].

По мнению С.В. Рябовой, развитие новых методов в системе управления, отвечающих современным требованиям экономики, связано с дополнительными проблемами, к числу которых она относит следующие:

- сосредоточивание всей власти на верхних уровнях управления (централизация власти);
- отсутствие внутренних правил, инструкций, необходимых навыков для нормального функционирования в рыночных условиях;
- сложное финансовое положение, ставшее результатом асимметрии взаимодействия с внешними субъектами в ущерб внутренним [11].

Н.М. Буняк добавляет к ним еще одну: «низкий уровень предпринимательской культуры и отсутствие опыта предпринимательской деятельности» у административного ядра, неспособного приспособиться к изменениям внешней среды [12, с. 146].

Однако, как считает Л.Ф. Красинская, опираясь на данные своего исследования, смена вектора развития в сторону университета предпринимательского типа вызывает сомнения и опасения университетского сообщества по ряду причин: во-первых, традиционное управление вузом утрачивается, система приобретает черты государственного администрирования; во-вторых, университетский менеджмент становится бюрократизированным, сужаются академические свободы; в-третьих, внутривузовское управление, выстроенное на тотальном контроле, строгой дисциплине, излишней отчетности, бессистемности принимаемых решений, усиливает недоверие к руководству со стороны подчиненных [13].

Сложность управления учебными заведениями во многом объясняется спецификой управленческой системы, которую Г. Минцберг назвал «профессиональной бюрократией» [14, с. 113]. Согласно его представлению, управление в современных высших учебных заведениях основано на применении стандартизированных навыков и процедур, позволяющих диагностировать потребности организации путем

наклеивания ярлычков, определять необходимость применения тех или иных стандартных действий для удовлетворения этих потребностей.

Действительно, современная система управления вузом опирается преимущественно на принципы, присущие административному управлению с его отличительными особенностями. К ним относятся:

1) наличие управленческого (административного) аппарата, от профессионализма и четкости выполнения функций которого зависит эффективность деятельности высшего учебного заведения;

2) регламентация внутренних процессов, являющаяся основным принципом, обеспечивающим нивелирование интересов различных уровней управления и составляющих частей оргструктуры;

3) формализация внутривузовских процессов, способствующая упрощению управленческих действий посредством замены словесно-пассивного канала передачи решений и установок руководства механизмом наглядности;

4) использование мер административной ответственности и поощрения, необходимых для стимулирования «правильного» поведения всех сотрудников, как подчиненных, так и руководителей;

5) развитие и поддержание корпоративной культуры (как ценностного ядра любой организации, в том числе университета), служащей маркетинговым инструментом, «объединяющим фактором» для создания адаптивной системы управления вузом.

Можно выделить характерные преимущества административной системы управления современным региональным вузом:

- установление четких правил;
- определение ключевых показателей эффективности;
- формирование и поддержание необходимой корпоративной культуры;
- регламентация внутривузовских процессов;
- распределение зон ответственности и полномочий всех участвующих сторон образовательного процесса;

- высокий уровень четкости, конкретности и системности при распределении обязанностей и уровней ответственности;
- планирование и прогнозирование развития вуза.

Однако, как и любая система, в условиях неопределенности, риска, глобальных изменений внутри государства и в мире в целом система управления современным вузом несет в себе наряду с положительными следствиями отрицательные, подчас критические по своему воздействию. Это происходит по причине необоснованного гипертрофирования структурных принципов принятой системы управления, которая имеет серьезные издержки в виде неразумного, чрезмерного администрирования, принятия неэффективных решений, преувеличения возможностей командования, неоправданного ужесточения требований к работникам и структурным подразделениям. Чрезмерная бюрократизация вузовской среды, несомненно, будет иметь далеко идущие деструктивные следствия. В.П. Бабинцев подчеркивает, что если «будет оставаться тот же уровень бюрократического администрирования в учреждениях высшего образования, то никакой модернизации и инновационного прорыва в стране не будет» [15, с. 16].

Нами была предпринята попытка изучить отношение различных акторов вузовского пространства к административной системе управления. Для проведения исследования было выбрано три государственных университета, различных по контингенту, численности сотрудников и научно-педагогического состава, целевой направленности, но территориально расположенных в одном регионе Российской Федерации – Белгородской области. Исследование проводилось с 1 ноября 2018 года по 1 февраля 2019 года в следующих региональных университетах: «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова», «Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина».

Для сбора данных применялся социологический опрос, в качестве инструментария

использовались анкеты. Обработка результатов опроса производилась при помощи компьютерных программ «Vortex» (описательная статистика) и Microsoft Excel (построение таблиц и диаграмм). Объектом исследования являются научно-педагогические работники и административно-управленческий персонал. Генеральная совокупность исследования составила 3155 респондентов. При доверительной вероятности 95% и ошибке выборки не более 5% требуемый минимальный объем выборочной совокупности составил 343 респондента. В представленном социологическом исследовании применялась стихийная выборка. В опросе приняли участие 364 респондента из числа преподавателей и научных работников и 144 респондента из числа сотрудников администрации, в частности заведующие кафедрами, деканы факультетов/институтов, представители органов управления. Исследование не предполагало анализа мнения студентов, поскольку, несмотря на попытки их включения в процесс управления учреждениями ВО в регионах, студенческое участие в разработке и принятии решений, как правило, носит ограниченный характер и нередко попросту имитируется. В принципе эпизодическое включение части студенческого актива в процесс управления пока не меняет его административно-бюрократического характера. Кроме того, большинство студентов не имеет ясного представления о механизмах управления вузом.

Согласно данным опроса, больше половины респондентов (71%) считают сложившуюся систему управления своим вузом в различной мере удовлетворительной (*рис.*).

Как ожидалось, большинство респондентов (77,5% из числа сотрудников университета, а также 71,5% из числа преподавателей и научных сотрудников) согласилось с утверждением, что в настоящее время наблюдается тенденция к усилению административного характера управления вузами.

По мнению 43,6% респондентов, основным принципом административной системы управления вузом является регламентация внутренних процессов (*табл. 1*), на втором



Рис. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете состояние системы управления Вашим вузом», % от числа опрошенных

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, что наиболее характерно для административной системы управления Вашим вузом?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	% от числа опрошенных
Регламентация всех внутренних процессов	43,6
Наличие четкой организационной структуры	31,3
Составление должностных инструкций с определением функций, прав и обязанностей работников	21,6
Строгий контроль деятельности структурных подразделений	18,4
Строгое следование определенным процедурам и правилам при принятии управленческих решений	16,7

месте по количеству ответов респондентов (31,3%) расположилась четкая организационная структура, на третьем месте – составление должностных инструкций с определением функций, прав и обязанностей работников (21,6%). Примерно в равной мере распределены следующие принципы: строгий контроль деятельности структурных подразделений (18,4%) и строгое следование определенным процедурам и правилам при принятии управленческих решений (16,7%).

Анализ открытых вопросов позволил выявить любопытный феномен: преподаватели, научные сотрудники и административные работники университетов склонны приписывать административной системе

управления даже те характерные черты, которые связаны с ней лишь косвенно. В частности, на вопрос «Что наиболее характерно для административной системы управления Вашим вузом?» были получены следующие ответы: «Старение кадров», «Потеря статуса национального исследовательского университета», «Закрытие некоторых диссертационных советов», «Переход в разряд обычных периферийных вузов», «Не формируется та высокая общая культура личности», «Коррупция», «Удешевление процесса образования при снижении его качества», «Потеря квалифицированных преподавателей», «Отсутствие защит диссертаций в высшей школе: все только учатся, а защищаются единицы» и другие.

По нашему мнению, полученные ответы респондентов приводят к следующему выводу: несмотря на то что устоявшаяся система управления региональным вузом, преимущественно ориентированная на административный тип, по ряду параметров вызывает «отторжение» у сотрудников вуза, они в своем большинстве не считают необходимым отказываться от использования административных методов. И это довольно естественно, поскольку злоупотребление администрированием не означает его порочности в принципе. Некоторые респонденты в собственных ответах отмечали, что система административного управления является необходимой мерой для управления такой большой организацией, как

университет: «Вуз слишком большой, чтобы использовать диспозитивные методы. Не будет административного управления – вуз потеряет все ресурсы и показатели. Все будут работать в режиме похода из кабинета в кабинет», «Не связываю административный подход в управлении с большими рисками для студентов» и другие.

Проблема заключается в другом. Система административного управления вузом в современных условиях приобретает черты «квазиадминистративной» и в концентрированном виде демонстрирует непосредствен-

ным участникам образовательного процесса негативные проявления, имеющие следствие для всех субъектов, задействованных в образовательно-научной и иной деятельности учреждения ВО, на них указали многие административные работники, преподаватели и научные сотрудники. Распределение ответов респондентов представлено в табл. 2.

В рамках исследования было выявлено следующее: 46% респондентов считают, что в настоящее время еще сохраняется возможность ограничить злоупотребление администрированием. По мнению респондентов

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, каковы негативные следствия административного управления?», % от числа опрошенных

Сотрудники университета		Преподаватели и научные сотрудники	
Вариант ответа	% от числа опрошенных	Вариант ответа	% от числа опрошенных
Для Вас			
Необоснованная формализация внутренних процессов	50,0	Снижение интереса к работе	53,8
Имитация деятельности	30,3	Снижение творческой активности	35,2
Фаворитизм, nepoтизм	10,6	Утрата доверия руководству	23,1
		Имитация деятельности	13,2
Для преподавателей			
Снижение интереса к работе	49,3	Необоснованная формализация внутренних процессов	49,5
Утрата доверия к руководству	34,3	Имитация деятельности	38,5
Снижение творческой активности	29,9	Фаворитизм, nepoтизм	20,9
Имитация деятельности	19,4		
Для выпускников			
Несформированность практических навыков	42,4	Несоответствие качества получаемого образования требованиям работодателей	52,7
Несоответствие качества получаемого образования требованиям работодателей	37,9	Несформированность практических навыков	26,4
Для обучающихся			
Имитация образовательной деятельности	47,0	Имитация образовательной деятельности	44,0
Утрата доверия вузу	25,8	Демотивация к образованию	40,7
Для Вашего вуза			
Снижение рейтинга на мировом рынке образовательных услуг	19,4	Снижение рейтинга на мировом рынке образовательных услуг	28,6
Для системы высшего образования			
Снижение качества образования	51,5	Снижение качества образования	68,1
Утрата содержательной составляющей образования	40,9	Утрата содержательной составляющей образования	36,3
Отказ от отечественных традиций в образовании	25,8	Отказ от отечественных традиций в образовании	24,2

из числа преподавателей и научных сотрудников, для этого необходимо упрощать административные процедуры (70,8%), повышать уровень профессионализма управленческих кадров (53,2%), а также внедрять эффективные методики оценивания результатов – 23,6%. Ответы на открытые вопросы включали в себя следующие рекомендации: «Улучшать психологический климат в коллективе», «Предотвращать внутриорганизационные конфликты», «Внедрять открытые методы оценивания результатов».

Таким образом, на основе проведенного исследования можно выделить следующие основные негативные следствия бюрократизации системы управления современным вузом, дифференцируемые по субъектам и объектам управления.

1. Для преподавателей и научных сотрудников негативные следствия проявляются в следующем:

- снижение интереса к работе, или «профессиональное выгорание», вызванное, по мнению Л.Ф. Красинской, не только несоответствием материального вознаграждения затраченным усилиям, но и отсутствием адекватной оценки администрацией вуза трудового вклада преподавателей, кадровыми изменениями в администрации, непрофессионализмом руководства, отсутствием поддержки и помощи со стороны руководителей [16, с. 157];

- утрата доверия к руководству, связанная, как считают В.Г. Халин и Г.Н. Крайнов, с введением в российских университетах дополнительных соглашений, «эффективных контрактов», которые изначально рассматривались в качестве механизма повышения общественного статуса и материального положения преподавателей, но ввиду произошедшей девальвации первоначального смысла перешли в категорию административного «кнута» [17, с. 36; 18, с. 52];

- снижение творческой активности, вызванное чрезмерной стандартизацией, противоречащей сущности творческой педагогической деятельности; Н.Е. Авдеева сравнивает стандартизацию «с некой уравниловкой в образовании, с жестко административным

стилем управления, приводящим лишь к механической, формальной процедуре оценки результатов образования, порождающей завуалированную «процентоманию» [19, с. 4];

- имитация деятельности, выражающаяся в подмене реальных действий «формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией» [20, с. 25] в изображении активного трудового усердия, которое в большинстве случаев является результатом не умышленных действий, а неэффективного управления вузом; А.А. Рубанова не считает имитатора злоумышленником, а напротив, называет его «жертвой бестолковой системы управления», проявляющейся в возникновении круговой поруки, когда руководители боятся признать, что подчиненные имитируют работу, чтобы не акцентировать внимание на собственных ошибках в управлении [21, с. 75].

Важно подчеркнуть, что, согласно данным исследования, имитируют «бурную деятельность» не только преподаватели и научные сотрудники, но и вузовская администрация, обучающиеся. Для последних процесс получения знаний замещается «играизацией», т. е. деятельностью, лишенной прямой практической целесообразности, в которой все осуществляется «понарошку»: студент «понарошку» учится, а преподаватель «понарошку» учит [20].

2. Негативные следствия для административных работников университета представлены в следующем:

- необоснованная формализация внутренних процессов, связанная с лавинообразным увеличением управленческой информации, числа сотрудников университета, усилением господства формальных принципов ведения дел, сила которых в «волонтаризме, вездесущности, стремлении во что бы то ни стало делать так, как она желает, вредить другим, препятствовать их творческому развитию, мешать им нормально жить и трудиться» [22, с. 18];

- фаворитизм и nepотизм как следствие деформации иерархических отношений в системе управления, субординации в кол-

лективе, которые, по мнению Д.М. Сафиной, способны сдерживать здоровую конкуренцию за руководящие должности, карьерный рост более высококвалифицированных и опытных сотрудников и привести к более серьезным последствиям – «утечке мозгов» и коррупции [23].

3. Для университета в целом бюрократизация оборачивается снижением рейтинга на мировом рынке образовательных услуг в результате ухудшения качества реализуемых программ, снижения мобильности студентов, отсутствия осознания значимости экспорта образовательных услуг, отсутствия четкой скоординированности действий всех основных субъектов управления как внутри университета, так и на региональном и федеральном уровне [24].

4. К числу негативных следствий для потребителей образовательного продукта относятся:

- утрата доверия вузу, подкрепляющаяся, в частности, тем, что его руководство зачастую инородно в отношении профессиональной карьеры основной массе работников; известно, что в последнее время «ректора-ученого как первого среди равных профессоров» все чаще меняет ректор-администратор на вершине иерархии новой академической власти¹, при этом он приводит в вуз свою команду, как правило, не адаптированную к новой среде и не понимающую ее традиций;

- несоответствие качества получаемого образования требованиям работодателей, детерминированное разницей между качеством образовательного процесса, которое вуз может предложить потенциальным абитуриентам, и качеством, которое работодатели ждут от выпускников высших учебных заведений;

- несформированность практических навыков, вызванная, по словам ректора Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС Джомарта Алиева, наличи-

ем большого спектра знаний и отсутствием специализированных знаний, необходимых для овладения практическими навыками: «Вузы дают достаточно теоретических знаний, но стоит пересмотреть программы обучения и на последних курсах делать больший акцент на практику»².

5. Негативными следствиями для системы высшего образования являются следующие:

- снижение качества образования, возникающее в результате изменений условий образовательной среды под влиянием внешних и внутренних факторов, а также вследствие постоянного противостояния органов управления вуза и преподавателей, «новаторов» и «консерваторов» [25];

- утрата содержательной составляющей образования, выражающаяся, по мнению А. Адамского, в отсутствии нацеленности образовательной политики на образование, работу институтов и, напротив, в направленности на обслуживание органов управления³; в этом случае показатели становятся важнее самой образовательной деятельности: вместо борьбы за качество на первый план выходит борьба «за цифры», как результат – снижение качества образования и отвлечение ресурсов вуза от реальной науки; В.П. Бабинцев также отмечает, что в результате утраты содержательной составляющей образования вуз превращается в «продолжение администрации субъекта РФ», «псевдоинтеллектуальный протез» региональной системы управления» [26, с. 36];

- отказ от отечественных традиций в образовании, иными словами, от фундаментального образования, обусловленный трансформацией университета в «транснациональную бизнес-корпорацию, которую больше не интересуют национальная культура и национальное государство, а интересуют лишь некие абстрактные ценности,

² Буренкова А., Курносова А. Недостаточно высокое образование // Коммерсант. 2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3037653> (дата обращения 10.02.2019).

³ Адамский А.И. Пагубная самонадеянность // Новая газета. 2015. № 123. С. 13. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/11/09/66293-pagubnaya-samonadeyannost> (дата обращения 10.02.2019).

¹ Адамский А.И. Пагубная самонадеянность // Новая газета. 2015. № 123. С. 13. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/11/09/66293-pagubnaya-samonadeyannost> (дата обращения 10.02.2019).

производимые фактически для собственно-го использования» [27].

Таким образом, деятельность вуза все более превращается в забюрократизированный процесс с бесконечной отчетностью, что способствует развитию патологий не только для вуза, но и для всей системы высшего образования. В совокупности полученные результаты исследования однозначно свидетельствуют о выраженной озабоченности преподавателей и научных сотрудников, административных работников университета негативными следствиями чрезмерного администрирования.

В то же время очевидно, что преодолеть данную тенденцию будет довольно трудно, для этого потребуются значительные усилия, связанные, прежде всего, с созданием условий для включения в процесс управления научно-педагогического коллектива. Активизировать вузовскую общественность, например, позволяет создание системы общественных советов, которые принимают участие в разработке управленческих решений, их обсуждении и контроле работы администрации. Так, в «Белгородском государственном национальном исследовательском университете» согласно Программе развития «Белгородский государственный национальный исследовательский университет как градообразующий научно-образователь-

ный, инновационно-производственный и социально-культурный центр Белгородской области» на 2018–2022 годы с целью адаптации управленческой структуры для новых задач инновационного развития вуза были созданы три совета: Совет по образовательной, международной и социально-воспитательной деятельности; Совет по реализации программ стратегического развития и имущественному комплексу и Совет по научной и инновационно-производственной деятельности. Однако одного факта их организации явно недостаточно. Требуется мотивировать преподавателей, сотрудников и студентов к реальному участию в их функционировании. Это, в свою очередь, предполагает понимание содержания диспозиций акторов вузовского пространства, которое может быть обеспечено за счет системной социальной диагностики.

В соответствии с вышесказанным результаты проведенного нами исследования могут быть востребованы для определения приоритетов в ходе наращивания общественной составляющей в управлении вузом. Перспективы его в дальнейшем мы связываем и диагностикой диспозиций студенчества, а также с анализом барьеров, возникающих как следствие чрезмерного администрирования, и способов их преодоления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грудзинский А.О. Университет как предпринимательская организация // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 113–120.
2. Салми Д., Фруммин И.Д. Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 5–45.
3. Щелкунов М.Д. Университеты нового поколения // Вестн. экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 187–192. DOI: 10.18454/esc.2017.1.5525
4. Trencher G. Beyond the Third Mission: Exploring the Emerging University Function of Co-creation for Sustainability. *Science & Public Policy*, 2014, vol. 41, pp. 151–179.
5. Levin R.C. *The rise of Asia's universities: Speech to the Royal Society*. Yale University Office of Public Affairs. Available at: <https://ypa.yale.edu>
6. Altbach P.J., Salmi J. *The road to academic excellence. The making of world-class research universities*. Washington, 2011. 363 p.
7. Jongbloed B. Marketization in higher education, Clark's triangle and the essential ingredients of markets. *Higher Education Quarterly*, 2003, vol. 57, pp.110–135.

8. Urbano D., Guerrero M., Fayolle A. Entrepreneurial universities: Socio-economic impacts of academic entrepreneurship in a European region. *Technology Transfer*, 2016, vol. 1, pp. 105–131. DOI: 10.1007/s10961-014-9377-4
9. Dobbins M., Knill C., Vogtle E.M. An analytical framework for the cross-country comparison of higher education governance. *Higher education*, 2011, vol. 62, pp. 665–683. DOI: 10.1007/s10734-011-9412-4
10. Clark B.R. Creating entrepreneurial universities: Organizational pathways of transformation. *Higher Education*, 1998, vol. 38, pp. 373–374.
11. Рябова С.В. Мониторинг качества образования как базовый элемент системы управления вузом : дис. ... канд. экон. наук. Ульяновск, 2013. 142 с.
12. Буняк Н.М. Предпринимательский университет: сущность и особенности формирования // *Juvenis scientia*. 2016. № 2. С. 144–147.
13. Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... Что ожидает высшую школу завтра? // *Высшее образование в России*. 2016. № 3. С. 73–82.
14. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / пер., ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2004. 212 с.
15. Бабинцев В.П., Римский В.П. Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс // *Наука. Искусство. Культура*. 2014. № 4. С. 5–17.
16. Красинская Л.Ф. Профессиональная мотивация преподавателя как фактор, влияющий на инновационные преобразования в высшей школе // *Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук*. 2008. № 1. С. 153–159.
17. Халин В.Г. Эффективный контракт профессора: кнут или пряник? // *Проблемы управления в социальных системах*. 2014. № 1. С. 28–42.
18. Крайнов Г.Н. Будет ли эффект от эффективного контракта в системе высшего образования? // *Высшее образование в России*. 2017. № 5. С. 52–58.
19. Авдеева Н.Е. Проблема стандартизации образования, необходимость ее разработки и практического внедрения: мат-лы Всерос. науч.-исслед. конф. преподавателей, аспирантов, студентов, обучающихся «Ломоносовские чтения – 2017», 11–12 мая 2017 г. Т. 2. Старый Оскол: СТИ НИТУ «МИСиС», 2017. С. 4–7.
20. Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // *Власть*. 2012. № 5. С. 24–29.
21. Рубанова А.А. Общее понятие, формы и причины имитации трудовой деятельности // *Всерос. журн. науч. публ.* 2011. № 8 (9). С. 75–76.
22. Гобозов И.А. Управление и бюрократия // *Философия и общество*. 2009. № 4. С. 5–21.
23. Сафина Д.М. Влияние фаворитизма и nepотизма на организационное и экономическое развитие // *Дискуссия. Журн. науч. публ.* 2013. № 10 (40). С. 89–94.
24. Чеботарева М.С. Россия на мировом рынке образовательных услуг // *Молодой ученый*. 2012. № 5. С. 249–252. URL: <https://moluch.ru/archive/40/4854> (дата обращения 11.02.2019).
25. Бабинцева Е.И., Мураховская И.Г., Серкина Я.И. Снижение качества образования как следствие бюрократизации вузов // *Научные ведомости*. 2014. № 16 (187). Вып. 29. С. 45–48.
26. Бабинцев В.П. Бюрократизация регионального вуза // *Высшее образование в России*. 2014. № 2. С. 30–37.
27. Readings B. *The university in ruins*. London, 1996. 231 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логвинова Анастасия Владимировна – специалист по образовательной деятельности отдела методической работы департамента образовательной политики. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. E-mail: logvinova_a@bsu.edu.ru. Тел.: +7(4722) 30-18-64.

Logvinova A.V.

ADMINISTRATIVE SYSTEM OF REGIONAL UNIVERSITY MANAGEMENT AND ITS NEGATIVE CONSEQUENCES

The article proves that the modern system of managing a higher education institution is of administrative, that is bureaucratic, character, which has recently become more vivid under the influence of both global processes and specifics of higher education institution development. The bureaucratic system of university management has a number of advantages: establishment of clear rules, definition of key performance indicators, formation and maintenance of necessary corporate culture, regulation of intra-university processes, distribution of areas of responsibility and authority of all parties involved in the educational process, high level of clarity, specificity and consistency in determination of duties and responsibility levels, planning and forecasting of university development. The article presents some results of the sociological research, which helps identify real attitude of various actors of the university space to the administrative management system, as well as determine negative consequences for both individual universities and the higher education system, resulting from excessively expanded administrative practices. They are as such: imitation of activities of all actors of the educational space, loss of trust in university managers on the part of teachers, reduced creative activity of teachers and researchers, graduates' insufficient practical skills, discrepancy between education quality and employers' requirements, loss of trust in the university on the part of students, lack of motivation to study, unjustified formalization of internal processes, favoritism and nepotism, reduced rating of the university in the world market of educational services, reduced education quality, loss of the content of education, rejection of domestic traditions in education.

Administration, university, institute of higher education, system, administrative management, risk, challenge, trend, tendency, bureaucratization, regulation, standardization, formalization, imitation

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Logvinova Anastasiya Vladimirovna – Educational Activity Specialist of the Methodical Work Sector at the Department for Educational Policy. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Belgorod State National Research University”. 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation. E-mail: logvinova_a@bsu.edu.ru. Phone: +7(4722) 30-18-64.

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.9

УДК 316.444 | ББК 60.54

© Вяльшина А.А., Дакирова С.Т.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ВЫПУСКНИКОВ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ



ВЯЛЬШИНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА

Институт аграрных проблем Российской академии наук
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94
E-mail: iagpran@mail.ru



ДАКИРОВА СВЕТЛАНА ТЛЕКОВНА

Институт аграрных проблем Российской академии наук
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94
E-mail: iagpran@mail.ru

Целью статьи является социологический анализ образовательных ориентаций выпускников сельских школ Саратовской области. Актуальность исследования обусловлена стратегической ролью молодежи в процессах формирования человеческого капитала России и модернизации ее социально-экономического развития. Выделены три группы выпускников сельских школ по образовательным ориентациям (ориентированные на получение среднего профессионального и начального профессионального образования; желающие получить высшее образование и ориентированные на послевузовское образование). Представлен анализ факторов, обуславливающий формирование определенного типа ориентаций, связанных с ближайшим окружением (семья и родственники, друзья, учителя, средства массовой информации, интернет) и внутренними особенностями (склонности, ценности, мотивация). Выявлено, что дифференциация образовательных намерений обусловлена различиями в системах жизненных ценностей молодых людей и месте образования в них, барьерами

Для цитирования Вяльшина А.А., Дакирова С.Т. Факторы формирования образовательных ориентаций выпускников сельских школ Саратовской области // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 134–151. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.9

For citation: Vyalschina A.A., Dakirova S.T. Factors of forming educational attitudes of rural school leavers in the Saratov Oblast. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 134–151. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.9

на пути реализации образовательных стратегий и предпосылками обеспечения образовательных стремлений (факторы достижения жизненного успеха, оценка субъективного уровня успеваемости, ближайшие жизненные планы). Представлен анализ особенностей жизнеустройства выпускников 9 и 11 классов средних школ региона, позволяющий оценить степень реализации индивидуальных образовательных ориентаций сельской молодежи. Показано, что успешность образовательных стратегий зависит от особенностей родительской семьи (уровень образования родителей, социально-экономический статус семьи, состав и структура семьи), а также личностных качеств, особенностей мотивационно-достиженческой системы и характеристик ближайшего окружения молодых людей. Информационную базу исследования составляют результаты прикладного социологического исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2017 году. Результатом исследования является вывод о наличии существенных различий в образовательных притязаниях выпускников сельских школ Саратовской области, обусловленных многообразием их интересов, потребностей, смысложизненных ценностей и имеющимися возможностями. Сделан вывод о том, что высокие образовательные и профессиональные стремления значительной части выпускников сельских школ позволяют считать уровень жизненных притязаний молодежи основным ограничением будущего устойчивого развития сельских территорий.

Сельская молодежь, образовательные ориентации, социологическое исследование, Саратовская область.

Устойчивое развитие сельских территорий подразумевает поддержание стабильности и жизнеспособности территориальных социально-экономических систем на основе их способности адаптироваться к условиям и факторам изменяющейся внешней среды. Именно соответствие ресурсов и возможностей территории требованиям внешней среды является основой не только ее выживаемости, но и конкурентоспособности [1]. Сельская молодежь представляет собой стратегический ресурс устойчивого развития сельских территорий в связи с многообразием ее функций в обеспечении функционирования села. Она выступает в качестве субъекта преобразования социально-экономической реальности посредством реализации моделей поведения, способствующих достижению целей и задач устойчивого развития сельских территорий или ограничивающих данные процессы.

Российская молодежь, в том числе и сельская, является частью общемировой молодежной возрастной когорты, строит свою жизнь в соответствии со специфическими особенностями российской реальности и наряду с этим впитывает, примеряет на себя системы жизненных ценностей, модели по-

ведения и практики взаимодействия, свойственные индивидам эпохи глобализации. Результат этих процессов – изменение критериев выбора профессии, трансформация образовательных стратегий молодежи и моделей их выхода на рынок труда, преобразование моделей создания семьи и родительства, смена критериев успеха и способов его достижения. Для последних десятилетий характерно изменение ценности образования в жизненных стратегиях молодежи. Исследования под руководством В. Шубкина и Г. Чередниченко свидетельствуют, что раньше молодежь ощущала терминальную ценность образования, признавая его фактором индивидуального социального самоутверждения [2, с. 128–131]. В. Чупров и Ю. Зубок утверждают, что на сегодняшний день образование, специальность, квалификация гораздо в большей степени ценятся инструментально как «капитал для инвестирования в гарантированное и желательное перспективное занятие, как способ достижения материальных целей и доступ к другим общественным благам» [3, с. 161].

Некоторые авторы (В. Радаев, Ч. Ильдараханова, А. Темницкий) считают, что именно отношение к образованию как к инвестици-

онному благу, с одной стороны, объясняет смену образовательных ориентаций, стратегий и ожиданий от выбираемой профессии, а с другой – обуславливает наличие дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда [4–6]. Молодые люди и их родители оценивают профессиональное образование с точки зрения будущих результатов на рынке труда на основе соотношения затрат и будущих выгод, что приводит к выбору тех направлений обучения, которые имеют более высокую отдачу в будущем [7]. Однако, по мнению П. Сорокина, перепроизводство общественной элиты, характеризующейся высоким уровнем образования и социальным статусом, является вредным для общества и грозит дестабилизацией, поскольку в жизнь выходит масса людей с амбициями, удовлетворить которые общество оказывается не в состоянии [8, с. 419]. Очевидно, что в этих условиях большинство предприятий агропромышленного комплекса со своими неблагоприятными условиями труда, низкими зарплатами и смутными перспективами не привлекают молодежь.

Анализ образовательных ориентаций имеет интерес еще в связи с тем, что в России и других странах отмечена тенденция формирования социальной группы экономически неактивной молодежи, которая не работает и не учится (NEET-молодежь). Исследователи отмечают, что проявилась модель поведения подростков, для которой характерен одновременный отказ от учебы и работы [9–13]. Мотивы этого распространяющегося поведения различны, однако очевидно, что социальные изменения и трансформации выявили новые проблемы молодого поколения. Все многообразие моделей образовательного, трудового и профессионального поведения молодежи требует глубокого и всестороннего анализа для выявления их влияния на процессы накопления и эффективного использования человеческого капитала страны.

Образовательные стратегии выпускников сельских школ к настоящему времени существенно изменились в сравнении с ситуацией пятнадцатилетней давности и ста-

ли похожи на образовательные стратегии городской молодежи [14; 15]. Причинами этой конвергенции стали рост доходов сельского населения (чаще всего за счет трудовой миграции), изменения в стимулировании деятельности средней школы, рост доступности профессионального и высшего образования. Различия в стартовых возможностях детей из семей с разным ресурсным потенциалом, обуславливающие дифференциацию образовательных и трудовых стратегий молодежи, являются фактором формирования социального неравенства и динамики социальной мобильности. Исследования показывают, что образовательное поведение молодых людей является важным фактором не только их будущей профессиональной самореализации и повышения социального статуса, но и обуславливает особенности молодежного рынка труда региона и страны в целом [16; 17, с. 142].

С другой стороны, социально-трудовые ресурсы села являются основной движущей силой развития сельских территорий. Саратовская область имеет развитое сельскохозяйственное производство: в основном растениеводство, мясомолочное и масложировое производство. Регион удерживает лидирующие позиции в стране по развитию крестьянско-фермерских хозяйств. Удовлетворение потребностей сельскохозяйственного производства в кадрах должно основываться на дифференцированном подходе. Крупным сельскохозяйственным предприятиям, филиалам агрохолдингов требуются технические и аграрные специалисты узкого профиля и эффективные менеджеры различного уровня, в то время как фермерам нужны универсальные знания работников, совмещающих ряд профессиональных сфер. В Саратовской области образуется научно-исследовательский центр сельскохозяйственного направления, занимающийся селекцией полевых культур Юго-Востока России, разработкой основ точечного земледелия, ресурсосберегающих технологий возделывания культур, поэтому потребность в кадрах научной специализации высока. Таким образом, современное социально-эко-

номическое развитие сельских территорий Саратовской области и особенности сельскохозяйственного производства региона обуславливают потребность в кадрах всех уровней подготовки и квалификации. Главной задачей в этих условиях становится разработка эффективных механизмов привлечения молодых специалистов на село и их закрепления в АПК.

Именно поэтому особое значение приобретает анализ образовательных ориентаций современных выпускников сельских школ, их мотивов выбора профессии, а также факторов достижения жизненных успехов с целью выявления различий между отдельными социальными группами сельской молодежи и поиска возможностей увязки их будущих планов с задачами устойчивого развития сельских территорий. В этих условиях важно понять, каковы перспективы согласования трансформирующихся установок и предпочтений сельской молодежи, требований общества и целей устойчивого развития сельских территорий.

Анализ жизнеустройства выпускников сельских школ Саратовской области

Несмотря на то что объектом данного исследования являются выпускники 11 классов сельских школ, необходимо проанализировать особенности образовательных ориентаций выпускников 9 классов, чтобы понимать их социальное происхождение. Исследователи отмечают, что за последние 15–20 лет структура учащихся 10–11 классов сельских школ России изменилась в сторону преобладания молодых людей, целеустремленно ориентированных на получение высокого уровня образования и поступление главным образом в вузы [14; 18, с. 221–223]. Можно сделать вывод, что поступление в 10–11 класс общеобразовательной школы является своеобразным социальным «фильтром», по линии которого происходит дифференциация образовательных и жизненных стратегий современной сельской молодежи. При получении основного общего образования (то есть по окончании 9 классов) сельская молодежь делится на

две социальные группы: на тех, кто ориентируется на получение высокого уровня образования, и тех, кто выбирает приобщение к миру профессий среднего уровня квалификации и скорейший выход на рынок труда. Иными словами, поступление в 11 класс свидетельствует об ориентации на продолжение образования. Полученные выводы подтверждаются материалами предыдущих исследований, например, под руководством Д.Л. Константиновского с использованием методики изучения ожиданий и реальных жизненных путей молодежи (разработанной В.Н. Шубкиным). По данным этих опросов, часть рабочей молодежи, приехавшей из сел в города, начинала свою трудовую жизнь (в том числе поступая в ПУ и ссузы) после окончания 9 класса; все молодые люди принадлежали к низкостатусным слоям по своему происхождению [19, с. 15–17]. Таким образом, выбор в качестве объекта исследования учащихся 11 классов обусловлен, с одной стороны, сформированной у них ориентацией на продолжение образования, с другой – сложностью изучения стремлений учащихся 9 классов из-за незрелости их жизненных, образовательных и трудовых ориентаций.

Проведенный анализ данных Регионального центра оценки качества образования Саратовской области (ГАУ СО «РЦОКО») по анализу жизнеустройства выпускников сельских школ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, из выпускников 9 классов сельских школ Саратовской области в 2016 году около 40,7% продолжили обучение, то есть поступили в 10–11 классы, еще 54,9% отправились в ссузы, остальные 4,5% расстались с системой образования (пошли в армию, не получили аттестат, появился ребенок) (рис. 1).

Во-вторых, из состава выпускников 11 классов сельских школ в 2016 году только 59,1% поступили в вузы, в основном в областной центр. Каждый шестой выпускник покинул пределы Саратовской области (15,1%), причем треть этого потока составили молодые люди, поступившие в вузы г. Москвы и г. Санкт-Петербурга (4,2%), а две трети – в вузы соседних регионов (10,9%). Около

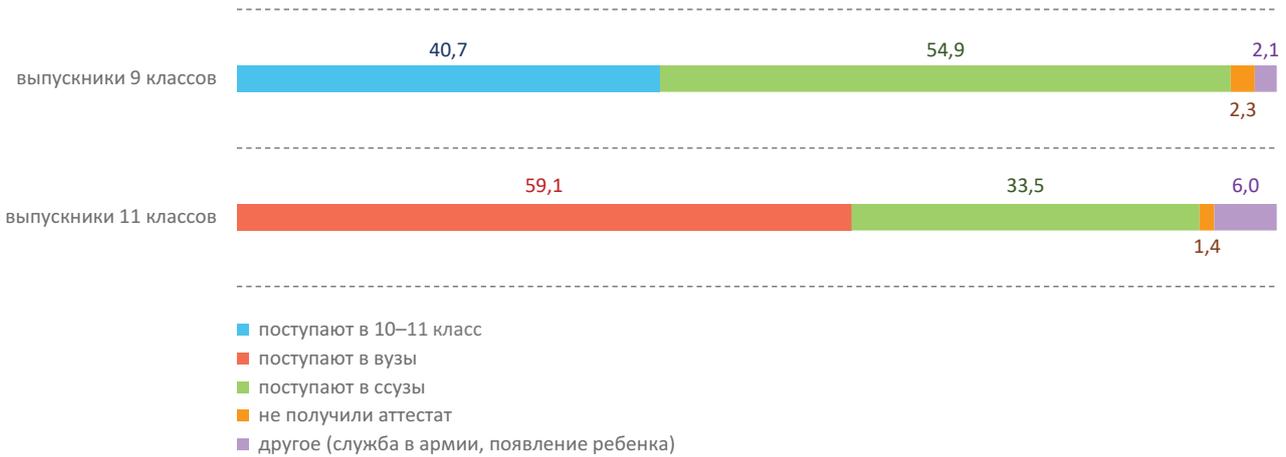


Рис. 1. Анализ жизнеустройства выпускников 9 и 11 классов сельских школ Саратовской области в 2016 году

Составлено по: данные ГАУ СО «РЦОКО». URL: <http://sarrcoko.ru/feedback>

33,5% выпускников сельских школ поступили в ссузы, еще 6,0% прекратили обучение по другим причинам (в основном из-за службы в армии (25,7%), из-за отпуска по уходу за ребенком (5,9%), переезда на другое место жительства (чаще всего в Казахстан), а также по причине выхода на рынок труда – ищут работу).

В-третьих, полученные данные свидетельствуют о том, что в семьях, ориентирующих своих детей на поступление в 11 класс и получение в дальнейшем высокого уровня образования, выше концентрация высокообразованных родителей. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в составе сельских жителей Саратовской области трудоспособного возраста около 13,5% лиц с высшим образованием и 29,2% со средним профессиональным. Среди опрошенных нами родителей выпускников сельских школ доли родителей с таким уровнем образования намного выше. Полученные нами данные показывают, что около 39,1% родителей имеют высшее образование и 36,7% среднее профессиональное (рис. 2). Таким образом, очевидно, что среди детей, оканчивающих в 2016 году 11 класс, высока концентрация выходцев из высоко-статусных по сельским меркам семей.

Анализ потока поступивших в вузы г. Саратова показывает, что чаще других в высшие учебные заведения поступают выпуск-

ники отсталых, экономически слабо развитых районов области, причем доли поступивших составляют около 70–80% от всех выпускников. Их центрами являются, как правило, рабочие поселки без работающих предприятий, организаций, жители которых выживают либо за счет трудовой миграции, либо за счет обслуживающих коммунальных производств или бюджетной сферы, а также собственного хозяйства. Очевидно, что родители стараются всеми силами «вытолкнуть» своих детей из этих отдаленных, глухих поселков в областной центр. Лидерами здесь являются Петровский (83,3% выпускников поступили в вузы г. Саратова), Питерский (74,6%), Ивантеевский (75,4%), Аркадакский (77,4%), Турковский (76,1%) районы. Это зачастую ученики малокомплектных сельских школ, получившие фактически индивидуальное обучение, когда в классе 3–5 человек, что позволяет детям сосредоточиться на подготовке к ЕГЭ и получить хорошие баллы. В сельских школах отдельных районов Саратовской области в 2016 году заканчивали 11 класс от 15 до 70 человек на весь район.

Анализ направлений поступлений в вузы показывает, что в среднем по области четверть сельских выпускников притягивает Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (СГУ) – 26,9%, на втором месте Саратовский государственный

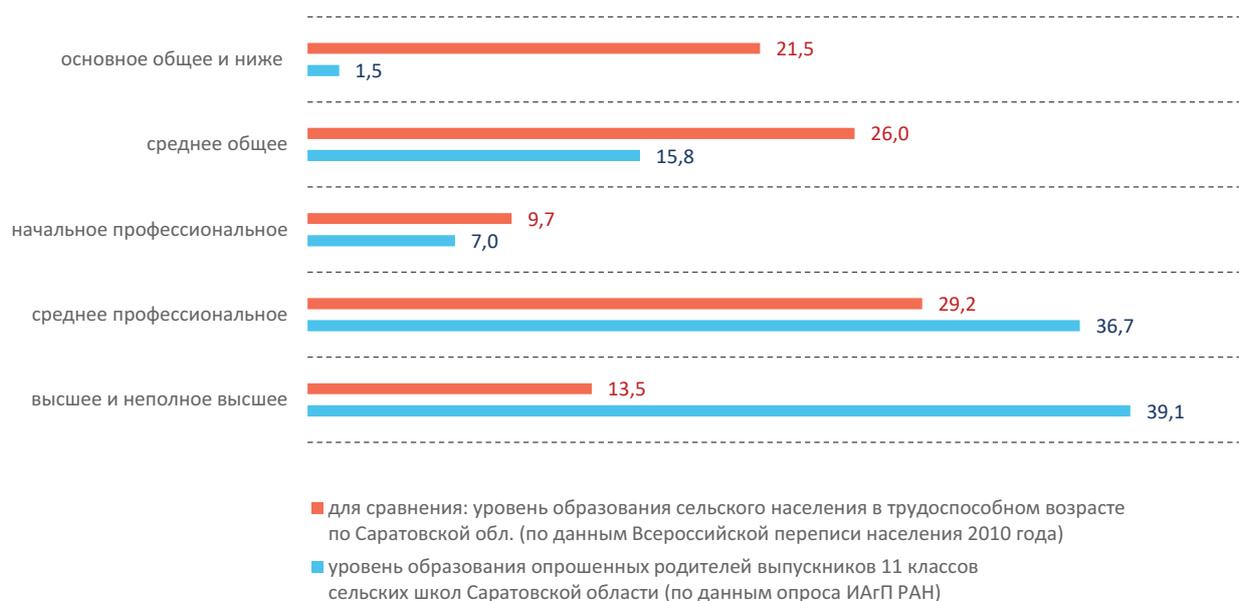


Рис. 2. Уровень образования сельских жителей Саратовской области трудоспособного возраста

Составлено по: данные прикладного социологического исследования «Трудовые предпочтения сельской молодежи», проведенного ИАГП РАН в 2017 году; данные Всероссийской переписи населения – 2010 представлены для сравнения.

аграрный университет имени Н.И. Вавилова (СГАУ) – 14,9%, на третьем – Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина (СГТУ) – 14,6%. Вместе эти вузы в 2016 году привлекли более половины выпускников 11 классов сельских школ Саратовской области (56,4%). В Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ПИУ) поступили 7,4% сельских выпускников, в Саратовскую государственную юридическую академию (СГЮА) – 6,5%, в Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского (СГМУ) – 6,1%, в Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (СГСЭУ) – 5,5%.

Важно отметить, что сельские выпускники из отдаленных, приграничных районов области чаще поступают в вузы соседних регионов. Чаще всего это учебные заведения соседней Самарской области, реже – Тамбовской и Пензенской областей. Привлекательность образовательной системы Самарской области обусловлена, во-первых, разнообразием учебных заведений высшего про-

фессионального образования и наличием профильных вузов, отсутствующих в Саратовской области (например, Самарский государственный университет путей сообщения, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Поволжский государственный университет сервиса), во-вторых, применением инновационных подходов для модернизации системы образования Самарской области для повышения ее конкурентоспособности (в результате этих мероприятий доля абитуриентов из других регионов составляет около 27%), в третьих более высоким уровнем социально-экономического развития региона и диверсифицированным рынком труда, обеспечивающими трудоустройство. Система среднего профессионального образования Самарской области является одной из самых динамично развивающихся в России. Регион является участником приоритетного проекта «Подготовка высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров с учетом современных стандартов и передовых технологий»; стал одним из инициаторов движения Worldskills в России; занимается адаптацией образовательных программ к квалификационным требованиям

работодателей и профессиональным стандартам. Многие учреждения среднего профессионального образования Самарской области были преобразованы в Ресурсные центры профессионального образования и Многофункциональные центры прикладных квалификаций. Большинство из них сосредоточено в крупных городах (Самара, Сызрань, Тольятти), но есть организации и в меньших населенных пунктах. Именно инновационные подходы к развитию и популяризации среднего профессионального образования Самарской области объясняют стабильный интерес абитуриентов как из данного региона, так и из соседних.

Анализ потока сельских выпускников 11 классов, поступивших в ссузы, позволяет сделать вывод о том, что выше среднего удельный вес поступивших среди выпускников 10 районов области, имеющих средние специальные учебные заведения, позволяющие получить востребованную специальность (пилот гражданской авиации, техник, бухгалтер, дизайнер, преподаватель, технолог переработки мяса и молока и др.)¹.

Таким образом, из этого следует, что получают среднее общее образование в селах Саратовской области дети родителей, имеющих более высокий уровень образования и, как следствие, более высокий социально-экономический статус. Молодые люди из низкоресурсных семей чаще поступают в ссузы, ориентируясь на рабочие специальности. Часто вузы, расположенные в городе, сельская молодежь выбирает сугубо по территориальному признаку – недалеко от дома и семьи. Молодежь из приграничных районов чаще уезжает в соседние регионы. Получение среднего профессионального образования в глубинке Саратовской области

зачастую связано с наличием местных средних специальных учебных заведений.

Методология исследования

Информационную базу исследования составляют результаты прикладного социологического исследования «Трудовые предпочтения сельской молодежи», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2017 году. Выборка целевая, N=370. Объектом исследования являлись учащиеся 11 классов средних общеобразовательных сельских школ Саратовской области. Всего в Саратовской области в 2017 году было 2199 сельских одиннадцатиклассников, нами опрошено около 16,8% из них. Выбор школ осуществлялся на основе наполняемости класса (отбирались сельские школы, имеющие на момент исследования не менее 10 учащихся 11 классов).

Целью исследования являлось изучение особенностей образовательных ориентаций выпускников сельских школ, анализ мотивов этого выбора на основе исследования ценности образования и образовательных предпочтений, выявление барьеров на пути их реализации, а также главных предпосылок их обеспечения (факторы достижения жизненного успеха, оценка субъективного уровня успеваемости, ближайшие жизненные планы). Основными задачами исследования определены следующие: 1) выявление ценности образования в структуре жизненных ценностей сельских выпускников; 2) исследование основных барьеров на пути реализации выбранных образовательных стратегий; 3) анализ факторов обеспечения образовательных стремлений (субъективная оценка успеваемости респондентов, средства достижения жизненного успеха, ближайшие жизненные планы).

¹ Так, около 53,1% недавних школьников Краснокутского района, не отправившихся в вузы, идут учиться в Краснокутское летное училище гражданской авиации; 50,0% выпускников 11 классов Красноармейского района – в местные Автомобилестроительный колледж и филиал Педагогического колледжа. Около 50,7% вчерашних сельских одиннадцатиклассников Лысогорского района уезжают в ссузы соседних Аткарского и Татищевского районов. Там есть Аткарский филиал социально-педагогического колледжа, Аткарский филиал финансово-технологического техникума, в Татищеве два сельскохозяйственных техникума. Город Балаково с имеющимися медицинским колледжем, политехническим техникумом и училищем искусств собирает не только 46,2% сельских выпускников 11 классов своего района, но и ребят из соседних районов (43,6% из Ершовского, 46,7% из Краснопартизанского, 44,2% из Озинкского). Из Хвалынского района около 41,7% выпускников 11 классов поступают в ссузы соседнего района с центром в г. Вольске, где расположены медицинский колледж, сельскохозяйственный техникум, колледж мостов и гидротехнических сооружений и музыкальное училище.

В соответствии с целями нашего исследования была проведена типологическая группировка респондентов на основании заявленных ими образовательных стремлений. Анализ образовательных стремлений молодых людей осуществлялся путем оценки ответов респондентов на вопрос о достаточном уровне образования («Какой уровень образования вы считаете достаточным для себя?»). Получено следующее распределение:

1) первая группа – это молодые люди, ориентированные на получение среднего и начального профессионального образования (объединены варианты ответов «мне достаточно школы», «я бы хотел учиться в ПТУ, ТУ, СПТУ», «на проф. курсах», «я бы хотел учиться в техникуме, колледже») (12,5% от опрошенных);

2) вторая группа – это молодежь, ориентированная на получение высшего образования (70,5%);

3) третья группа – это лица, ориентированные на получение образования, более высокого, чем обучение в вузе («хочу попробовать поступить в аспирантуру», «хотел бы получить несколько образований») (17,0%). Необходимо обратить внимание, что выбор указанных альтернатив молодыми людьми обусловлен во многом идеалистическими представлениями о будущем, мечтами, романтическими настроениями. Необходимость получения собственного дохода, создание семьи или желание поддерживать определенный уровень потребления скорректируют эти планы значительной доли молодежи. Однако продолжение учебы зачастую является хорошей альтернативой началу трудовой жизни, поиску работы, особенно при наличии финансовой и моральной поддержки родителей. Поэтому чрезмерно высокие образовательные ориентации вероятнее всего будут реализованы у незначительной части сельской молодежи.

Среди молодых людей, ориентированных на получение среднего профессионального и начального профессионального образования, больше мужчин, чем женщин (55,6 и 44,4% соответственно). В идентификации высоких образовательных стремлений очень

заметна гендерная асимметрия. Так, на получение вузовского образования ориентированы 61,3% девушек и 38,7% юношей; для ориентаций на послевузовское образование эти различия еще более существенные – 72,1 и 27,9% соответственно. Ориентации на получение среднего и начального профессионального образования чаще свойственны детям – выходцам из монородительских домохозяйств, их родители чаще имеют невысокий уровень образования, среди них выше доля лиц, не имеющих официальной занятости. Родители выпускников школ, ориентированных на получение высшего образования, чаще остальных заняты в бюджетной сфере села, среди них высока доля представителей администрации муниципалитетов, ИТР и служащих местных предприятий, работников сферы образования, здравоохранения, культуры. Молодые люди, желающие получить послевузовское образование, – это почти всегда выходцы из семей, где один из родителей или оба с высшим образованием, чаще остальных занимаются предпринимательством, имеют богатый социальный капитал, то есть относятся к высокоресурсным семьям.

Различия в образовательных стремлениях сельской молодежи проявляются в направлениях профессиональных интересов (табл. 1).

Результаты исследования

Образовательные ориентации и факторы, их определяющие

Рабочей гипотезой относительно образовательных ориентаций респондентов является предположение, что установки на будущее во многом обусловлены особенностями родительской семьи и дифференцированы в зависимости от системы жизненных ценностей, трудовых предпочтений и жизненных ориентаций сельской молодежи. Они операционализируются с помощью выявления ценности образования для молодых людей и его места в иерархии жизненных ценностей, возможных барьеров для их реализации, а также оценки средств достижения жизненных целей.

Таблица 1. Направления профессиональных интересов сельской молодежи в зависимости от ближайших образовательных ориентаций, % от числа ответивших на вопрос

Направление	Ориентированные на получение среднего профессионального и начального профессионального образования	Ориентированные на получение высшего образования	Ориентированные на получение послевузовского образования	Среднее значение по выборке
Сельскохозяйственное	7,0	2,9	6,7	4,1
Педагогическое	16,3	20,3	23,3	20,3
Медицинское	20,9	16,6	26,7	18,9
Экономическое	7,0	25,3	15,0	21,2
Юридическое	4,7	22,8	30,0	21,8
Инженерно-техническое	20,9	24,5	18,3	23,0

Влияние ресурсов семьи на выбор образовательных траекторий

Среди выделенных групп молодежи проявляются различия в составе семей их происхождения, которыми, возможно, частично и обусловлены различия в образовательных ориентациях. Если по наличию обоих родителей или принадлежности к монородительской семье особых различий в выделенных группах нет, то относительно наличия братьев/сестер, а также других родственников в семье – есть. Так, лица, ориентированные на получение среднего профессионального и начального профессионального образования, гораздо чаще остальных проживают в расширенных семьях – 71,4% из них имеют совместно проживающих бабушек, дедушек и других родственников. Среди молодежи, ориентированной на получение послевузовского образования, выходцев из расширенных семей только 38,4% (среди ориентированных на получение высшего профессионального образования – 52,5%). Кроме того, заметны различия в образовательных ориентациях молодых людей в зависимости от статуса занятости и сферы занятости их родителей. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что у молодежи, ориентированной на получение высшего профессионального образования, выше остальных групп доля родителей, занятых в бюджетной сфере (51,1% матерей и 31,6% отцов) и в частном секторе (36,6% матерей и 51,0% отцов). Следует отметить, что у молодежи, ориентированной на получение среднего профессионального и начального профес-

сионального образования, выше остальных групп молодежи доля тех, чьи родители не имеют официальной занятости (21,1% матерей и 28,6% отцов). Эти семьи выживают за счет собственного подсобного хозяйства, случайных подработок, калыма, рыболовства. Хозяйственно-экономическая деятельность таких семей может быть в целом успешной, по крайней мере, по сельским меркам, что объясняет их ограниченные требования к детям в сфере образования [20, с. 223–229]. Однако мы полагаем, что в большинстве случаев речь идет о низкоресурсных семьях с невысокой мотивацией статусного роста, обусловленной сложившимся социально-экономическим положением домохозяйства. С другой стороны, есть противоположная группа семей с родителями без официальной занятости, которые считают, что их дети должны получить максимально высокий уровень образования и «выбиться в люди», желательно в городе. Следствием этого является высокая доля неработающих родителей у молодых людей, ориентированных на получение послевузовского образования (17,3% матерей и 22,4% отцов). Стратегии обеспечения материального благополучия этих семей отличаются ориентацией на дополнительную занятость в подсобном хозяйстве (пчеловодство, выращивание скота и птицы на продажу) с целью обеспечения финансовых ресурсов для обучения детей.

Каналы влияния на выбор профессии

Главным фактором выбора профессии и образовательной стратегии абсолютное большинство респондентов назвали интерес

к выбранной профессии и склонность заниматься данной деятельностью (от 74,4% лиц, ориентированных на получение среднего и начального профессионального образования, до 86,9% тех, кто ориентирован на получение послевузовского образования). Для молодых людей, желающих обучаться в вузе, значимым каналом влияния является семья (советы родителей, родственников, семейные традиции) (21,2%). Молодежь, ориентированная на получение среднего и начального профессионального образования, чаще выбирает в качестве критерия доступность профессии (наличие учебного заведения поблизости, легкость поступления) (9,5%). Интересно отметить в связи с этим молодых людей, ориентированных на получение послевузовского образования. Во-первых, они демонстрируют максимальные уровни заинтересованности в выбранной профессии; во-вторых, среди них высока доля тех, кто в процессе принятия решения о выборе образования прислушивался к различным источникам советов. Среди них высокий удельный вес лиц, на чей выбор повлияли интернет (общение в социальных сетях, на форумах) (18,0%), СМИ (9,8%), рекомендации специалистов (профконсультантов, психологов, специалистов центров занято-

сти; 6,6%), мнения друзей и одноклассников (4,9%), рекомендации учителей (3,3%). Для молодых людей, ориентированных на вузовское и среднее профессиональное образование, доли указанных каналов минимальны.

Анализ системы жизненных ценностей показывает, что более высокие образовательные ориентации, как правило, связаны с более высоким местом ценности «образования» в иерархии жизненных ценностей молодых людей. Первые места в системе жизненных ценностей сельской молодежи занимают семья и здоровье, хотя и с некоторыми различиями между разными группами (табл. 2).

Важно отметить принципиальные различия в системе жизненных ценностей молодых людей с разными образовательными ориентациями. Более высокие образовательные стремления связаны с желанием добиться успеха в жизни на основе полученного образования, реализации своих способностей и получения работы по душе. Молодежь, ориентирующаяся на получение среднего профессионального или начального профессионального образования, связывает их с возможностью получения работы по душе, позволяющей иметь деньги, сво-

Таблица 2. Система жизненных ценностей сельской молодежи в зависимости от ближайших образовательных ориентаций, % от числа ответивших на вопрос

Ценность	Ориентированные на получение среднего профессионального и начального профессионального образования	Ориентированные на получение высшего образования	Ориентированные на получение послевузовского образования	Среднее значение по выборке
Семья	82.2	85.0	78.7	83.6
Здоровье	64.4	56.5	67.2	59.3
Общественное признание	2.2	3.6	0.0	2.8
Жизненный успех	11.1	30.8	36.1	29.2
Деньги	22.4	23.7	23.0	23.4
Реализация способностей	11.1	15.8	23.0	16.4
Образование	22.2	29.6	34.4	29.5
Работа по душе	26.7	24.1	29.5	25.3
Общение с друзьями	13.3	19.4	18.0	18.4
Получение удовольствия от жизни	6.7	31.2	26.2	27.3
Свобода	20.0	14.2	11.5	14.5

боду и общение с друзьями. Ориентация на получение вузовского образования связана с получением удовольствия от жизни на основе достижения жизненного успеха посредством получения образования, работы по душе и общения с друзьями.

Барьеры для образования

Объективная зависимость детей от своих родителей обуславливает наличие расхождений в реальных возможностях для реализации заявленных респондентами образовательных стремлений (дети хотят, а родители не могут или не считают нужным этого обеспечить). Поэтому необходимо оценить возможные препятствия на пути достижения образовательных целей молодежи. Анализ образовательных барьеров операционализируется путем ответа на вопрос «Ниже перечислены факторы, которые могут препятствовать получению образования. Укажите, пожалуйста, какие из них могут мешать лично Вам». Барьеры могут быть финансовые («не хватает денег для обучения и проживания в месте обучения»); индивидуально-личностные («плохо учился (учусь) в школе, нужно наверстывать упущенное», «не уверен в собственных силах»); внешние («не могу поступить туда, куда мечтаю (не хватит баллов)»; «нет поблизости учебного заведения, где мечтаю учиться», «работа, которая мне нравится, малооплачиваемая»); родительское давление («родители не одобряют мой выбор»).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, на отсутствие препятствий для реализации заявленных образовательных стремлений чаще остальных указывают молодые люди, ориентированные на получение вузовского образования. С одной стороны, это группа, представляющая собой вариант социальной нормы современного общества, особенно на селе (дети обязательно должны получить высшее профессиональное образование), а с другой стороны – родители максимизируют все виды имеющихся ресурсов с целью обеспечения получения образования их детьми. Несмотря на это, около 31,2% представителей этой груп-

пы указывают на отсутствие препятствий для получения желаемого уровня образования. Среди молодежи, ориентированной на получение среднего профессионального и начального профессионального образования, на отсутствие барьеров для образования указали 27,9%.

Во-вторых, лица, желающие получить послевузовское образование, указывают на наличие внешних барьеров, к которым относятся невозможность поступить в то учебное заведение, в которое мечтал(а) (36,7%), невысокая зарплата при работе по привлекательной специальности (11,7%), родительское давление (11,7%) (табл. 3).

Важным фактором для них являются финансовые барьеры (18,3%). С учетом того, что около 50,0% представителей этой группы сферой своих профессиональных интересов назвали медицину и педагогику, необходимо, с одной стороны, совершенствовать механизмы обеспечения доступности профессионального образования по этим направлениям на фоне дефицита кадров в них, с другой – повышать престижность этих видов трудовой деятельности для молодежи, в том числе за счет повышения оплаты труда и предоставления комфортных условий труда.

Молодежь, ориентированная на получение вузовского образования, чаще других групп молодежи в качестве препятствий называет неуверенность в собственных силах (32,4%). В совокупности с невозможностью поступить в желаемое учебное заведение эти два барьера составляют почти 70,0% препятствий для получения желаемого уровня образования для сельской молодежи. К ним относятся проблемы с получением качественного среднего общего образования (нехватка баллов по ЕГЭ, отсутствие учителей по многим предметам в сельских школах, отсталость материально-технической базы сельских школ) и нехваткой финансовых ресурсов для проживания в месте учебы (14,4%).

В-третьих, молодые люди, ориентированные на получение среднего профессионального и начального профессионально-

Таблица 3. Барьеры для получения образования у сельской молодежи в зависимости от ближайших образовательных ориентаций, % от числа ответивших на вопрос

Барьер	Ориентированные на получение среднего профессионального и начального профессионального образования	Ориентированные на получение высшего образования	Ориентированные на получение послевузовского образования	Среднее значение по выборке
Не могу поступить куда мечтал (не хватило баллов)	23.3	37.2	36.7	35.4
Нет поблизости учебного заведения, где мечтал бы учиться	18.6	9.2	16.7	11.6
Работа, которая мне нравится, малооплачиваемая	0.0	10.0	11.7	9.1
Не хватает денег для обучения и проживания в месте обучения	14.0	14.4	18.3	15.0
Плохо учился (учусь) в школе, нужно наверстывать упущенное	11.6	8.4	5.0	8.2
Родители не одобряют мой выбор	0.0	5.6	11.7	5.9
Не уверен в собственных силах	23.3	32.4	25.0	30.0
У меня для получения образования нет препятствий	27.9	31.2	28.3	30.3

го образования, чаще остальных называют такие барьеры, как отсутствие поблизости желаемого учебного заведения (18,6%) и плохая успеваемость в школе (11,6%). Среди них минимальные доли тех, кто не уверен в собственных силах, а также тех, кто не может поступить в желаемое учебное заведение. Они не сталкиваются с давлением родителей, их не пугает перспектива низкой зарплаты.

Таким образом, барьеры для получения желаемого уровня образования различаются у представителей разных групп. Так, лицам, ориентированным на получение среднего профессионального и начального профессионального образования, чаще всего мешают собственная невысокая успеваемость и отсутствие желаемых учебных заведений поблизости. Молодым людям, желающим обучаться в вузах, мешают неуверенность в собственных силах и нехватка баллов по ЕГЭ. Среди основных препятствий для получения послевузовского образования фигурируют невозможность поступить в желаемое учебное заведение, низкая зарплата по выбранной специальности и нежелание родителей «данной профессиональной судьбы» для своего ребенка.

Факторы обеспечения образовательных стремлений

Анализ главных предпосылок обеспечения индивидуальных образовательных стремлений проводится на основе выявления субъективной оценки успеваемости респондентов, средств достижения жизненного успеха и их ближайших жизненных планов. Субъективная оценка успеваемости в школе позволяет косвенно определить уровень когнитивных способностей и образовательные достижения опрошенных. Она должна являться основой для будущих образовательных стремлений. Оценка средств достижения жизненного успеха осуществляется на основе анализа ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, является наиболее значимым для достижения жизненного успеха?». Среди этих средств выделяется ориентация на максимальное использование собственных способностей, опыта, компетентности (альтернативы «высокий уровень образования, опыт работы», «трудолюбие, целеустремленность», «коммуникабельность, умение налаживать связи»); ориентация на внешние ресурсы («помощь родителей, влиятельных знакомых и родственников», «наличие «стартового»

капитала»); надежда на везение (альтернатива «удачное стечение обстоятельств»); а также поиск наилучшего варианта из множества возможных («активный поиск наилучшего варианта»). Анализ ближайших жизненных планов выявляет группы тех, кто ориентирован на переезд в город на постоянное место жительства, на отъезд в Москву или другие крупные города для работы и проживания (трудовая миграция) или на возвращение в родное село.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что высокие образовательные стремления молодежи напрямую зависят от субъективной оценки успеваемости: чем лучше учится молодой человек, тем выше его образовательные ориентации. В среднем около 37,7% лиц, ориентированных на послевузовское образование, указали, что в целом учатся лучше своих сверстников. Зато среди лиц с низкими образовательными стремлениями высокая доля тех, кто учится в целом хуже остальных – 13,3% (среди лиц, ориентированных на вузовское образование, 7,5% учатся хуже остальных; среди ориентированных на послевузовское – 1,6%). Таким образом, будущие образовательные стремле-

ния напрямую зависят от школьной успеваемости молодых людей и обусловлены ею.

Представления о жизненном успехе и способах его достижения напрямую зависят от способностей и возможностей молодых людей. Условия его достижения различаются у разных групп молодежи, наиболее распространенные средства складываются в те или иные активные/пассивные жизненные стратегии. Молодые люди, желающие получить послевузовское образование, чаще остальных ориентируются на высокий уровень образования, трудолюбие и целеустремленность, а также коммуникабельность, то есть исключительно на собственные активные действия и внутренние (личностные) ресурсы (табл. 4).

Молодежь, желающая получить среднее профессиональное и начальное профессиональное образование, чаще остальных ориентируется на внешние ресурсы – помощь со стороны (родителей, влиятельных родственников, знакомых), а также на удачное стечение обстоятельств, то есть не на себя, что является основной характеристикой пассивных жизненных стратегий. Конечно, среди них есть лица, ориентированные

Таблица 4. Критерии жизненного успеха по мнению сельской молодежи в зависимости от ближайших образовательных ориентаций, % от числа ответивших на вопрос

Критерий	Ориентированные на получение среднего профессионального и начального профессионального образования	Ориентированные на получение высшего профессионального образования	Ориентированные на получение послевузовского образования	Среднее значение по выборке
Высокий уровень образования, опыт работы	52,3	60,6	67,2	60,7
Трудолюбие, целеустремленность	79,5	79,5	85,2	80,5
Поддержка родителей, влиятельных родственников, знакомых	47,7	33,5	23,0	33,4
Наличие стартового капитала	9,1	14,2	8,2	12,5
Коммуникабельность, умение налаживать «нужные» связи	27,3	42,5	52,5	42,3
Везение (удачное стечение обстоятельств)	20,5	17,7	18,0	18,1
Активный поиск наилучшего варианта	13,6	12,6	13,1	12,8

на высокий уровень образования, трудолюбие и коммуникабельность, складывающиеся в активные жизненные стратегии, тем не менее представители этой группы чаще остальных групп молодежи склоняются к выбору пассивных стратегий. Что касается молодежи, желающей получить вузовское образование, то это самая многочисленная и дифференцированная по способам достижения жизненного успеха группа. Здесь есть как лица, ориентированные на высокий уровень образования, собственные стремления и достижения, так и те, кто хотел бы достичь успеха за счет наличия стартового капитала. Они в меньшей степени по сравнению с остальными группами молодежи нацелены на везение, что делает пассивные стратегии менее привлекательными для них.

Анализ ближайших жизненных планов позволяет сделать вывод о том, что абсолютное большинство опрошенных собирается продолжить получать профессиональное образование (от 98,3% лиц, ориентированных на послевузовское образование, до 86,4% среди желающих иметь среднее профессиональное образование). Среди молодежи с наиболее высокими образовательными стремлениями около 9,4% тех, кто планирует продолжить обучение за границей. Вообще, среди молодых людей, ориентированных на получение послевузовского образования, максимальная доля тех, кто планирует переехать на постоянное место жительства в Саратов (52,7%) и в Москву или другой крупный город (37,7%). Среди них также высока доля тех, кто хотел бы найти для себя подработку на время учебы (55,4%). Таким образом, можно сделать вывод, что высокие образовательные стремления молодых людей обусловлены желанием максимально возможными путями повысить свой социальный статус и достичь жизненного благополучия. Кстати, одним из способов его достижения около 36,4% из них считают удачный брак. Относительно группы молодежи с невысокими образовательными стремлениями можно сделать вывод, что ее представители чаще остальных планируют быстрее начать работать (46,5%), мужчины – отслужить в армии (28,6%) и вернуться в родное село (11,6%).

То есть получение среднего профессионального или начального профессионального образования позволит им стать квалифицированными рабочими и раньше выйти на рынок труда. Среди них минимальная доля по сравнению с остальными группами желающих уехать в Саратов (36,3%) и в Москву (9,3%).

Выводы

Проведенное исследование позволяет выявить дифференциацию образовательных стремлений выпускников 11 классов сельских школ Саратовской области, являющихся одновременно будущими ориентациями на достижение жизненного успеха. Различия в образовательных притязаниях обусловлены внутренними (индивидуальными) различиями, особенностями и ресурсными возможностями родительских семей, дифференциацией мотивационно-достиженческой системы выпускников, а также стилем и характером взаимоотношений с родителями. Сложившиеся в семье представления о желаемом образе будущего ребенка и средствах, необходимых для его достижения, обуславливают образовательные достижения в школе и создают представления о желаемой профессии на основании индивидуальных интересов и склонностей. В совокупности с выбором критериев жизненного успеха и осознанием ближайших жизненных планов они формируют те или иные образовательные ориентации. Результаты исследования свидетельствуют о том, что приоритетное влияние на образовательные стремления сельских выпускников оказывают индивидуальные склонности, мотивы и интересы в совокупности с ресурсной поддержкой семьи, в то время как вклад образовательных институтов и государственной политики в сфере образования незначителен. Все усилия государства по разработке механизмов формирования государственного заказа на подготовку специалистов в ссузах и вузах наталкиваются, с одной стороны, на нежелание работодателей участвовать в этом процессе, с другой – на устойчивый платежеспособный спрос абитуриентов на «престижные», но избыточно выпускаемые профессии.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, значительная часть выпускников 11 классов сельских школ ориентируется на получение высшего профессионального образования (70,5%). Зачастую это выходцы из семей родителей, работающих в бюджетной сфере или частном секторе. Их профессиональные интересы различны, треть из них указывает, что не имеет возможности поступить туда, куда мечтали (37,2%), из-за нехватки баллов по ЕГЭ, еще треть – из-за неуверенности в своих силах (32,4%). Среди них есть как те, кто ориентирован на собственные силы в реализации своих жизненных планов, так и те, кому необходима помощь близких (финансовая, моральная, связи). Около 43,8% из них планируют переехать в областной центр (Саратов) на постоянное место жительства, еще 23,0% – в Москву или другой крупный город.

Вторую группу составляют молодые люди с наиболее высокими образовательными ориентациями – 17,0%. Они ориентируются на профессионализм и престижность при выборе профессии, желая с ее помощью достичь стабильности и успеха в будущем. Они считают, что высокий уровень образования, трудолюбие, целеустремленность и коммуникабельность помогут им в реализации их жизненных планов. Большинство из них планирует жить и работать в больших городах – 52,7% в Саратове и еще 37,7% в Москве или других крупных городах. Каждый десятый планирует продолжить обучение за границей. Около 18,3% опасаются, что главным барьером на пути реализации этих образовательных планов может стать нехватка денег, еще 11,7% переживают, что привлекательная для них профессия малооплачиваемая. Абсолютное большинство среди них – девушки (72,1%).

Третья группа – это выпускники 11 классов, указавшие, что им достаточно среднего профессионального или начального профессионального образования. Среди них 55,6% молодых людей и 44,4% девушек. Большинство из них являются выходцами из расширенных семей (71,4%). Среди них выше

средней по выборке доля тех, чьи профессиональные интересы лежат в инженерно-технической (20,9%) и сельскохозяйственной сфере (7,0%). Они планируют как можно быстрее начать работать и чаще остальных групп склонны к возвращению в родное село после окончания учебы. Главным критерием выбора профессии для них является легкость трудоустройства. Основными барьерами на пути реализации образовательных стремлений является неуверенность в своих силах (23,3%), отсутствие поблизости подходящих учебных заведений (18,6%) и плохая успеваемость в школе (11,6%). В достижении жизненного успеха они в значительной степени ориентируются на внешние ресурсы (помощь со стороны родителей, родственников, знакомых) и удачное стечение обстоятельств (везение).

Полученные результаты подтверждают выводы о растущем оттоке из села наиболее активной и производительной категории молодежи, которая в последние годы демонстрирует рост миграционных настроений относительно Москвы или других крупных городов. Они прикладывают все усилия для повышения своего социального статуса и достижения успеха в будущем. Перемещение на постоянное место жительства в Саратов уже является средним уровнем притязаний. На возвращение в село ориентировано меньшинство среди тех, кто не сможет закрепиться в городе. Они демонстрируют жизненные стремления, характерные для транслирования традиционного невысокого уровня жизни в селе. Очевидно, что они не смогут в полной мере воспользоваться образовательными возможностями для повышения своего социального статуса.

Высокие образовательные и профессиональные амбиции значительной части выпускников сельских школ в совокупности с готовностью прикладывать усилия для их реализации позволяют считать уровень жизненных притязаний отдельных социальных групп сельской молодежи основным ограничением будущего устойчивого развития сельских территорий. С другой стороны, суженное воспроизводство молодежи, укорененной в сельский

образ жизни, является главным вызовом модернизации российского села. При разработке и реализации мероприятий по закреплению молодежи на селе в контексте устойчивого развития сельских территорий необходимо использовать дифференцированный подход. Это означает, что все инструменты и механизмы их реализации должны подготавливаться и внедряться с учетом многообразия интересов, потребностей и смысложизненных ценностей разных групп сельской молодежи. Очевидно, что стимулировать возвращение в родное село

молодежи с очень высокими образовательными и профессиональными стремлениями, имеющей высокие стандарты качества жизни, будет чрезвычайно сложно. Однако среди молодых людей, ориентированных на переезд в города на постоянное место жительства, есть те, кто при определенных условиях вернулся бы в сельскую местность. Исследование именно их потребностей, интересов и склонностей позволит понять механизмы стимулирования молодежи для возвращения в сельскую местность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 330 с.
2. Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. 240 с.
3. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 231 с.
4. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
5. Ильдарханова Ч.И. Межпоколенческая образовательная мобильность сельской семьи (на примере муниципального района Республики Татарстан) // Интеграция образования. 2013. № 3. С. 78–84.
6. Темницкий А.Л. Современная молодежь в перипетиях российского рынка труда и образования // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 91–108.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 693 с.
8. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
9. *NEETs: Young people not in employment, education or training: Characteristics, costs and policy responses in Europe (Dublin)*. Available at: https://www.cliclavoro.gov.it/Barometro-Del-Lavoro/Documents/NEET_2012_EUROFOUND.pdf
10. Furlong A. Revisiting transitional metaphors: reproducing inequalities under the conditions of late modernity. *Journal of Education and Work*, 2009, no. 22 (5), pp. 343–353.
11. Варшавская Е.Я. Российская NEET-молодежь: характеристика и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31–39.
12. Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России: препринт WP3/2017/02. М., 2017. URL: https://wp.hse.ru/data/2017/04/17/1169031315/WP3_2017_02.pdf (дата обращения 19.10.2018).
13. Блинова Т.В., Вяльшина А.А. Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско-городских различий // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 40–49.
14. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с.
15. Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. М.: ЦСП и М, 2013. 224 с.

16. Флоринская Ю.Ф. Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1. С. 114–124.
17. Молодежный рынок труда: моделирование межрегиональных различий. М.: КДУ, Университетская книга, 2016. 178 с.
18. Степанцов П.М., Кузьминов В.Я. Контингентность в образовании: новые условия и новые механизмы выбора образовательной траектории // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 83–108.
19. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерения. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/rabochaya_molodeg.pdf (дата обращения 05.10.2018).
20. Шабанов В.Л. Уровень жизни сельского населения России в условиях социально-экономической трансформации села: методология исследования и анализ динамики. Саратов: Саратовский источник, 2016. 256 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вяльшина Анна Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук. Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94. E-mail: iagpran@mail.ru. Тел.: +7(8452) 26-26-79.

Дакирова Светлана Тлековна – младший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук. Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94. E-mail: iagpran@mail.ru. Тел.: +7(8452) 26-26-79.

Vyalshina A.A., Dakirova S.T.

FACTORS OF FORMING EDUCATIONAL ATTITUDES OF RURAL SCHOOL LEAVERS IN THE SARATOV OBLAST

The article is aimed at conducting a sociological analysis of educational orientations of rural schools leavers in the Saratov Oblast. The study is relevant, as young people play a strategic role in the formation of human capital in Russia and the modernization of its socio-economic development. The authors single out 3 groups of rural school leavers by educational orientations (focused on receiving secondary vocational and primary vocational education; wishing to receive higher education and focused on postgraduate education). The work analyses factors determining the formation of a certain type of orientations associated with the immediate environment (family and relatives, friends, teachers, media, Internet) and internal characteristics (inclinations, values, motivation). It reveals that the differentiation of educational intentions is due to differences in youth's systems of life values and the place of education in them, barriers to the implementation of educational strategies and prerequisites for ensuring educational aspirations (factors for achieving success in life, assessment of a subjective performance level, immediate life plans). The authors consider features of 9 and 11-form pupils' life order in the region and assess a degree of implementation of rural youth's individual educational orientations. The article shows that success of educational strategies depends on characteristics of a parent family (level of parents' education, socio-economic status of a family, composition and structure of a family), as well as personal qualities, features of the motivational system and features of the immediate

environment of young people. The information base of the study consists of results of the applied sociological research conducted by the Institute of Agrarian Problems of the RAS in 2017. The study results in the conclusion that there are significant differences in the educational claims of rural school leavers in the Saratov Oblast, due to the diversity of their interests, needs, life values and opportunities. It discloses that high educational and professional aspirations of a large part of rural school leavers consider a level of young people's life claims as the main obstacle to future sustainable development of rural areas.

Rural youth, educational orientations, sociological research, Saratov Oblast.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vyal'shina Anna Aleksandrovna – Ph.D. in Sociology, Leading Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Agrarian problems of the Russian Academy of Sciences. 94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation. E-mail: iagpran@mail.ru. Phone: +7(8452) 26-26-79.

Dakirova Svetlana Tlekovna – Junior Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Agrarian problems of the Russian Academy of Sciences. 94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation. E-mail: iagpran@mail.ru. Phone: +7(8452) 26-26-79.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.10

УДК 338.001.36 | ББК 65.051

© Рассохина И.И., Коткова Д.Н., Платонов А.В.

АНАЛИЗ МИРОВОЙ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «БИОЭКОНОМИКА»



РАССОХИНА ИРИНА ИГОРЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: rasskhinairina@mail.ru



КОТКОВА ДИАНА НИКОЛАЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: d-i-a-n-a-35@mail.ru



ПЛАТОНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: platonov70@yandex.ru

Экспортно-сырьевая модель экономики не способна удовлетворить потребности общества и государства. В связи с этим органы власти все больше внимания уделяют модернизации экономики и переводу ее на модель устойчивого развития. Немаловажную роль в этом процессе может сыграть биоэкономика, интегрирующая экономические и биологические знания. В статье выявлена историческая динамика становления данной дисциплины, указана роль биотехнологий при переходе к новому технологическому укладу, а

Для цитирования Рассохина И.И., Коткова Д.Н., Платонов А.В. Анализ мировой публикационной активности по направлению «биоэкономика» // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 152–165. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.10

For citation: Rassokhina I.I., Kotkova D.N., Platonov A.V. Analyzing global publication activity in the field of “Bioeconomy”. *Problems of Territory’s Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 152–165. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.10

также представлен обзор публикационной активности различных стран с упоминанием понятия «биоэкономика». Анализ проводился на основе данных мировых рейтинговых баз *Web of Science* и *Scopus*. Было выбрано несколько критериев для анализа: год, страна, направление исследования и количество публикаций. В целом данные баз сходны: количество публикаций с упоминанием понятия «биоэкономика» невелико (1029 и 1188 в *Web of Science* и *Scopus* соответственно), что указывает на процесс становления данной дисциплины. Было выделено два условных этапа развития биоэкономики (до и после 2010 года) с различиями в публикационной активности и вкладе стран в исследования по данной тематике. Установлено, что в первых публикациях термин «биоэкономика» имел смысл, отличный от современного. В рамках анализа выявлены лидеры в данном направлении: США, Германия, Великобритания и страны Скандинавии. Россия находится за пределами первой двадцатки. Однако при наличии потенциала и заинтересованности органов власти Россия, как и отдельные ее регионы, с помощью биоэкономики способна приблизиться к решению ряда экологических, экономических и социальных задач настоящего времени.

Биоэкономика, экономика, биотехнологии, устойчивое развитие, публикационная активность.

Введение

Анализ экономических процессов в России на рубеже XX–XXI веков показывает необходимость смены сырьевой модели ее экономики (например, сектор добычи полезных ископаемых формировал в 2016 году 10% ВВП, в 2017 – 10,4% ВВП, а нефтегазовые доходы в 2017 году составили 40% от всех совокупных доходов страны) [1]. Многие эксперты соглашались с необходимостью изменений в действующей экономической модели. Так, по мнению ряда ученых (Н.П. Талавыря, В.В. Байдала, А.Н. Талавыря), «примитивная» экономика уничтожает биосферу. Государство стремится обеспечить себя в первую очередь необходимой безопасностью, ресурсами и при этом сохранить свои финансовые возможности. На федеральном уровне среди приоритетных направлений развития РФ выделяют военно-стратегическое, биологическое и экологическое¹ [2].

В настоящее время в мире все стремительнее развиваются и получают поддержку от государства биотехнологические, микробиологические, молекулярно-генетические и прочие исследования, ставшие приоритетными и стратегическими направлениями. В Европе, США на их развитие, в т. ч. биоэкономики, выделяются существенные средства и субсидии [2–4]. Например, в странах

ЕС в 2010 году объем инновационной биоэкономики превысил 2 трлн евро, а прогнозный уровень ее развития к 2030 году составит около 3% ВВП в развитых странах и несколько больше – в развивающихся [5; 6].

В России в последнее время также наблюдается тенденция к привлечению биологии во многие сферы жизни. Биологизация знаний и процессов – важная особенность развития современной мировой науки и производства. Но так было не всегда. Лишь в конце XX – начале XXI века появился ряд новых междисциплинарных направлений, в числе которых биоэкономика. Анализ существующих трактовок понятия «биоэкономика» показывает его дискуссионный характер. Однако мы будем трактовать его в обобщенном виде – как дисциплину, интегрирующую экономические и биологические знания в области широкого использования биотехнологий для создания качественно новой экономики и достижения устойчивого развития региона. Термины «зеленая экономика», «низкоуглеродная экономика» и «биоэкономика» являются близкосмысловыми, но не синонимичными [6; 7].

Целью данной работы являлся анализ мировой публикационной активности по направлению «биоэкономика». Для осуществления данной цели нами был поставлен ряд задач:

¹ Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 года № 899 (ред. от 16.12.2015).

- 1) оценить данную науку в контексте исторического развития;
- 2) провести оценку публикационной активности по вопросам биоэкономики;
- 3) выявить страны-лидеры и приоритетные направления их исследований в области биоэкономики и биотехнологий;
- 4) определить место России в мире по вопросу развития биоэкономики.

В связи с этим мы провели анализ публикаций в базе Web of Science и Scopus по теме «bioeconomy» (биоэкономика). Анализу подвергались публикации с 1979 до 2018 года включительно. Наш интерес был направлен на историческую динамику данной дисциплины, анализ тематик и направлений исследования, долю различных стран в ее развитии. Кроме того был проведен литературный обзор по темам достижения устойчивого развития, значения биотехнологий для биоэкономики.

Научная новизна работы заключается в осуществлении анализа публикационной активности вокруг понятия «биоэкономика» в мировых базах данных, что важно для формирования представлений о путях развития новой модели экономики в России.

Роль биоэкономики в достижении устойчивого развития

В настоящее время все больше внимания уделяется вопросам устойчивого развития территорий и необходимости принятия новой парадигмы (С.Н. Бобылев, С.Ю. Глазьев и др.) [6]. Говоря об устойчивом развитии, невозможно не вспомнить российского ученого Владимира Ивановича Вернадского, который существенно опередил представления о мировых моделях, отстаивая в своем учении необходимость перемен. Используя термин «устойчивое существование», в статье «Разгром» (1911) он рассуждает о геополитической постановке вопросов будущего развития России и всего мира. Он занижает значение различных общественных явлений, называет их «мелкими» в сравнении со значением научной мысли. В работе «Биосфера» В.И. Вернадский не употребляет термин «устойчивое развитие», но очевидно, что

подразумевает его. Кроме того, он подчеркивает, что переход к ноосфере возможен лишь при использовании научных знаний и разума на благо общества и природы [8].

Однако непосредственно вопрос устойчивого развития впервые был поднят в 1987 году на Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН, а в 1992 году – на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, принцип устойчивого развития начал приобретать статус наивысшей ценности. В настоящее время принцип устойчивого развития является целью биоэкономики как междисциплинарной отрасли знаний. Стоит отметить, что на биоэкономику возлагаются большие надежды, так как потребность в переменах становится все более актуальной [2; 6; 9].

Новая парадигма устойчивого развития представлена в работах С.Н. Бобылева как неизбежная судьба стран на определенном уровне развития, как неминуемая эволюция взглядов в рамках данной парадигмы [9]. По его мнению, концепция устойчивого развития зарождалась в 1970-е годы на базе экологических проблем (климатические изменения, загрязнения биосферы, нехватка ресурсов и др.). С 1990-х годов она приобретает социально-экологический акцент. Как полагает ученый, мировой экономический кризис 2008–2009 годов показал необходимость формирования социально-экономического контекста концепции устойчивого развития, которая лежит в основе новой зеленой экономики. Безусловно, важную роль в вопросах перехода к ней сыграли антикризисные программы, которые в странах первой двадцатки включали существенный экологический компонент (16% в среднем на зеленые инвестиции) [6; 9]. Однако в России, несмотря на принятие Концепции о ее переходе к устойчивому развитию (Указ Президента РФ от 1996 года), полного понимания необходимости такого перехода не сформировалось. Отсюда и выводы С.Н. Бобылева об «антиустойчивых» тенденциях развития страны, о неустойчивости действующей экспортно-сырьевой модели и необходимости перехода к зеленой экономике [9].

Роль биотехнологий при переходе к новому технологическому укладу

Многие авторы освещают проблемы экономики в контексте смены технологических укладов (С.Ю. Глазьев, Н.Д. Кондратьев, Д.С. Львов и др.), которые всегда приводят к структурным перестройкам в экономике [10–13]. Однако в научной литературе не сложилось единого определения категории «технологический уклад». Разными авторами по-разному трактуется понятие «технологический уклад», о чем говорит в своей работе А.А. Сытник. Анализируя трактовки зарубежных и отечественных авторов, она дает следующее определение: «...технологический уклад – целостный комплекс технологически сопряженных производств в совокупности с адекватными им организационно-экономическими отношениями» [14]. Ядром технологического уклада является совокупность базисных технологических процессов. Переход от уклада к укладу сопровождается преобразованиями в производстве, производительности труда, усложнением хозяйственных связей и отношений, высокими темпами роста объемов прибыли, обновлением продукции, внедрением инноваций. В ходе исторического развития выделяется шесть технологических укладов. Пятый уклад начал формироваться в 1980-е годы и характеризуется достижениями в области информационных и коммуникационных технологий, микроэлектроники, генной инженерии, робототехники. Именно в этот период большее внимание стало уделяться разработкам в области малоотходных технологий, поиску новых видов энергии. Период зрелости данного уклада, который приходится на 90-е годы XX и начало XXI века, способствовал ускорению разработок приоритетных направлений нового шестого технологического уклада, ядром которого являются нанотехнологии, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии (НБИК-технологии) [15].

Многие авторы подчеркивают, что в некоторых странах наблюдается сочетание нескольких укладов. Ряд стран-лидеров (США,

Япония, КНР) в настоящее время активно осваивает шестой технологический уклад. Так, в США доля производительных сил четвертого технологического уклада составляет 20%, пятого – 60%, и уже около 5% приходится на шестой уклад. При этом в России доля технологий пятого уклада составляет около 10%, более 50% технологий относится к четвертому уровню, а почти треть – к третьему, преобладавшему в развитых странах в 1920-е гг. [4; 16; 17]. Такое положение обусловлено следующими негативными факторами: краткосрочные инвестиции из-за высоких рисков; несовершенство законодательной и нормативно-правовой базы; низкое практическое внедрение научно-технических достижений [17]. Так, на основе 80 различных переменных начиная с 2007 года формируется Глобальный рейтинг инноваций (The Global Innovation Index²). В 2007 году Россия занимала 54-е место, в 2008–2009 гг. – 68-е. В последующие годы позиции несколько улучшились (в 2012 году – 51-е, в 2013 году – 62-е место). Далее серьезных изменений в инновационном развитии России относительно других стран мира не прослеживается, и ситуация остается стабильной (45-е и 46-е место соответственно в 2017 и 2018 годах). Таким образом, Россия далека от шестого технологического уклада.

В настоящее время в стране необходимо широкое использование накопленных знаний, научных открытий, уникальных цифровых технологий, чтобы попытаться подойти к данному укладу, в ядро которого, как было сказано ранее, входят био- и нанотехнологии. Однако для этого необходимо, образно говоря, перепрыгнуть через пятый технологический уклад, что в настоящее время представляется сложной, но необходимой задачей для РФ.

Для этого государство делает ряд попыток, главным образом основанных на финансировании, разработке программ, стратегий развития биотехнологии и биоэкономики. Например, государственная программа развития сельского хозяйства на 2013–2020 годы предполагает финансирование биотех-

² Global innovation index. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/about-gii#reports>

нологий в 2015–2020 годах в размере 2 млрд 226 млн рублей из средств федерального бюджета и 780 млн рублей из бюджетов субъектов Российской Федерации [18]. Важно упомянуть программу развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года «БИО-2020»³, которая была принята в соответствии с решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 1 апреля 2011 года. В программе выделены приоритетные направления развития экономики (в том числе биоэкономические), необходимость перемен в России, значение биотехнологических разработок и их внедрения. Кроме того, Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года № 204 был утвержден национальный проект «Наука». Основные его цели: во-первых, включение РФ в число пяти ведущих стран мира по приоритетным направлениям, во-вторых, обеспечение привлекательности РФ для перспективных исследователей, в-третьих, увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки. Одна из задач данного проекта – создание научных центров и лабораторий. В связи с этим на базе ФГБУН ВолНЦ РАН в декабре 2018 года была создана лаборатория биоэкономики и устойчивого развития.

Таким образом, биоэкономика тесно взаимосвязана с биотехнологиями, которые выступают неким фундаментом данной дисциплины, ключом к устойчивому развитию. Их вклад настолько велик, что иногда термин «биоэкономика» предлагают заменить термином «биоэкономическая биотехнология», что, на наш взгляд, не совсем уместно, так как это ограничивает потенциал биоэкономики [6; 19; 20; 21; 22].

Биотехнология в СССР и РФ

Анализ литературы показывает, что в 1980–1990-е годы в СССР биотехнологическая отрасль процветала: объем производства биотехнологий СССР составлял более 3% ми-

рового производства и уступал только США. Однако выпуск биотехнологической продукции носил узконаправленный характер (производились главным образом кормовые дрожжи и медицинские антибиотики) [5; 23; 24]. После 1990-х годов в отрасли произошел резкий упадок. В России, ставшей зависимой от поставок биотехнологических продуктов из других стран, производилось лишь 0,1% от их мирового объема. В настоящее время выпуск биотехнологической продукции практически прекратился: производство ферментов упало в 6 раз, антибиотиков – в 12 раз, кормового белка – в 25 раз. Импортозависимость страны до сих пор остается высокой: импортируется 100% аминокислот для сельского хозяйства (лизин), до 80% кормовых ферментных препаратов, 100% ферментов для бытовой химии, более 50% ветеринарных антибиотиков, 100% молочной кислоты, от 50 до 100% биологических пищевых ингредиентов [6]. Причины этого кроются в основном в трансформации старых государственных структур с образованием на их базе ряда мелких биотехнологических компаний, не отвечающих современным требованиям и поэтому не являющихся в полной мере конкурентоспособными, а также в несоответствии этим требованиям уровня подготовки высококвалифицированных специалистов данного профиля [5]. В настоящее время основу биотехнологической продукции России, как и на глобальном рынке, составляет биомедицинский сектор (65%). Ниже доля разработок в области агrobiотехнологий (20%), промышленной, пищевой и лесной биотехнологии (15%) [25]. Причем имеется все необходимое для развития биоэкономики и многих отраслей биотехнологии: приоритетность развития науки, уникальные природные условия и ресурсы, большие площади [26].

В то же время вышеописанные условия для становления биоэкономики не всегда учитываются. Например, в Вологодской области вопросы развития сельского хозяйства стоят остро: многие сельскохозяйственные

³ Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации до 2020 года: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2012 года № 1853п-П8.

предприятия, которые в XX веке были на пике развития, в настоящее время находятся в упадке или потерпели крах, а современные животноводческие комплексы имеют много нерешенных проблем (например, направленность на высокие надой существенно снижает жизнеспособность крупного рогатого скота; при недостаточности качества и количества кормов почти полностью отсутствуют аналоги зарубежных добавок, премиксов и пр.) [27]. Именно технологические и методологические разработки в сельскохозяйственной отрасли на базе биотехнологий могут способствовать повышению устойчивости развития государства и регионов, в том числе Вологодской области с ее территориальным и ресурсным потенциалом.

Публикационная активность

В результате поиска публикаций в базе Web of Science по теме «bioeconomy» мы получили 1029 результатов, в базе Scopus чуть больше – 1188 результатов. Это явно незначительный показатель. Также публикации по теме «bioeconomy» вносят несущественный вклад в общее число публикаций составляющих ее дисциплин – биологии и экономики (0,31 и 0,34% в базе Web of Science; 0,17 и 0,28% в базе Scopus соответственно). Для сравнения был проведен поиск по теме «biotechnology» (биотехнология) в базе Web of Science, который выявил свыше 50 тыс. публикаций. Доля публикаций по теме «биотехнология» в качестве составляющей биологии рассчитывалась исходя исключительно из массы биологических исследований. Полученные результаты говорят о высокой доле биотехнологических исследований в биологии (50518 публикаций, 15,04% в базе Web of Science; 162977 публикаций, 23,08% в базе Scopus). При этом роль биоэкономики отражена в биотехнологических публикациях не значительно: 2,04% в базе Web of Science и 0,73% в базе Scopus (табл. 1). Такая ситуация объясняется недавним, в отличие от биотехнологии, становлением биоэкономики как науки [28; 29].

Первая публикация, упоминающая термин «биоэкономика», в базе данных Web of

Таблица 1. Доля публикаций в исследуемых базах по темам «bioeconomy» и «biotechnology» в общем числе публикаций по значимым дисциплинам, %

Научная дисциплина	Web of Science		Scopus	
	Биоэкономика	Биотехнология	Биоэкономика	Биотехнология
Экономика	0,34	–	0,28	–
Биология	0,31	15,04	0,17	23,08
Биотехнология	2,04	100,00	0,73	100,00

Science датируется 1992 годом, в базе Scopus – 1979 годом. В работах осуществляется анализ «биоэкономики вида» [28; 30]. На наш взгляд, термин «биоэкономика» в данных публикациях несет смысл, отличный от современного, поскольку речь идет об экономическом и экологическом аспектах вида (затраты энергии в процессе жизнедеятельности, стратегия поведения вида и пр.). С 2003 года единичные публикации отражают современное понимание термина «биоэкономика», отмечая ведущую роль биотехнологий и необходимость уменьшения воздействия разных производств на окружающую среду. Подчеркивается, что устойчивое развитие возможно при синергии и компромиссах различных сфер, в том числе экономической, социальной и «биолого-экологической» (среда существования) [29]. Лишь в 2006 году (5 публикаций) интерес научного общества и понимание ряда существующих проблем приводят к публикационной активизации в данном направлении (рис. 1).

В базе Web of Science с 2006 по 2010 год происходит подъем публикационной активности по вопросам биологизации экономики. Мы изучили некоторые работы по отдельным темам, анализирующие мировую и локальную биоэкономическую ситуацию, обнаруживающие связь биоэкономики и климата, биоэкономики и социальной медиасферы и пр. Однако стоит отметить, что рост и распространение биоэкономических знаний и стандартов происходит неравномерно как в мире (рис. 2), так и в конкретных странах, о чем говорит К. Birch в статье «The knowledge-space dynamic in the UK

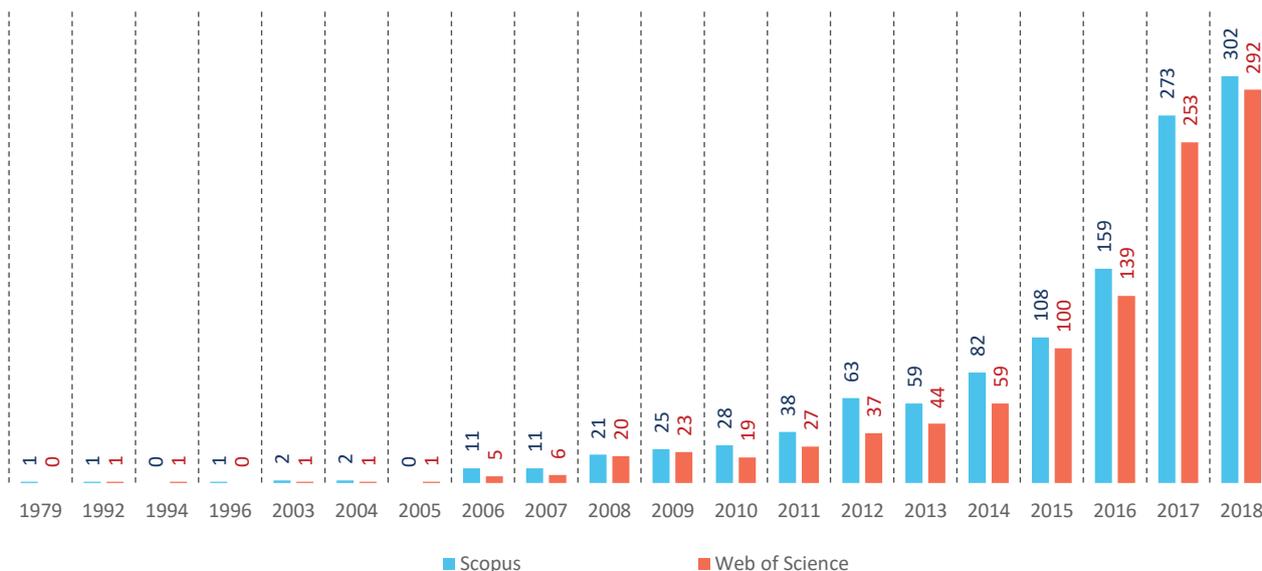


Рис. 1. Динамика публикационной активности в базах Web of Science и Scopus по теме «биоэкономту» с 1979 по 2018 год, количество публикаций, шт.

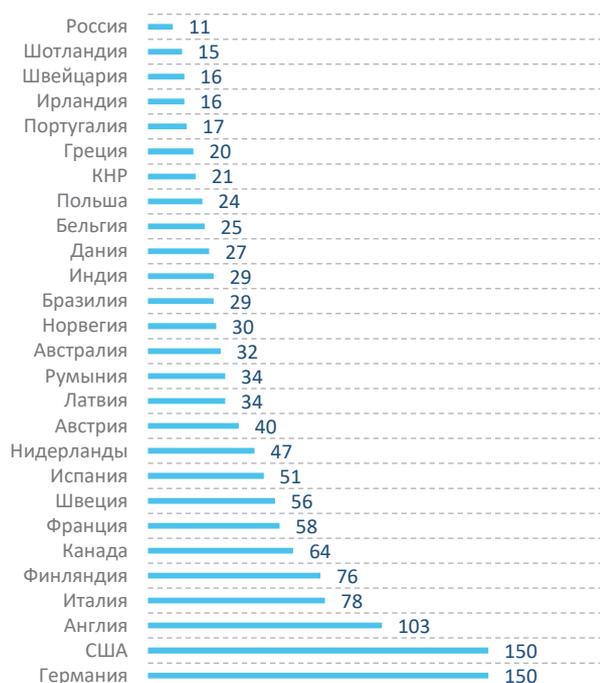


Рис. 2. Публикационная активность стран по теме «биоэкономту» в базе Web of Science с 1992 по 2018 год, количество публикаций, шт.

биоэкономту» (2009) [31]. В целом годовая динамика по теме исследования публикационной активности в обеих базах (Web of Science и Scopus) имеет высокую степень сходства.

Как видно из рис. 2, ведущая роль по публикационной активности принадлежит промышленно развитым государствам. Рос-

сия занимает только 27 место (11 публикаций в базе Web of Science), лишь вступая в эру развития биоэкономики. Так, в базе Web of Science первая публикация российских исследователей по данной тематике датируется 2013 годом (2015 год – 1 публикация; 2016 год – 3; 2017 год – 5; 2018 год – 1). Кроме того, эти работы большей частью выполнены в соавторстве с исследователями других стран, главным образом Финляндии (4 публикации), и в них затрагиваются вопросы биотехнологии водорослей и лесного дела (по 2 публикации). В остальных публикациях российских авторов отражены вопросы биоэнергетики, преобразования отходов, этики и проблемы увеличения социального неравенства.

Говоря о роли различных государств в отражении вопросов биоэкономики в публикациях Web of Science, стоит сравнить начальный период (до 2010 года – рис. 3) и период последних лет (с 2010 года – рис. 4). Так, до 2010 года во время накопления материала в исследуемой базе на этапе становления и актуализации биоэкономики лидирующее положение занимают Великобритания (41,54%), США (29,23%), Австралия (12,31%).

Значительный вклад Великобритании объясняется тем, что в данном государстве сельское хозяйство высокотехнологичное, интенсивное, удовлетворяющее около

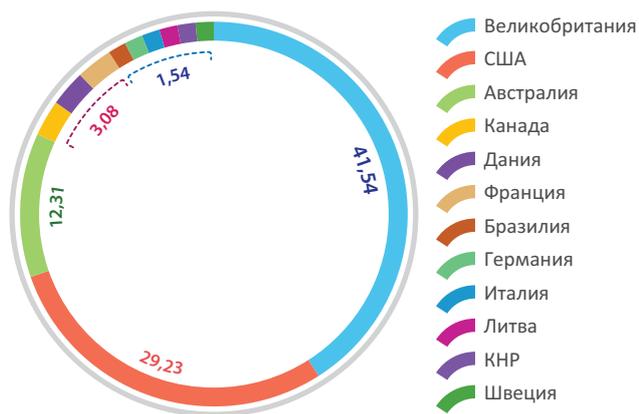


Рис. 3. Доля стран в формировании публикационной активности по теме «биоэкономике» в базе данных Web of Science (до 2010 года), %

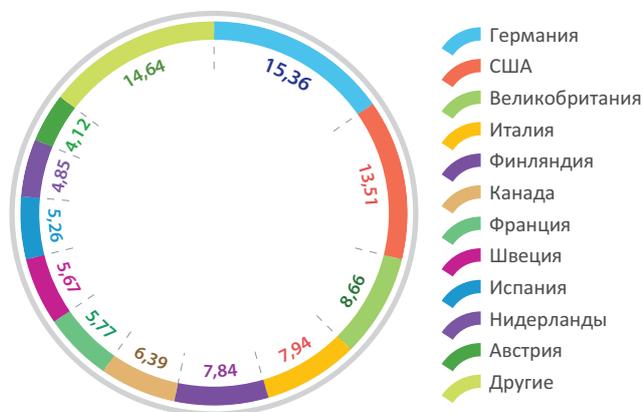


Рис. 4. Доля стран-лидеров в формировании публикационной активности по исследуемой теме в базе данных (после 2010 года), %

60% потребностей страны. Хотя кризис 2008 года ударил по экономике страны, но правительство предприняло ряд мер, в том числе по увеличению расходов средств на проектную деятельность⁴.

В последние годы ситуация в мире касательно роли стран в освещении вопросов биоэкономики несколько изменилась (см. рис. 4). Так, ведущие позиции в формировании публикационной активности Web of Science после 2010 года принадлежат следующим государствам: Германия (15,36%), США (13,51%), Великобритания (8,66%), Италия (7,94%),

⁴ Великобритания // The World Factbook. Вашингтон, округ Колумбия: Центральное разведывательное управление, 2019. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/uk.html> (дата обращения 28.01.2019).

Финляндия (7,84%). Чуть ниже доля других стран (от 6,39 до 4,12%). В целом за последние 8 лет вклад первой тройки государств в публикационную активность снизился с 83,08 до 37,53%, а также увеличилась доля публикаций других стран. Это связано с тем, что во многих государствах наблюдается тенденция к повышению экологизации и биологизации как образа жизни, так и производства.

При анализе данных с 2010 года установлено, что Германия занимает первое место по публикационной активности (с учетом года первой публикации в Web of Science в 2009 году). Это может свидетельствовать о повышении интереса к биоэкономике и о быстрых темпах продвижения данного направления. Можно добавить, что первая публикация в Германии представляет собой обзор по вопросам топливных проблем, системной инженерии и исследовательской стратегии по биоэкономике, что задает вектор развития исследуемой отрасли знания [32].

США остаются в числе лидеров публикационной активности в базе Web of Science на протяжении всего периода исследования (см. рис. 2, 3). Подчеркнем, что первая публикация по биоэкономике в этой базе (1992) принадлежит именно США, но как таковая публикационная деятельность в данном направлении активизировалась с 2007 года, что, возможно, обусловлено финансовой поддержкой биотехнологических разработок со стороны государства (около 2,3 млрд долларов в 2004 году) [2].

Анализ публикационной активности в базе Scopus показывает сходную ситуацию (рис. 5): лидируют Германия (196 публикаций), США (191), Великобритания (128), Италия (90), Финляндия (80), Франция (69), Испания (62), Канада (60) и Швеция (59). Стоит отметить, что Россия, имеющая в базе Scopus 20 публикаций, занимает 23 место.

Помимо годовой динамики и роли стран в публикационной активности по биоэкономике мы проанализировали направления исследований, в которых упоминается понятие «биоэкономика». Для большинства отраслей (222 публикации: трансплантоло-

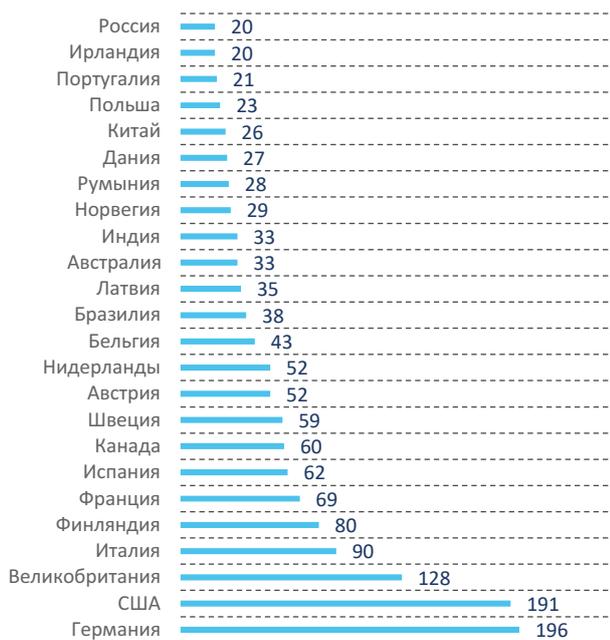


Рис. 5. Публикационная активность стран по теме исследования в базе Scopus, количество публикаций, шт.

гия, океанология, астрономия, психология, философия и многое др.) характерны единичные исследования. Существенная часть публикаций ожидаемо связана с вопросами прикладной и промышленной микробиологии (223 публикации, 21,67%), экологии (219 публикаций, 21,28%), разработки новых научных технологий (203 публикации, 19,73%), энергетики и биоэнергетики (155 публикаций, 15,06%), сельского хозяйства (115 публикаций, 11,18%) и пр. (табл. 2). Причем подобная тенденция наблюдается и среди лидирующих стран, главным образом в США и Германии.

Отметим, что направления публикаций американских авторов в Web of Science различны. Так, к главным направлениям их исследований с использованием понятия «биоэкономика» относятся прикладная биотехнология и энергетика (66 публикаций, общая доля составляет 44,00%). Они носят, прежде всего, практический характер и ориентированы на получение США экономических преимуществ. В рамках данных тематик в основном рассматриваются вопросы, связанные с технологиями биологической переработки и получением биоэнергии, а также ожидаемые соци-

ально-экономические выгоды. В ряде работ подчеркиваются как положительные представления, так и опасения по поводу внедрения биоэкономики в разные отрасли, в том числе в сельское хозяйство и транспортный сектор. Например, в одной из публикаций, принадлежащей США, фигурирует понятие «кибербезопасность» (cyberbiosecurity), направленное на всестороннюю «защиту» биоэкономики для ее систематического продвижения как отрасли, сформировавшейся на стыке биологии и экономики. В то же время некоторые американские работы данного раздела посвящаются непосредственно работам в сфере биотехнологий (анаэробная биопереработка, альтернативные виды топлива) [33–38].

Следующее приоритетное направление, в котором упоминается понятие «биоэкономика», посвящено экологической и сельскохозяйственной проблематике, т. е. это работы, отражающие научные и инженерные решения по использованию биологических отходов, получению биоэнергии, а также возможности развития экономики сельских регионов (15,33 и 12,00% соответственно). Однако доля работ этого направления существенно ниже в связи с длительностью и определенными трудностями выполнения научных исследований [35; 39–43].

Вторым лидером по числу публикаций (150) с использованием понятия «биоэкономика» является Германия. В целом тематика работ Германии и США соотносится, но в Германии нет широкого разнообразия направлений. Публикации посвящены роли биоэкономики, тенденциям ее развития, потенциальному использованию растительных объектов как источников энергии. В ряде статей выполнен сравнительный анализ стратегий развития биоэкономик разных стран, рассмотрено понятие «круговая биоэкономика» [44–50]. Можно прийти к заключению, что в Германии, в отличие от США, ведущую роль занимают научно-технологические и экологические исследования (в сумме 64,00%), а прикладная биотехнология и энергетика (в сумме 34,67%) – на второй позиции.

Таблица 2. Доля различных направлений исследований в мировых публикациях базы Web of Science с упоминанием понятия «биоэкономика»

Направление исследования	Мир		США		Германия		Россия	
	Кол-во публ., шт.	Кол-во публ., %						
Биотехнология прикладной микробиологии	223	21,67	32	21,33	37	24,67	2	18,18
Экология	219	21,28	23	15,33	47	31,33	1	9,09
Научные технологии	203	19,73	25	16,67	49	32,67	1	9,09
Энергетическое топливо	155	15,06	34	22,67	15	10,00	3	27,27
Инженерия	130	12,63	14	9,33	33	22,00	0	0,00
Сельское хозяйство	115	11,18	18	12,00	15	10,00	1	9,09
Бизнес-экономика	116	11,27	12	8,00	13	8,67	0	0,00
Лесхоз	83	8,07	8	5,33	6	4,00	1	9,09
Биохимия и молекулярная биология	64	6,22	8	5,33	14	9,33	1	9,09
Химия	66	6,41	13	8,67	4	2,67	0	0,00
Биомедицинские социальные науки	35	3,40	4	2,67	0	0,00	0	0,00
Технология пищевых наук	30	2,92	0	0,00	6	4,00	0	0,00
Материаловедение	26	2,53	6	4,00	2	1,33	0	0,00
История философии науки	25	2,43	4	2,67	0	0,00	0	0,00
Государственное управление	23	2,24	1	0,67	0	0,00	0	0,00
Социальные вопросы	25	2,43	2	1,33	0	0,00	1	9,09
Генетика наследственности	21	2,04	1	0,67	1	0,67	0	0,00
География	20	1,94	3	2,00	0	0,00	0	0,00
Социология	20	1,94	5	3,33	0	0,00	1	9,09
Другое	222	21,57	45	30,00	25	16,67	8	72,73
Всего публикаций (в т. ч. повторяющихся)	1821	176,97	258	172,00	267	178,00	20	181,82
Всего (отличных) публикаций	1029	100,00	150	100,00	150	100,00	11	100,00

Примечание. «Всего публикаций (в т. ч. повторяющихся)» – показатель суммы всех публикаций по направлениям деятельности, с учетом того что некоторые публикации имеют несколько направлений, данный показатель превосходит 100%. Чтобы отразить реальную долю каждого направления, расчет производился с учетом показателя «Всего (отличных) публикаций», который представлял сумму оригинальных публикаций в анализируемой базе.

В России делается упор на развитие прикладных тематик, однако эта тенденция в связи с малым количеством публикаций (11 шт. в базе Web of Science) неоднозначна.

Выводы

Таким образом, можно отметить, что биоэкономика – это развивающаяся наука, которая находится на стыке биологии и экономики и способствует устойчивому развитию территорий. Ее развитие началось с конца XX века, однако и в настоящее

время она находится на этапе формирования (многие страны только встают на путь биоэкономики). Значительный рост числа публикаций наблюдается с 2010 года. Существенный интерес к биоэкономике в настоящее время объясняется тенденцией к экологизации и биологизации различных сфер жизни и дисциплин. Такая тенденция оправдана как нынешним состоянием окружающей среды, так и готовностью общества пересмотреть свою деятельность. Все более отчетливым становится понимание биоэко-

номики как науки, имеющей возможность положительно повлиять на устойчивое развитие территорий.

В целом преобладающие направления исследований понятны и хорошо соотносятся с современными потребностями общества и последними тенденциями в науке. По публикационной активности среди стран выделяются явные лидеры: США, Германия, Великобритания, при этом тематическая направленность их исследований несколько различается (прикладные исследования в США, теоретико-прикладные – в Германии). Публикационная активность свидетельствует, что положение России в мировом на-

учном сообществе в этом плане не соответствует необходимому уровню: 27 место в базе Web of Science и 23 место в базе Scopus, причем большая часть публикаций выполнена в соавторстве с учеными из других стран. Однако потенциал России для развития биоэкономики весьма значителен, в последнее время биотехнологические разработки привлекают внимание органов и федеральной, и региональной власти.

Как нам видится, выполненный обзор формирует представления о вкладе мирового научного сообщества, в частности российского, в исследования по вопросам биоэкономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ускова Т.В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 7–16.
2. Талавыря Н.П., Байдала В.В., Талавыря А.Н. Суть, проблемы и задачи развития биоэкономики в Украине // Вестн. Курск. гос. с.-х. акад. 2013. № 6. С. 23–26.
3. Мелик-Саркисов С.О. Экономические и организационные аспекты развития биотехнологии в сельском хозяйстве США: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М., 2004. 24 с.
4. Горбач Л.А., Райская М.В. Перспективные направления развития и ключевые факторы эффективности промышленной биотехнологии в рамках стратегии инновационного прорыва российской экономики // Вестн. Казан. техн. ун-та. 2012. № 23. С. 115–120.
5. Шкаруба А.М. Биотехнология как инновационная дисциплина // Интерэкспо Гео-Сибирь. XIV Международ. науч. конгр.: мат-лы международ. науч. конф.: в 2-х т. Т. 3. Новосибирск: СГУГиТ, 2014. С. 290–293.
6. Биоэкономика в России перспективы развития: монография / под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Кирюшина, О.В. Кудрявцевой. М.: Проспект, 2017. 176 с.
7. Бобылев С.Н., Горячева А.А., Немова В.И. «Зеленая» экономика: проектный подход // Государственное управление. Электрон. вестн. 2017. Вып. 64. С. 34–44.
8. Дробжев М.И. В.И. Вернадский: ноосфера и устойчивое развитие // Вопросы современной науки и практики. 2013. № 3 (47). С. 65–75.
9. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113.
10. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития: монография. М.: Владар, 1993. 310 с.
11. Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. 543 с.
12. Глазьев С.Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). 2010. № 2. С. 4–10.
13. Глазьев С.Ю. О политике опережающего развития в условиях смены технологических укладов // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2013. Т. 9. № 2 (19). С. 15–28.
14. Сытник А.А. Организационно-экономические аспекты развития технологического уклада в формирующейся рыночной экономике (на примере Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Саратов, 2012. 36 с.
15. Светлов И.Е. Формирование и адаптация интеллектуальных ресурсов в контексте перехода к новому технологическому укладу // Вестн. ун-та. 2015. № 13. С. 192–198.

16. Клейман Ю.А. Смена технологических укладов на основе внедрения инноваций как фактор технико-экономического развития // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2008. Т. 6. № 1. Ч. 2. С. 164–168.
17. Мутаф С.И. Переход России к шестому технологическому укладу: возможности и угрозы // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: мат-лы Международ. науч.-практ. конф. В 2-х т. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 35–38.
18. Калашников И.Б., Вавилина А.В., Якубова Т.Н. Новый технологический уклад на пути становления инновационной экономики // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 8. С. 1307–1320.
19. *Bioeconomy: teaching material*. Available at: <https://www.lvm.lv/images/lvm/BioeconomyTeaching-material.pdf>
20. Бобылев С.Н., Михайлова С.Ю., Кирюшин П.А. Биоэкономика: проблемы становления // Экономика и управление. 2014. № 6. С. 20–25.
21. Blumberga D., Muizniece I., Blumberga A., Baranenko D. Biotechnology framework for bio-energy use. *Energy Procedia*, 2016, no. 95, pp. 76–80.
22. Rogers J.N., Stokes B., Dunn J., Cai H., Wu M., Haq Z., Baumes H. An assessment of the potential products and economic and environmental impacts resulting from a billion ton bioeconomy. *Biofuels, Bioproducts and Biorefining*, 2017, no. 19, pp. 110–128.
23. Заболотский А.А., Унтура Г.А. Экономическая оценка возникновения и развития высокотехнологичных отраслей (на примере биотехнологии). Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 192 с.
24. Конов А.Л. Биотехнология в России: попытка объективного анализа // Вестн. биотехнологии. 2010. Т. 6. № 1. С. 59–62.
25. Романова С. Развитие биотехнологий в России // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской техники. 2012. № 7. С. 8–19.
26. Вальтух К.К., Соколов В. Природные ресурсы России: территориальная локализация, экономические оценки: монография. Новосибирск: СО РАН, 2007. 459 с.
27. Анищенко Н.И., Иванова М.Н., Бильков В.А. Сельское хозяйство Вологодской области накануне присоединения России к ВТО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 3 (21). С. 124–134.
28. Berry R.J. Bronson F.H. Life-history and bioeconomy of the house mouse. *Biological reviews*, 1992, vol. 67, no. 4, pp. 51–55.
29. Duchesne L.C., Wetzal S. The bioeconomy and the forestry sector: changing markets and new opportunities. *Forest Chron*, 2003, pp. 860–864.
30. Christensen S. Optimal management of the Iceland–Greenland transboundary cod stock. *Journal of Northwest Atlantic Fishery Science*, 1996, no. 19, pp. 21–29.
31. Birch K. The knowledge-space dynamic in the UK bioeconomy. *Area*, 2009, no. 41 (3), pp. 273–284.
32. Marquardt W. Systems Problems in Biorenewables Processing. *Computer Aided Chemical Engineering*, 2009, no. 27, pp. 35–40.
33. McHughen A. Stimulating the bioeconomy: Avoiding the pitfalls and obstacles in deploying sustainable biotechnology. *Journal of biotechnology*, 2008, vol. 136. 760 p.
34. Rossi A.M., Hinrichs C.C. Hope and skepticism: Farmer and local community views on the socio-economic benefits of agricultural bioenergy. *Biomass & bioenergy*, 2011, vol. 35, no. 4, pp. 1418–1428.
35. Johnson T.G., Altman I. Rural development opportunities in the bioeconomy. *Biomass & bioenergy*, 2014, vol. 63, pp. 341–344.
36. Murch R.S., So W.K., Buchholz W.G., Raman S., Peccoud J. Cyberbiosecurity: An Emerging New Discipline to Help Safeguard the Bioeconomy. *Frontiers in bioengineering and biotechnology*, 2018, vol. 6, no. 39.

37. Shields-Menard S.A., Amirsadeghi M., French W.T., Boopathy R. A review on microbial lipids as a potential biofuel. *Bioresource technology*, 2018, vol. 259, pp. 451–460.
38. Sawatdeenarunat Ch., Nguyen D., Surendra C., Shrestha Sh., Rajendran K., Oechsner H., Xie L., Khanal S.K. Anaerobic biorefinery: Current status, challenges, and opportunities. *Bioresource technology*, 2016, vol. 215, pp. 304–313.
39. Becker D.R., Skog K., Hellman A., Halvorsen K.E., Mace T. An outlook for sustainable forest bioenergy production in the Lake States. *Energy policy*, 2009, vol. 37, no. 12, pp. 5687–5693.
40. Davis A.S., Brainard D.C., Gallandt E.R. Introduction to the Invasive Plant Species and the New Bioeconomy Symposium. *Weed science*, 2008, vol. 56, no. 6. 866 p.
41. Mitchell R.B., Schmer M.R., Anderson W.F., Jin V., Balkcom K.S., Kiniry J., Coffin A., White P. Dedicated Energy Crops and Crop Residues for Bioenergy Feedstocks in the Central and Eastern USA. *Bioenergy research*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 384–398.
42. Springer N., Kaliyan N., Bobick B., Hill J. Seeing the forest for the trees: How much woody biomass can the Midwest United States sustainably produce? *Biomass & bioenergy*, 2017, vol. 105, pp. 266–277.
43. Oldfield T.L., Achmon Y., Perano K.M., Dahlquist-Willard R.M., VanderGheynst J.S., Stapleton J.J., Simmons C.W., Holden N.M. A life cycle assessment of biosolarization as a valorization pathway for tomato pomace utilization in California. *Journal of cleaner production*, 2017, vol. 141, pp. 146–156.
44. Bezama A. Understanding the systems that characterise the circular economy and the bioeconomy. *Waste management & research*, 2018, vol. 36, no. 7, pp. 553–554.
45. Biber-Freudenberger L., Basukala A.K., Bruckner M., Boerner J. Sustainability Performance of National Bio-Economies. *Sustainability*, 2018, vol. 10, no. 8. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/10/8/2705>
46. Leipold S., Petit-Boix A. The circular economy and the bio-based sector – Perspectives of European and German stakeholders. *Journal of cleaner production*, 2018, vol. 201, pp. 1125–1137.
47. Lokesh K., Ladu L., Summerton L. Bridging the Gaps for a Circular' Bioeconomy: Selection Criteria, Bio-Based Value Chain and Stakeholder Mapping. *Sustainability*, 2018, vol. 10, no. 6. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/10/6/1695>
48. Poku A.G., Birner R., Gupta S. Is Africa ready to develop a competitive bioeconomy? The case of the cassava value web in Ghana. *Journal of cleaner production*, 2018, vol. 200, pp. 134–147.
49. Stern T., Plohl U., Spies R., Schwarzbauer P., Hesser F., Ranacher L. Understanding Perceptions of the Bioeconomy in Austria-An Explorative Case Study. *Sustainability*, 2018, vol. 10, no. 11. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/10/11/4142>
50. Von Braun J. Bioeconomy – The global trend and its implications for sustainability and food security. *Global food security-agriculture policy economics and environment*, 2018, vol. 19, pp. 81–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рассохина Ирина Игоревна – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: rasskhinairina@mail.ru. Тел.: +7(910) 812-68-19.

Коткова Диана Николаевна – инженер-исследователь отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: d-i-a-n-a-35@mail.ru. Тел.: +7(900) 509-77-36.

Платонов Андрей Викторович – кандидат биологических наук, доцент, заведующий лабораторией биоэкономики и устойчивого развития отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: platonov70@yandex.ru. Тел.: +7(921) 063-54-28.

Rassokhina I.I., Kotkova D.N., Platonov A.V.

ANALYZING GLOBAL PUBLICATION ACTIVITY IN THE FIELD OF “BIOECONOMY”

The raw material export economic model is not able to meet the needs of the society and state. In this regard, the authorities are increasingly paying attention to upgrading economy and transferring it to the sustainable development model. Bioeconomics that integrates economic and biological knowledge can play an important role in this process. The article reveals historical dynamics of the formation of this discipline, significance of biotechnology in the transition to a new technological order, and provides an overview of publication activity of various countries with regard to the concept “bioeconomics”. The analysis includes data of the world rating databases Web of Science and Scopus. Several criteria are selected for consideration: year, country, research direction and publications number. In general, these databases are similar: the number of publications mentioning the concept “bioeconomics” is small (1,029 and 1,188 in the Web of Science and Scopus, respectively), indicating the process of discipline formation. The article discloses 2 conditional stages of bioeconomics development (before and after 2010) with differences in publication activity and countries’ contribution to research on this subject. It proves that in the first publications the term “bioeconomics” had a meaning different from the modern one. The analysis helps identify leaders in this area: the USA, Germany, the UK and the Nordic countries. Russia is outside the top twenty. However, given the authorities’ capacities and interest, Russia, as well as some of its regions, is able to come closer to solving a number of environmental, economic and social problems of the present time with the help of bioeconomics.

Bioeconomics, Economics, biotechnology, sustainable development, publication activity.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rassokhina Irina Igorevna – Junior Research Associate of the Department of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: rasskhinairina@mail.ru. Phone: +7(910) 812-68-19.

Kotkova Diana Nikolaevna – Research Engineer of the Department of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: d-i-a-n-a-35@mail.ru. Phone: +7(900) 509-77-36.

Platonov Andrei Viktorovich – Ph.D. in Biology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Bioeconomics and Sustainable Development of the Department of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: platonov70@yandex.ru. Phone: +7(921) 063-54-28.

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.11

УДК 316.42(470.12) | ББК 60.527(2Рос-4Вол)

© Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В АПРЕЛЕ 2019 ГОДА



МОРЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru



ДЕМЕНТЬЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: irinika_74@mail.ru



ЛЕОНИДОВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: leoele@mail.ru

Для цитирования: Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в апреле 2019 года // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 166–171. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.11

For citation: Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Main trends in the social well-being of the Vologda Oblast population in April 2019. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 3 (101), pp. 166–171. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.11

В марте – апреле 2019 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе¹. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале.

В апреле 2019 года по сравнению с февралем 2019 года оценки социального настроения жителей области существенно не изменились: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», составляет 69%; удельный вес людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску», – 26% (табл. 1). В разрезе различных социально-демографических категорий населения наиболее существенное улучшение оценок социального настроения произошло в возрастной группе до 30 лет (соответствующий индекс увеличился на 11 п., со 158 до 169 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 10 п., со 111 до 121 п.), среди лиц, имеющих среднее специальное образование (на 9 п., со 143 до 152 п.); ухудшение – в возрастной группе старше 55 лет (на 9 п., со 135 до 126 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 11 п., со 177 до 166 п.)².

Оценки запаса терпения в среднем по региону также сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 77%, удельный вес жителей области, заявляющих, что «терпеть бедственное положение уже невозможно», – 18%. Наиболее значительное повышение индекса запаса терпения в феврале – апреле 2019 года отмечается среди жителей области в возрасте до 30 лет (на 13 п., со 156 до 169 п.), от 30 до 55 лет (на 7 п., со 154 до 161 п.), среди лиц, имеющих среднее и незаконченное среднее образование (на 7 п., со 143 до 150 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 18 п., со 119 до 137 п.).

В среднем за последние 6 опросов (июнь 2018 года – апрель 2019 года) показатели социального самочувствия примерно соответствуют уровню 2018 года: индекс социального настроения составляет 147 пунктов, индекс запаса терпения – 159 пунктов.

В динамике самооценок материального положения за период с февраля по апрель 2019 года произошли негативные изменения.

За последние два месяца снизился уровень дохода среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категории 60% среднеобеспеченных (с 14058 до 13759 руб.) и 20% наименее обеспеченных (с 7442 до 7391 руб.; табл. 2).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2018 годом соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом в среднем по области существенно не изменилось (1,4 раза). При этом в высокодоходной категории населения данный показатель ниже, чем в 2007, 2011 и 2012 гг.

В период с февраля по апрель 2019 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 15 и 11% соответственно, отрицательных – на уровне 26 и 37% (табл. 3). Наиболее заметное понижение индекса оценок экономической ситуации

¹ Мониторинг общественного мнения ФГБУН ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

² В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
		2017	2011	2007													
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	71,2	72,5	72,5	71,3	70,7	68,0	68,8	70,6	0	+8	+7
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	23,1	22,8	22,5	23,1	23,5	25,6	25,5	23,8	0	-5	-4
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	140,3	143,8	146,2	148,2	149,7	150,4	148,2	147,2	142,4	143,3	146,9	+1	+13	+11
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	77,1	76,5	78,0	75,7	77,1	74,3	76,7	76,4	-1	+2	+2
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	16,3	16,6	15,5	17,1	17,5	19,1	17,5	17,2	+1	+2	+4
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	160,8	162,4	162,0	160,8	159,9	162,5	158,6	159,6	155,2	159,2	159,2	-3	0	-1

2007 год – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 год – последний год президентства Д.А. Медведева.
 2007, 2011, 2012, 2016, 2017, 2018 гг. – среднегодовые данные.
 * Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
	2017	2011	2007													
Доход на одного члена семьи, руб.																
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4330	5679	5584	6598	6905	6563	6370	7678	7442	7391	7058	+1474	+3153	+4972
60% среднеобеспеченных	4633	8425	9293	11707	12154	13245	13534	13396	13741	13119	14058	13759	13601	+1447	+5176	+8968
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	19907	25292	25360	27428	26230	28718	29114	26415	28005	28332	27802	+2442	+10165	+16584
Среднее по области	5440	9363	10425	13220	13479	14752	14745	15094	15344	14692	15526	15430	15139	+1660	+5776	+9699
Прожиточный минимум, руб.	3765	6514	6563	10102	10511	10658	10507	10995	10995	10980	10980	10698	10859	+348	+4345	+7094
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,6	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	+0,2	+0,1	+0,1
60% среднеобеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,2	1,2	1,2	1,3	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	+0,1	0	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	2,5	2,4	2,6	2,5	2,6	2,6	2,4	2,6	2,6	2,6	+0,2	-0,1	-0,4
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,4	1,4	1,4	+0,1	0	0

в области наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (на 7 пунктов, с 85 до 78 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 10 пунктов, с 90 до 80 п.).

Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 9%, негативные суждения высказывали 31% жителей региона. В разрезе социально-демографиче-

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2017	2011	2007
Экономическое положение России																
Хорошее	20,9	10,0	10,7	7,5	11,5	14,4	15,4	14,3	14,3	14,7	14,1	14,9	14,6	+3	+5	-6
Среднее	49,2	49,7	51,2	41,0	41,6	43,9	45,3	44,5	45,3	44,5	44,7	44,7	44,8	+3	-5	-4
Плохое	15,0	28,5	25,5	37,5	32,2	27,2	25,0	27,4	27,0	27,6	26,1	26,4	26,6	-6	-2	+12
Индекс	105,9	81,5	85,2	70,0	79,4	87,2	90,4	86,9	87,3	87,1	88,0	88,5	88,0	+9	+7	-18
Экономическое положение области																
Хорошее	22,5	10,4	9,9	6,5	9,5	11,8	12,3	12,4	11,7	12,3	11,3	10,6	11,8	+2	+1	-11
Среднее	49,5	48,2	49,4	35,5	36,9	39,2	41,1	38,5	39,3	40,4	41,3	41,5	40,4	+4	-8	-9
Плохое	14,2	30,2	29,4	46,0	39,5	36,9	35,4	38,1	37,6	38,1	36,7	37,0	37,2	-2	+7	+23
Индекс	108,3	80,2	80,5	60,5	70,0	74,9	76,9	74,3	74,1	74,2	74,6	73,6	74,6	+5	-6	-34
Материальное положение семьи																
Хорошее	14,7	9,6	10,1	9,3	10,7	11,8	13,5	12,0	12,3	11,1	11,9	9,3	11,7	+1	+2	-3
Среднее	52,7	50,3	54,2	50,0	49,7	48,7	49,8	47,9	49,1	47,7	50,1	50,8	49,2	-1	-1	-4
Плохое	22,2	29,8	27,4	32,6	31,9	30,2	27,9	30,4	30,3	32,1	29,8	31,2	30,3	-2	+1	+8
Индекс	92,5	79,8	82,7	76,7	78,8	81,6	85,6	81,6	82,0	79,0	82,1	78,1	81,4	+3	+2	-11

ских групп населения существенное ухудшение ситуации наблюдалось в возрастной группе от 30 до 55 лет (индекс снизился на 6 пунктов, с 85 до 79 п.), среди лиц, имеющих среднее специальное образование (на 6 п., с 89 до 83 п.), среди представителей 20%-й группы наиболее обеспеченных (на 11 п., со 114 до 103 п.), в Череповце (на 6 пунктов, с 78 до 72 п.).

За последние 6 опросов по сравнению с показателями 2018 года характер суждений об экономике России и области не изменился: соответствующие индексы установились на отметке 88 и 75 пунктов. Индекс материального благополучия семьи сохранился на уровне 81 п.

За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России существенно не изменился: доля тех, кто считает обстановку в стране «благополучной, спокойной», составляет 43%, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 44%. Стабильными сохранились и оценки политической ситуации в регионе: доля положительных суждений составляет 56%, отрицательных – 34% (табл. 4).

Наиболее существенные негативные тенденции в оценках политической обстановки в стране и области отмечаются среди представителей 20%-й группы наиболее обеспеченных (индекс оценки политической ситуации в стране снизился на 20 п., со 122 до 102 п.; в области – на 8 п., со 145 до 137 п.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2018 годом характер суждений о политической ситуации в стране и регионе не претерпел значительных изменений: индекс оценки политической обстановки в России сохранился на уровне 97 пунктов, в области – 121 пункта.

РЕЗЮМЕ

Как показывают результаты очередного этапа мониторинга, в динамике общественного мнения за период с февраля по апрель 2019 года не произошло существенных изменений:

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической и политической ситуации в стране и области (индекс экономической обстановки в России составляет 89 п., в Вологодской области – 74 п.; политической – 98 и 122 п. соответственно);

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за послед- ние 6 опросов к		
														2017	2011	2007
В России																
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	39,8	25,5	33,9	40,4	42,0	41,5	40,3	42,3	42,1	42,6	41,8	+8	-2	-7
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	43,2	56,0	49,3	45,6	43,3	46,1	47,3	46,0	44,2	44,3	45,2	-4	+7	+11
Индекс	114,3	106,3	96,6	69,5	84,6	94,8	98,7	95,4	93,0	96,3	97,9	98,3	96,6	+12	-10	-18
В области																
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	51,8	44,2	52,0	54,9	56,6	54,7	52,9	55,1	55,6	55,5	55,1	+3	+3	-5
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	31,8	39,5	33,8	33,3	31,5	33,9	35,3	34,9	34,5	33,5	33,9	0	+7	+9
Индекс	135,4	125,3	120,0	104,7	118,2	121,6	125,1	120,8	117,6	120,2	121,1	122,0	121,1	+3	-4	-14

- стабильными остаются показатели социального настроения и запаса терпения (доля положительных суждений составляет 69 и 77% соответственно);
- удельный вес позитивных суждений о материальном положении семьи составляет 9–12% (изменения в пределах ошибки выборки).

В то же время обращает на себя внимание существенное ухудшение общественного мнения среди людей, по самооценкам доходов относящихся к группе 20% наиболее обеспеченных жителей области. В данной категории снизились индексы:

- оценки социального настроения (на 11 п.);
- материального положения (на 11 п.);
- экономической ситуации в области (на 10 п.);
- политической обстановки в стране (на 20 п.) и в регионе (на 8 п.).

В стабилизации оценок экономической и политической обстановки во многом отражается процесс замедления экономического спада и улучшения ситуации в промышленном производстве, сельском хозяйстве, розничной торговле, на рынке труда, которые наметились в последние месяцы. Так, по данным официальной статистики, в марте 2019 года наблюдалось увеличение темпов роста основных макроэкономических индикаторов и показателей уровня жизни населения³.

Однако улучшение экономической ситуации в регионе пока отражается лишь в стабилизации негативных процессов в динамике общественного мнения. Для смены вектора и возникновения устойчивых позитивных изменений в оценках населения требуется сохранение положительных трендов в долгосрочной перспективе, что, разумеется, будет в первую очередь зависеть от того, насколько эффективными окажутся мероприятия властей как федерального, так и регионального уровня по реализации основных положений «майского указа»

³ По отношению к предыдущему месяцу индекс промышленного производства составил 112,8% (в феврале 2019 года по сравнению с январем 2019 года – 95,3%), объем производства продукции сельского хозяйства – 107,6% (104%), оборот розничной торговли – 108,7% (97,2%). В феврале 2019 года по отношению к январю 2019 года реальная начисленная заработная плата населения составила 107,4% (в январе 2019 года к декабрю 2018 года – 80,6%), индекс потребительских цен и тарифов на товары и услуги – 100,1% (100,5%; источник: данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>).

Президента (предполагающего, в частности, сокращение в два раза уровня бедности и вхождение российской экономики в «пятерку» крупнейших экономик мира).

В каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ФГБУН ВолНЦ РАН, который пройдет в июне 2019 года.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 379post@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Дементьева Ирина Николаевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: irinika_74@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Леонидова Елена Эдуардовна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: leoele@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

MAIN TRENDS IN THE SOCIAL WELL-BEING OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION IN APRIL 2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Morev Mikhail Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Head of the Laboratory for Studies of Social Processes and State Administration Performance, Deputy Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 379post@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Dement'eva Irina Nikolaevna – Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: irinika_74@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Leonidova Elena Eduardovna – Scientific Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: leoele@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

ИТОГИ IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ «ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ»

25 марта – 2 апреля 2019 года в ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» состоялась IV международная научно-практическая интернет-конференция «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений». Ученые и начинающие исследователи из 21 региона России, а также Армении и Беларуси обсудили проблемы развития общества в условиях современных вызовов в области социологии и экономики.

Работа интернет-конференции была организована по шести научным направлениям:

- 1) общественные настроения как индикатор социальных изменений;
- 2) социальный капитал и гражданская активность как механизмы социальных трансформаций;
- 3) проблемы и перспективы социокультурной модернизации в XXI веке;
- 4) здоровье населения – фундамент национальной безопасности;
- 5) трудовой потенциал и его перспективы в меняющихся условиях рыночной экономики;
- 6) молодое поколение в новой системе координат: традиции vs инновации.

Формат проведения – онлайн-дискуссия на официальном сайте конференции: на форуме осуществлялось ознакомление с представленными работами с возможностью задавать вопросы авторам докладов.

Конференция завершилась пленарным заседанием, на котором в онлайн-режиме выступили директор СИ ФНИСЦ РАН доктор философских наук, профессор **В.В. Козловский**, ведущий научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН доцент, кандидат социологических наук **И.С. Шушпа-**

нова, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией ФГБУН ВолНЦ РАН кандидат экономических наук **М.В. Морев**.

На закрытии пленарного заседания модератор мероприятия зам. директора, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения ФГБУН ВолНЦ РАН кандидат экономических наук **О.Н. Калачикова** подчеркнула рост научного веса конференции, отметила, что с каждым годом расширяется география участников и круг обсуждаемых вопросов.

По итогам интернет-конференции все участники получили именные сертификаты, авторы лучших работ – дипломы I, II и III степени. В IV квартале 2019 года планируется подготовка сборника докладов конференции с присвоением УДК, ББК, ISBN и размещением в РИНЦ.

Рост дискуссионной активности на форуме, расширение географии участников мероприятия, онлайн-подключение докладчиков в ходе пленарного заседания с представлением научных результатов по актуальным вопросам подтверждают интерес к проблематике конференции и свидетельствуют о необходимости продолжения традиции организации подобных научных площадок.

Материал подготовили

*О.Н. Калачикова, кандидат экономических наук, заместитель директора, заведующий отделом ФГБУН ВолНЦ РАН
М.В. Морев, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией ФГБУН ВолНЦ РАН*

Ю.В. Уханова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

С ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА



Заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН 24.04.2019

24 апреля 2019 года состоялось заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН, на котором ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах кандидат экономических наук **Е.В. Лукин** представил сообщение на тему «Трансформация структуры региональной экономики: тенденции и прогнозирование на средне- и долгосрочную перспективу».

Евгений Владимирович описал основные тенденции функционирования экономики Вологодской области на ключевых стадиях экономического процесса, рассказал о структурных сдвигах и диспропорции в региональной экономике, представил инструментарий моделирования и прогнозирования структурных трансформа-

ций региональной экономики и определил направления региональной структурной политики и последствия их реализации на средне- и долгосрочную перспективу.

В обсуждении материалов доклада приняли активное участие доктор экономических наук, профессор **В.А. Ильин**, доктор экономических наук **А.А. Шабунова**, доктор экономических наук **Е.С. Губанова**, доктор экономических наук **Т.В. Ускова**, доктор экономических наук, профессор **М.В. Селин**, кандидат экономических наук **К.А. Задумкин**, кандидат экономических наук **Е.А. Мазиллов**, кандидат экономических наук **О.Н. Калачикова**.

*Материал подготовила
Д.В. Соколова
инженер-исследователь
ФГБУН ВолНЦ РАН*

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН



Ускова Т.В., Кожевников С.А. Эффективность государственного управления: сущность, факторы и методы повышения: учебное пособие. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 160 с.

В учебном пособии изложены основные темы, дающие представление о природе государственного управления и его эффективности. Раскрыты сущность государственного управления, его ключевые особенности, дана характеристика системы государственного управления, ее уровней, функций, основных элементов и их взаимосвязей. Раскрыты концептуальные основы эффективности государственного управления, изучены существующие методические подходы к проведению ее оценки. Исследованы ключевые проблемы обеспечения эффективности государственного управления в России и обоснован комплекс мер и инструментов, направленных на ее повышение. В конце каждой главы пособия представлены вопросы и задания для закрепления изученного материала.

Учебное пособие предназначено для обучающихся по направлениям подготовки «Экономика», «Государственное и муниципальное управление», а также для аспирантов по направлению «Экономика» для самостоятельного изучения отдельных разделов учебных дисциплин и практических занятий.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля:** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт:** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация:** номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи**

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

- 1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;
- 2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

М.В. Чумаченко
И.В. Артамонов
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.05.2019.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20,81. Тираж 500 экз. Заказ № 148
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, pdt.isert@mail.ru